

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА

2001

1

Издается с 1995 г.

**Научный и культурно-
просветительский журнал**

Выходит 4 раза в год

Вестник Российского гуманитарного научного фонда

Учредитель:	Российский гуманитарный научный фонд
Редакционный Совет:	В.Л.Янин (председатель), К.А.Абульханова-Славская, Ю.Н.Гаврилец, А.Б.Жижченко, В.Г.Костомаров, В.А.Лекторский, В.Л.Макаров, Н.Н.Покровский, В.В.Седов, Е.В.Семенов, В.С.Степин
Редакционная коллегия:	Е.В.Семенов (главный редактор), В.И.Аршинов, А.К.Боковиков, П.Г.Гайдуков, В.П.Гребенюк (зам. главного редактора), В.И.Денисов, В.В.Знаков, А.М.Иваницкий, А.Н.Костин, Н.И.Лапин, Н.А.Макаров, А.В.Мудрик, А.Е.Петров, Ю.А.Сорокин, А.А.Столяров, В.Л.Тамбовцев, А.Б.Тарасов (отв. секретарь), Б.Н.Тарасов, Е.Ф.Тихомиров, С.Д.Шелов, В.В.Шелохаев

Рукописи объемом более 0,5 авт.л. к рассмотрению не принимаются. Статьи принимаются только в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением распечатки, заверенной автором. Статьи публикуются в авторской редакции.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в журнале материалов обращаться в Редакцию.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Российские и зарубежные газеты и журналы» Агентства подписки и розницы — **72574**

Содержание

Страница главного редактора	5
-----------------------------------	---

Над чем работают лауреаты конкурсов РГНФ

Исторические науки

<i>Завьялов В.И., Иванова М.Г.</i> Древнеудмуртские кузнецы	7
<i>Калинина Т.М.</i> “Китаб ат-танбих ва-л-ишраф” (Книга предупреждения и пересмотра) арабского ученого X в. ал-Масуди	14
<i>Конягин М.Ю.</i> Раскол в неославянофильской публицистике	21
<i>Тюкавкин В.Г.</i> Влияние столыпинской аграрной реформы на русское крестьянство ..	29

Экономика

<i>Анненков А.П., Батьковский А.М., Чистов Д.В.</i> Военно-экономический аспект современного состояния национальной безопасности России	35
<i>Орлик И.И.</i> Трансформации в Центрально-Восточной Европе во второй половине XX века	41
<i>Долотенкова Л.П.</i> Обменный курс и паритет покупательной способности валют ..	51

Философия. Социология. Политология. Право

<i>Малых А.Е.</i> Из истории становления дискретной математики	60
<i>Дряхлов Н.И., Давыденко В.А., Миллер А.Е., Юрченко И.Н.</i> Социокультурные и социолого-управленческие формы развития предпринимательства в России и в Германии: опыт сравнительного анализа с точки зрения контрактного менеджмента	66
<i>Савина Г.А.</i> Создание электронной базы данных «Коммунистическая Академия ЦИК СССР (1924—1936)» в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности	76

Филология. Искусствоведение

<i>Виноградов И.А.</i> Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность	83
<i>Пигин А.В.</i> Древнерусская патериковая повесть о Зерефере (вопросы текстологии) ..	92
<i>Капанадзе Л.А., Ширяев Е.Н.</i> Текст и его реализация	101
<i>Калыгин В.П.</i> Лингвистические аспекты реконструкции кельтской космологии	110

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

<i>Иваницкий А.М.</i> Три урока науки о мозге	118
<i>Кашапов М.М.</i> Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления	121
<i>Федоров А.В.</i> Насилие на экране и российская молодежь	131
<i>Анохина И.П.</i> Предрасположенность к алкоголизму и наркоманиям: маркеры и перспективы профилактики	145

Полевые исследования

<i>Зализняк А.А., Янин В.Л.</i> Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.)	153
<i>Бородихин А.Ю.</i> Археографическая работа отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН в 1999—2000 гг.: итоги и перспективы (Сибирь, 1999—2000 г.)	164
<i>Мурашева В.В., Нефедов В.С., Пушкина Т.А.</i> Изучение Гнцздова и его округа (Смоленская область, 1999—2000 г.)	173
<i>Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.</i> Экспедиции на пограничье Запада и Востока Европы (Беларусь — Польша, 1999—2000 г.)	180
<i>Иванова В.А.</i> Страхи в конце XX века (регионы России, 1999 г.)	189
<i>Бреев Б.Д., Пилипенко Н.Н.</i> О характере причин безработицы (регионы России, 2000 г.)	198

- Боярский П.В., Вехов Н.В., Плюсин Ю.М. Исследования Морской арктической комплексной экспедиции на Белом море (Север России, 1999 г.) 205
- Певнов А.М., Хасанова М.М. Этнолингвистические исследования на Нижнем Амуре (Хабаровский край, 1999—2000 гг.) 215

Конгрессы. Конференции. Симпозиумы

- Москвин В.А., Ульянкина Т.И. Международная конференция "Культурное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917—1940-е гг.)" (Москва, 29 июня — 2 июля 2000 г.) 224
- Осипова О.А. Международная конференция "XXII Дульзоновские чтения" (Томск, 19—21 июня 2000 г.) 230
- Мельникова А.С. Восьмая всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17—21 апреля 2000 г.) 233
- Локишина Э.Х., Соколинский В.М., Спасенников В.В. Первая всероссийская конференция "Психология и экономика" (Калуга, 3—5 февраля 2000 г.) 236
- Струтинская Е.И. Конференция «Маска и маскарад в русской культуре XVIII—XX вв.» (Москва, 16—19 мая 2000 г.) 242

Мир книги РГНФ

- Лекторский В.А. — В.С.Стшпин. Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 744 с. 245
- Чернецов А.В., Седов В.В. — Труды VI Международного конгресса славянской археологии: Том 1. Проблемы славянской археологии. — М.: Изд-во НПБО "Фонд археологии", 1997. — 424 с. Том 2. Славянский средневековый город. — М.: Изд-во НПБО "Фонд археологии", 1997. — 430 с. Том 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. — М.: Изд-во НПБО "Фонд археологии", 1997. — 408 с. Том 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — 430 с. Том 5. История и культура древних и средневековых славян. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 368 с. 249
- Завьялов В.И. Финно-угорская археология: итоги и перспективы / Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. — 385 с. 257
- Розенталь И.С. — В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922 гг. — М.: РОССПЭН, 1999. — 672 с. 262
- Гусев К.В. — К.Н.Морозов. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. — 622 с. 264
- Буздалов И.Н. — Г.И.Шмелев. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. — М.: Наука, 2000. — 254 с. 270
- Гурман В.И. — Е.В.Рюмина. Анализ эколого-экономических взаимодействий. — М.: Наука, 2000. — 158 с. 276
- Московская Д.С. — «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. По материалам международной научной конференции, посвященной творчеству А.П.Платонова (Москва, 26—28 ноября 1996 г.). — М.: Наследие, 1999 г. — 512 с. 281
- Гаранина О.Д. — В.С.Барулин. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. Монография. — СПб.: Алетей, 2000. — 431 с. 289

Международные связи РГНФ

- Зарубежные гуманитарные научные фонды 295

СТРАНИЦА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Первый номер журнала «Вестник РГНФ» за 2001 г. практически полностью посвящен изложению и характеристике результатов работ по проектам Фонда. В номере отсутствуют другие разделы, в том числе официальный раздел, которому было отведено значительное место в последнем номере за 2000 г., в котором были опубликованы в полном объеме материалы проверки РГНФ Счетной палатой РФ, что сделано, кстати говоря, впервые в России и может послужить началом новой традиции. Мы считали, что обязаны это сделать в интересах научного сообщества, поскольку Фонд — открытая и прозрачная структура. Второй номер «Вестника РГНФ» за 2001 г. также будет содержать большой блок официальных материалов, полно отражающих итоги конкурсов 2001 г.

Но настоящий номер является собственно научным отчетом Фонда, хотя, разумеется, очень неполным, поскольку в нем освещены лишь несколько десятков проектов. Сорок публикаций, вошедших в номер, дают хорошее представление об исследовательских и издательских проектах, о научных форумах и экспедиционных работах, поддержанных Фондом. Почти половина из них (18 статей) посвящена результатам работ по исследовательским проектам во всех областях социогуманитарной науки. Блок из восьми статей является отчетом Фонда о наиболее значимых итогах полевого сезона 2000 г. и, частично, 1999 г. Пять публикаций посвящены традиционному для «Вестника РГНФ» обзору поддержанных Фондом научных конференций, симпозиумов, семинаров и других научных форумов. В номер вошли также девять рецензий на издания Фонда.

Кроме публикаций по проектам в номер включен информационный материал о зарубежных научных фондах, оказывающих поддержку гуманитарным исследованиям. Этот материал продолжает серию публикаций журнала, содержащих полезную для российских ученых информацию о доступных для них системах поддержки гуманитарной науки.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСОВ РГНФ

Исторические науки

В.И.Завьялов, М.Г.Иванова*

Древнеудмуртские кузнецы

Среди финно-угорских народов, расселенных в лесной зоне от Прибалтики и Скандинавии на западе до р. Обь на востоке, удмурты занимают срединное положение. Материалы фольклора, филологии, топонимии, археологии показывают, что их формирование и развитие с древнейших времен проходило на территории Прикамья в междуречье Камы и Вятки. Эти две речные магистрали в древности играли роль этнических коммуникаций, по ним осуществлялись все связи местного населения с внешним миром. Гидронимы Кама, Вятка, Чепца, Кильмезь стали своеобразными этническими символами удмуртов. Удмурты прежде были известны под именем *вотяки* (*отяки, чудь отятцкая*), *ары*. Самоназвание "удмурт" отмечено в литературе еще в XVIII в., но официальное право гражданства получило в 1932 г., когда Вотская автономная область была переименована в Удмуртскую, а в 1934 г. она получила статус Удмуртской АССР, в 1992 г. — Удмуртской Республики.

В начале II тысячелетия н.э. в Камско-Вятском бассейне выделяются четыре локальных варианта, население которых связано с формированием современного удмуртского этноса: на территории удмуртского Прикамья — чумойтлинская археологическая культура X—XV вв., в бассейне р. Чепцы — чепецкая (конца IX—XV вв.), на Вятке — кочергинская (X—XII вв.) [1, с. 22—33], в междуречье нижней Вятки и Волги предположительно локализовались памятники, оставленные предками арских удмуртов [15]. Таким образом, по исследованиям последних лет уже можно утверждать, что в начале II тысячелетия н.э. на этой территории не было археологической культуры, подтверждающей факт формирования единой удмуртской народности.

Однако материалы, полученные при изучении этих групп археологических памятников, для историко-культурных реконструкций далеко не равнозначны.

* Завьялов Владимир Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель проекта «Процесс становления ремесла у древних удмуртов (на примере железообрабатывающего производства)» (99-01-00008а).

Иванова Маргарита Григорьевна — доктор исторических наук, заведующая отделом археологии Удмурдского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, исполнитель проекта «Процесс становления ремесла у древних удмуртов (на примере железообрабатывающего производства)» (99-01-00008а).

Большинство поселений чумойтинской и кочергинской культур содержит невыразительные комплексы, погребальные памятники неизвестны. Поэтому эталонными памятниками средневековых удмуртов являются памятники бассейна р. Чепцы, где прослеживается соприкосновение данных археологии с фольклорными, лингвистическими, историко-этнографическими материалами [9, с. 59—79; 7, с. 41—59].

Среди чепецких памятников особенно выделяется городище Иднакар. Это самое крупное городище Прикамья, площадь его составляет около 40 тыс. кв. м. В результате многолетних раскопок на городище получены обширные и разнообразные коллекции вещевого инвентаря, массовые палеоботанические, остеологические материалы, открывающие возможности более глубокого комплексного анализа культуры и хозяйственной деятельности на фоне общего развития социально-экономических процессов в Восточной Европе. Не менее важно и то обстоятельство, что наблюдения за стратиграфией залегания материалов в слое предоставляют возможности более точных хронологических определений отдельных категорий источников.

Иднакар являлся крупнейшим центром железоделательного и кузнечного ремесла в Прикамье. Ярким свидетельством этому являются остатки металлургических и кузнечных горнов, скопления шлаков и отходов производства, большого количества орудий труда металлурга и кузнеца, разнообразного ассортимента изготовленной продукции. Комплексы, связанные с получением и обработкой черного и цветных металлов, были сосредоточены на мысовой части городища, но производственные сооружения, особенно инструментарий кузнеца и литейщика, встречаются во всех структурных частях. По всей вероятности, с расширением поселения сооружения перемещались на более безопасные в противопожарном отношении части, а также окружающие селыща. Подробный анализ остатков производственных сооружений позволил реконструировать древнеудмуртскую кузницу (рис. 1).

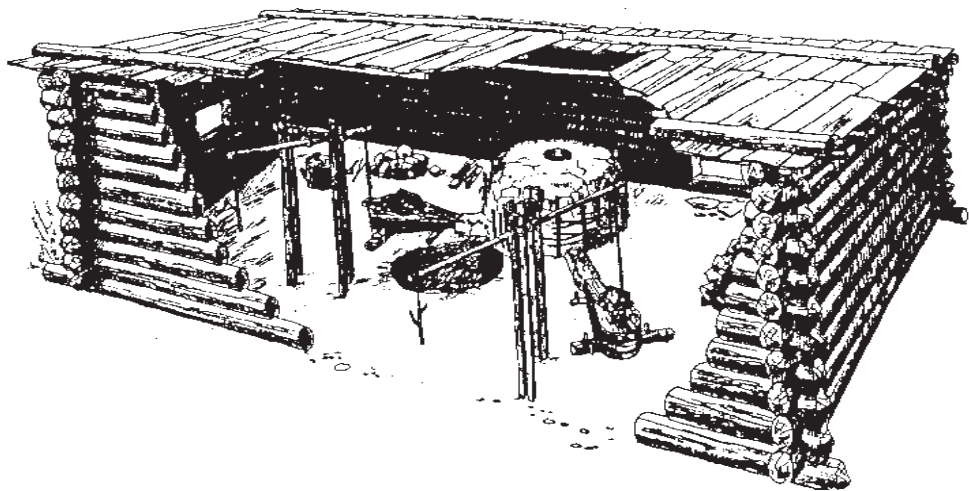

Рис. 1. Реконструкция древнеудмуртской кузницы
(по материалам городища Иднакар)

С металлургией связаны орудия, напоминающие по форме топоры, у которых боек не заточен, а срезан и имеет прямоугольную рабочую площадку. Ими вполне можно было воспользоваться при дроблении руды. Кузнечный инструментарий представлен клещами, молотками, наковальнями, зубилами, бородками, точильными камнями.

Разнообразен производственный инструментарий из железа и стали. Широко представлены орудия деревообработки. Морфологический и типологический анализы этих инструментов показывают, что чепецкие мастера имели в своем арсенале все основные орудия, использовавшиеся и позднее (рис. 2).

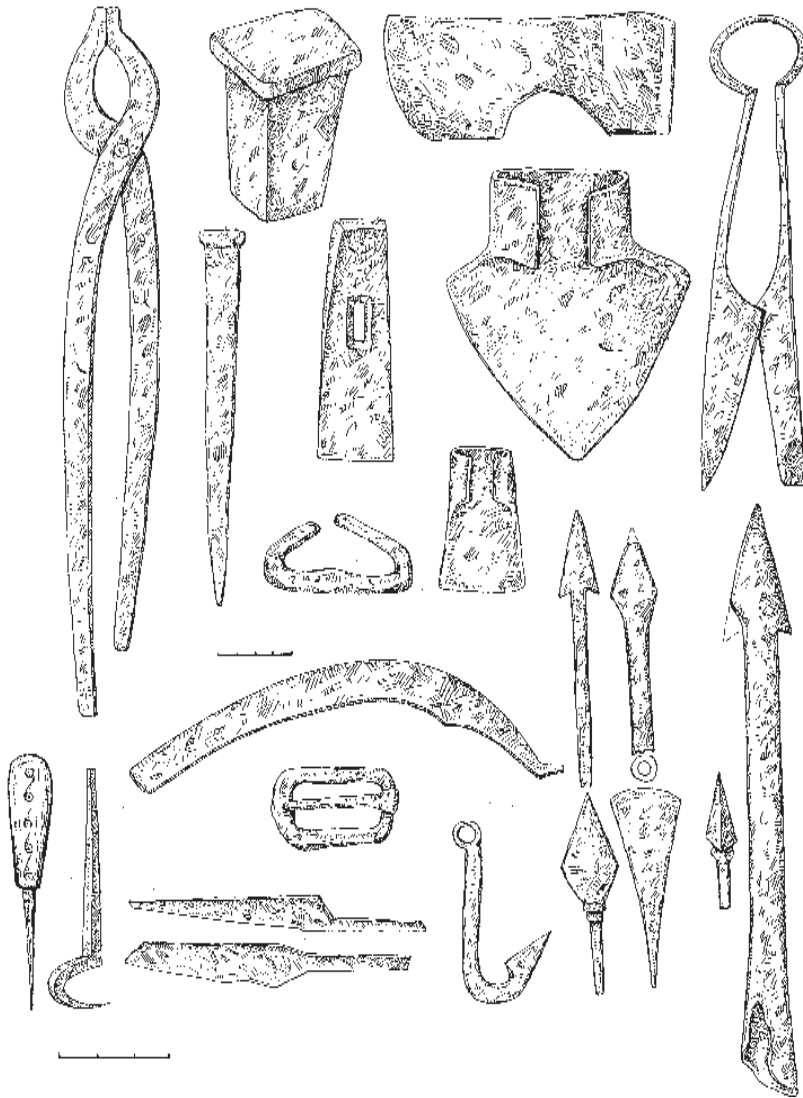

Рис. 2. Предметы из железа и стали, изготовленные древнеудмуртскими кузнецами

Из бытовых предметов более всего представлены ножи, являющиеся самой многочисленной категорией находок. Размеры ножей различны, длина клинков колеблется от 4 до 14—15 см, но чаще встречаются ножи с длиной лезвия 6—8 см. Опираясь на принятую в последние годы классификацию восточноевропейских ножей [11], среди древнеудмуртских орудий можно выделить три группы. В первую включаются ножи, у которых линия спинки клинка непосредственно переходит в черенок. Эта группа, которую принято связывать с изделиями финского мира, небольшая, ее составляет около 18% изделий. Ножи второй группы, наиболее многочисленные из древнеудмуртских памятников, отличает широкий, тонкий (0,15—0,2 см) клинок, переходящий уступами в короткий черенок. У ножей четвертой группы переход от клинка к черенку выделен четкими уступами. Спинка клинка прямая, несколько приспущена к острию. Клинок узкий, обухок толстый (4—5, иногда 6 мм), из-за чего лезвие в сечении имеет клинообразную форму, черенок длинный, шиловидный. Такие орудия составляют в коллекции чепецких ножей около 25%. Многочисленные металлографические анализы показывают определенное своеобразие в технологии их производства: подобные ножи часто изготавливались методом сварки из трех полос — двух железных и стальной между ними, выходящей на лезвие. При этом использовалось железо особого рода, с повышенным содержанием фосфора, что придавало металлу повышенную твердость. Происхождение этого типа ножей в настоящее время достаточно убедительно принято связывать со скандинавскими древностями.

Многочисленны среди чепецких памятников кресала: калачевидные без язычка, относящиеся к типу, широко распространенному в лесной зоне Восточной Европы в конце XI — середине XIII в., и овальные двулезвийные, которые датируются XII—XIII вв. [10, с. 163].

В коллекции железных изделий чепецких памятников значительное место занимают предметы вооружения, количество которых заметно возрастает в XII—XIII вв. Самой многочисленной категорией находок являются наконечники стрел. Типологически разнообразны наконечники копий. Среди древнеудмуртских древностей встречаются двушипные, листовидные, ромбические наконечники, наконечники с граненым пером. Копья с двушипными наконечниками были в основном охотничьим оружием, но копья с граненым пером могли выполнять боевые задачи.

В коллекции чепецких памятников достаточно выразителен и комплекс упряжи коня. Среди удил преобладают кольчатые двусоставные. Диаметр колец варьируется в пределах 4—8,3 см. Имеются также стержневидный железный псалий с парой овальных сквозных отверстий для пропуска петли грызла и сцепления с ремнем оголовья.

По всей вероятности, в качестве седельных и подпружных могли употребляться крупные железные пряжки с прямоугольной и круглой рамкой, а в качестве застежек от пут и недоуздка — крупные костыльки в виде прямого и изогнутого стержня с отверстием на боковом щитке.

В целом детали вооружения и конской упряжи Иднакара мало отличаются от древнерусских, болгарских и кочевнических образцов конца I — начала II тысячелетия н.э. Однако наблюдается отсутствие защитного снаряжения и единичные находки клинкового оружия. Подобная

ситуация аналогична некоторым другим регионам финно-угорского мира [13, с. 33].

В настоящее время проведены первые археометаллографические исследования материалов чепецких памятников (изучению подверглись около 200 предметов памятников IX—XIII вв.). Среди исследовавшихся находок — орудия труда, оружие, предметы быта: всего 27 категорий. Предварительные выводы о кузнечном ремесле чепецких племен уже введены в научный оборот [2; 3; 4; 5; 6; 14]. Установлено, что древнеудмуртские кузнецы применяли железо и сталь различных сортов. Преобладают железные изделия с повышенной микротвердостью, что в сочетании с крупнозернистостью феррита указывает на повышенное содержание фосфора в металле. По всей видимости, получение фосфорного железа было связано с характером болотных руд, которые использовали древнеудмуртские металлурги. С большой долей вероятности можно считать, что кузнецы могли различать железо с повышенной концентрацией фосфора. О разделении сортов фосфорного и "обычного" железа свидетельствует целенаправленное их применение у некоторых категорий железных изделий: в ряде случаев зафиксировано сочетание в одном предмете посредством кузнечной сварки "обычного" и фосфорного железа.

В первой половине II тысячелетия н.э. в Прикамье при изготовлении орудий труда широко применялась сталь. Более 70% исследованных предметов откованы целиком из стали или имеют стальную рабочую часть. Использование различных сортов стали проводилось достаточно целенаправленно: малоуглеродистая сталь шла на изготовление цельнометаллических предметов и основы качественных орудий (топоров, долот), средне- и высокоуглеродистая — на небольшие качественные орудия (ножи, кресала) и лезвия орудий в сварных конструкциях. Особенностью стали, применявшейся древнеудмуртскими ремесленниками, является часто фиксируемое неравномерное распределение углерода. Это относится не только к низко-, но и к высокоуглеродистой стали, что свидетельствует о широком использовании сырцово-стали, т.е. стали, полученной при металлургическом процессе. Сталь производилась не особыми ремесленниками (какими, например, были древнерусские «укладники»), а непосредственно кузнецами. В большинстве же случаев ремесленники довольствовались неравномерно науглероженной сталью, полученной в сыродутном горне.

В результате проведенных исследований удалось установить, что древнеудмуртские кузнецы владели большинством приемов и способов обработки черного металла. Кузнечные операции выполнены на высоком профессиональном уровне. Основным способом изготовления орудий труда было сочетание в предмете посредством кузнечной сварки твердого стального лезвия и вязкой железной основы. Кузнецы в совершенстве освоили и многие виды термической обработки черного металла: резкую и мягкую закалку, закалку с последующим высоким и низким отпуском. Применение термообработки носило дифференцированный характер. Так, лезвия орудий режущего действия (ножи, наструги, косы, серпы) закаливались в резкой среде (на мартенсит). Орудия ударного действия (топоры, долота, стамески) подвергались мягкой закалке или закалке с последующим отпуском.

Древнеудмуртские кузнецы при изготовлении поковок применяли восемь основных технологических схем. Установлено, что при производстве ножей наиболее часто применялась схема трехслойного пакета. Ее освоение в Прикамье началось еще в XI в. и связано с распространением этой технологии по северным районам Восточной Европы. По трехслойной схеме древнеудмуртские мастера изготавливали также наструги, резцы. Технологическая группа орудий с сварными лезвиями представлена главным образом ножами и топорами. Из других категорий орудий труда сварное лезвие зафиксировано на косе-горбуше. Широко применялась наварка стального лезвия на железную основу. При полном отсутствии в этой технологической группе ножей в нее входит значительная часть деревообрабатывающих орудий, кресал, кос, серпов. Следовательно, можно считать, что отсутствие ножей с сварными лезвиями среди древнеудмуртских памятников является характерной чертой местного кузнечного ремесла. Не требовали сложных технологических навыков предметы, откованные целиком из железа и стали. По этим схемам изготавливались в основном предметы быта, орудия охоты и рыболовства, т.е. поковки, не требующие по своему функциональному назначению качественных рабочих частей. Гораздо реже из железа и стали отковывались орудия труда. К несложным технологиям для рассматриваемого периода можно отнести и цементацию готового изделия. С ее применением изготовлено около 6% орудий труда. Предметы с цементированными лезвиями встречены почти среди всех категорий. Более часто термохимическая обработка применялась при изготовлении мотыг, наконечников стрел.

Таким образом, можно констатировать, что железообработка у древних удмуртов достигла в первой половине II тысячелетия н.э. высокого уровня. Кузнечная техника являлась составной частью восточноевропейского металлообрабатывающего производства в его северорусском варианте, для которого было характерно сочетание в орудии посредством кузнечной сварки твердого стального лезвия и вязкой железной основы. По качеству исполнения отдельных операций, применению технологических схем продукция древнеудмуртских кузнецов ненамного уступала изделиям мастеров Древней Руси. Прослеживается определенная стандартизация продукции, сочетание технологии изготовления с определенным типом изделия (ножи, наструги — трехслойный пакет; топоры — сварка; косы, серпы — наварка). Вместе с тем наблюдается определенная стагнация в развитии кузнечного ремесла, выразившаяся в закреплении освоенной технологии за типом орудия на протяжении всего периода бытования культуры. Например, процент ножей с трехслойными клинками приблизительно одинаков как на раннем, так и на позднем этапе чепецкой культуры, в то же время за этот период в Древней Руси технология изготовления ножей менялась по крайней мере дважды (переход к торцовой, а затем к косой боковой наварке стального лезвия).

Итоги этих изысканий показали необходимость продолжения работ в выбранном направлении. Они очертили круг вопросов, на которые прежде всего следует направить свое внимание исследователям. Прежде всего это истоки древнеудмуртского кузнечного ремесла. И здесь необходимы широкие исследования материалов поломской культуры — непосредственного хронологического предшественника чепецких памятников. В последнее время на основе анализа материальной культуры средневекового населения бассейна

Чепцы, картографирования памятников и их хронологического соотношения ряд археологов пришел к выводу, что более правомерно говорить об одной археологической культуре — поломско-чепецкой [8, с. 7]. Тем более становится актуальной работа по изучению кузнечного ремесла средневековых удмуртов. Невьясненным остается вопрос и о соотношении ремесленных традиций северных удмуртов с другими группами (кочергинская, чумойтлинская культуры). Наконец, важным представляется проблема освоения древнеудмуртскими кузнецами технологии трехслойного пакета, истоки которой находятся в древностях Скандинавии, откуда происходят наиболее ранние формы ножей, изготовленных в данной технологии [11; 12, с. 178]. Таков основной круг вопросов, на решение которых направлен проект «Процесс становления ремесла у древних удмуртов (на примере железообрабатывающего производства)».

Примечания

1. Година Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. — Ижевск, 1987.

2. Завьялов В.И. Ножи городища Иднакар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. — Ижевск, 1985.

3. Завьялов В.И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I — начале II тысячелетия н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. — Ижевск, 1988.

4. Завьялов В.И. Прикамский очаг черной металлургии первой половины II тысячелетия н.э. // Новые исследования по этногенезу удмуртов. — Ижевск, 1989.

5. Завьялов В.И. История средневекового железообрабатывающего производства в Камско-Вятском бассейне. Автореф. дисс. ... к.и.н. — М., 1990.

6. Завьялов В.И. Итоги и перспективы изучения кузнечного ремесла древних удмуртов // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск, 1991.

7. Иванов А.Г. Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск, 1991.

8. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V — первая половина XIII вв.). — Ижевск, 1998.

9. Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. — Ижевск, 1987.

10. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982.

11. Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Л., 1980. — с. 21.

12. Розанова Л.С. Кузнечная продукция и техника её производства на северо-востоке Руси в X—XIII вв. // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. — М., 1991.

13. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси (к проблеме славяно-финских этнокультурных связей): Историко-археологическое исследование. Автореф. дисс. ... д.и.н. — Л., 1991.

14. Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. — М., 1997.

15. Шутова Н.И. К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. — Ижевск, 1987.

Т.М.Калинина*

**“Китаб ат-танбих ва-л-ишраф”
(Книга предупреждения и пересмотра)
арабского ученого X в. ал-Масуди [1]**

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди, крупнейший арабский ученый, жил в первой половине X в. и происходил из аристократической семьи потомков Мухаммада Абдаллаха ибн ал-Масуда. Родился и вырос он в Багдаде, много путешествовал: был в Иране, Сирии и Египте, навещал Аравийский полуостров, восточные берега Африки, доезжал до Кавказа и Индии. Он написал более 30 книг, но сохранились только две из них: “Промывальни золота и рудники самоцветов” и “Книга предупреждения и пересмотра”. В них содержится информация о странах, народах, городах, в которых ал-Масуди побывал сам, о которых он узнал из расспросов или трудов своих предшественников — историков, географов, астрономов, богословов.

В первой главе “Книги предупреждения и пересмотра” ал-Масуди, излагая цель написания, упоминал свои предыдущие сочинения: “Истории времени и тех, кого уничтожили превратности судьбы из прошлых народов, ушедших поколений и исчезнувших государств”, “Книга средняя”, “Промывальни золота и рудники самоцветов с дарами благородным владыкам и людям знания”, “Отрасли знаний и что происходило в предшествующие эпохи”, “Сокровища наук и что было в прошлые времена”, “Напоминание о том, что произошло в минувшие века”. Из всех перечисленных произведений сохранились лишь “Промывальни золота и рудники самоцветов”, поэтому есть возможность сравнивать во многих случаях информацию двух сохранившихся трудов. Как писал сам автор, последняя “Книга предупреждения и пересмотра” является сокращением прочих произведений, написанным им после долгого пребывания на чужбине и многолетних путешествий. Ал-Масуди отме-

* Калинина Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра “Восточная Европа в античном и средневековом мире” Института всеобщей истории РАН, руководитель проекта «Подготовка к публикации комментированного издания труда арабского ученого X в. ал-Масуди “Китаб ат-танбих ва-л-ишраф” (Книга предупреждения и пересмотра)» (98-01-00147а).

чал, что во многих странах он пробыл довольно долго, многое видел лично, многих расспрашивал.

В первых главах уделено внимание космической модели мира, со ссылками на Аристотеля, Платона, Птолея и других авторитетов из древних греков, а также на индийские, персидские, китайские, халдейские воззрения. Впрочем, в начале ал-Масуди как правоверный мусульманин ссылался на Коран, которым подтверждал совершенство созданного Аллахом мироздания, и только после этого переходил к упоминаниям древних мудрецов и разным точкам зрения на космогонические проблемы. Он уделял внимание временам года и соответствию им созвездий, направлению ветров и особенностям климатических условий некоторых стран, а заодно упоминал о диковинках — пирамидах Египта, великой реке Нил, зависимости от его разливов всего хозяйства Египта и особенно собираемых налогов.

В небольшом фрагменте достаточно ясно вырисовывается общий подход автора к изложению и охвату тем — от астрономических выкладок до конкретных реалистических деталей, в весьма сжатой форме и малом объеме. К числу литературных достоинств ал-Масуди следует отнести обращение к стихотворной традиции, причем не всегда легко понять, какому автору принадлежат те или иные стихотворные строки; Впрочем, в некоторых случаях он указывал на принадлежность стихотворной цитаты. В главе о делении Земли на “климаты” (широтные зоны, на которые арабские ученые делили обитаемую часть Земли) особое внимание уделено четвертому — под названием “Бабил” (Вавилон), поскольку посередине его располагался Ирак; он считался самым благоприятным для обитания, а жители его — наимудрейшими, так как они оказались самыми близкими к Солнцу. Напротив, народы, находившиеся вдалеке от Солнца, а к таким ал-Масуди относил, среди прочих, франков, сакалиба и тюрок, не обладали, по мнению автора, такими достоинствами, как ученость, тяга к культуре или простое благоразумие. Следует отметить, что в главах о делении Земли встречаются явные параллели с другими источниками — такими как “Книга стран” ал-Иакуби, труд Ибн ал-Факиха, который в свою очередь опирался на несохранившиеся версии трудов Ибн Хордадбега или ал-Джайхани; схожие сюжеты встречаются также в сочинениях Кудамы ибн Джафара, Агапия Манбиджского и других сочинениях, что свидетельствует об обращении ал-Масуди к некоему единому для многих арабских ученых авторитетному первоисточнику. Поиск его на протяжении более чем ста лет велся востоковедами, однако, без нахождения новых средневековых произведений, на что надежды немного, вопрос и по сей день остается открытым. Для ал-Масуди такими авторитетами были ас-Серахси, ал-Кинди и другие ученые, книги которых не сохранились.

В рассказе о морях Земли ал-Масуди упоминал Средиземное море (море ар-Руми), именуя его, по традиции, принятой в арабской географии, по близлежащим народам, в число которых он включил сакалиба. Схожее описание имеется и в “Промывальнях золота”, и у других ученых. Здесь следует отметить оригинальную версию автора, включившего в название моря имя “сакалиба”, не встречавшееся в схожих описаниях Средиземного моря, в ряду с “ифранджа” (франки) и “ар-Рум”, хотя оно имеет явную общую основу. При описании Хазарского моря ал-Масуди отошел от представлений географов IX в., называвших Хазарским морем Черное. Ал-Масуди имено-

вал так Каспий и описывал его весьма подробно, особое внимание уделяя нефтеносным месторождениям в районе Баку, где, вероятно, он побывал лично. При этом авторская воля позволила ему отойти от описания моря и уделить весьма значительное место рассказам об известных ему вулканах и нефтеносных месторождениях, включая индийские, африканские и другие. Это не помешало ученому вернуться к изложению материала о Хазарском, т.е. Каспийском, море и упомянуть о впадающих в него реках Черный и Белый Иртыш, которые исследователи не идентифицировали с современным Иртышем. Ал-Масуди передал также совершенно оригинальную информацию о реках хазар и буртасов, о которых существует весьма обширная литература. На основании этой литературы можно полагать, что реку хазар следует идентифицировать, как и ранее, с нижним течением Волги. Для идентификации реки буртасов было высказано множество предположений, особенно среди археологов, но все они недостаточно обоснованы.

В 12-й главе книги ал-Масуди находится достаточно известный фрагмент, представлявший всегда большой интерес для историков, занимающихся восточноевропейскими сюжетами, о буртасах и хазарах, их меховой торговле, путях доставки восточноевропейских мехов. Судя по многим деталям, информация вполне современна периоду жизни ал-Масуди. Так, при сравнении с сюжетно схожими фрагментами из книг географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукаля можно сделать вывод, что ал-Масуди полемизировал в вопросе о происхождении и вывозе мехов с тем автором, который был одним из его первоисточников, а именно, с Ибн Хордадбехом (IX в.). Он писал, что меха происходили из западной части света — из Андалусии и страны франков, а наш автор отрицал западноевропейское происхождение мехов и подчеркивал, что такие драгоценные меха, которые высоко ценились на востоке, происходили из стран сакалиба, русов и буртасов и именно оттуда привозились в Андалусию и к франкам.

13-я глава “Книги предупреждения и пересмотра” посвящена Черному морю (Понту). Информация о нем в корне отличается от той, что была приведена ал-Масуди в его более ранней книге “Промывальни золота и рудники самоцветов”. Там Понт и Меотис были представлены как два находившихся рядом моря, из которых Меотис меньше и соединен с Понтом довольно узким проливом; берега Понта, по мнению ал-Масуди, были населены русами, булгарами, саклабами и тюрками, а плавали по морю Понт русы. Правда, ал-Масуди почему-то считал, что названия Понт и Меотис можно менять местами, то есть что Понт иные называют Меотисом, а Меотис — Понтом. В “Книге предупреждения и пересмотра” ал-Масуди в корне пересмотрел свои взгляды на положение этих двух морей. Теперь он писал, что Меотис является большим озером и находится на крайнем севере обитаемой земли, а часть его — у Северного полюса, близ которого расположен последний город в обитаемой четверти земли Туле; отсюда выходит Константинопольский пролив, впадающий в Средиземное море. В море Понт, по рассказу ал-Масуди, впадает огромная река Танаис, исток которой на севере и берега которой населены сакалиба и другими народами, живущими на севере. Кроме этой реки, в Понт впадают также реки Дануба и Малава, последняя называется так по-славянски, а живут на этих реках немцы, саклабы и моравы. Море Понт, по мнению ал-Масуди, сообщается также с

Каспием посредством пролива и неких великих рек, имени которых он не называет. А еще ученый предполагает, что в реке Малава находится исток реки тюрков, которая течет близ города Шаша (древнее название современного Ташкента) и называется по его имени. Этот фрагмент использовался в научной литературе, однако никто не рассматривал его полностью, в связи с общими воззрениями автора. При анализе становится ясно, что в рассказе о море Понт ал-Масуди пользовался по меньшей мере тремя источниками. Один — тот, который чаще всего возводят к несохранившемуся произведению Ибн Хордадбеха или ал-Джайхани и в котором есть и реалистические, и одновременно восходящие к античности мифологические данные о море Понт и Меотис. Кроме того, в сохранившемся варианте труда Ибн Хордадбеха именно Черное море названо морем Хазар, с чем ал-Масуди откровенно полемизирует, хотя и не называет имен тех, кто вызвал его несогласие. Другой источник связан с именами классической школы арабских географов, выразителями которой были ал-Истахри и Ибн Хаукаль, и именно в их трудах представлен Константинопольский пролив как большой водный массив, связывающий Средиземное море и северную часть так называемого Окружающего океана, аналогичную северной Атлантике или, может быть, Балтике. Наконец, третий источник, нам неизвестный, — тот, который передал ал-Масуди сведения о реках Дунае и Мораве, или Тиссе, и ареале их населения. Ясно, что все три источника ал-Масуди переработал в связи со сложившимися у него самого представлениями о северной части ойкумены. Совершенно фантастическая мысль о связи среднеазиатской реки Сырдарья со славянской рекой, аналогичной притоку Дуная Мораве, проистекает из неверного представления ал-Масуди о булгарах, которых он представлял себе одним народом: и принявшим христианство, воюющим с Константинополем, живущим близ Понта, и одновременно мусульманским, вблизи реки хазар, т.е. Волги. Налицо смешение сведений о волжских и придунайских булгарах в представлении ал-Масуди.

В сообщении о море Океан, в названии которого отражена присущая арабским ученым идея, взятая из античной науки, о всемирном Окружающем Океане вокруг населенной четверти Земли, есть любопытные данные о реках Андалусии, 12 островах Британии, о живущих к югу от экватора жителях с черным цветом кожи, причем часть этих известий также имеет совершенно явные первоисточники, такие как ас-Серахси, ал-Джахиз, ад-Динавари, Ибн Хордадбех и др., но есть и вполне оригинальные известия, полученные ал-Масуди, видимо, во время своих путешествий.

После пространных рассуждений о причинах морских приливов и отливов и изложения мнений разных ученых на этот счет, ал-Масуди переходит к рассказу о семи могущественных и славных, по его мнению, народах, живших в древности: персах, халдеях, греках, ливийцах, тюрках, разных видах индийцев и синдийцев, а также о китайцах, корейцах и родственных им народах. Выясняется, что ал-Масуди понимает под этими именами весьма разные народы. Так, например, в состав персов он включает население земель части Малой Азии, Кавказа, Ирана, Средней Азии. Основную часть рассказа он посвящает халдеям, в состав которых включает арабов, отдельно — йеменцев, евреев, арамеюв, сирийцев и других, говоривших в древности, по мнению ал-Масуди, основанному на авторитете Аристотеля, на сирийском языке.

В состав древних греков включены сами греки, византийцы, сакалиба, франки, говорящие все на одном — греческом — языке и находящиеся некогда под властью одного правителя. Наиболее точно даны названия тюрков, хотя не отмечены места их обитания: карлуки, кимаки, огузы, токузогузы и хазары. Последние охарактеризованы как оседлые тюрки, носившие тюркское имя “сабир” и персидское “хазаран”, что в арабизированном виде, по сведению ал-Масуди, стало выглядеть как “ал-хазар”; этот народ пользуется иным, чем у прочих тюрков, языком. Сообщение ал-Масуди о хазарах было использовано многочисленными исследователями, сопоставлено с другими источниками (арабскими, персидскими, византийскими, армянскими, китайскими) и давно вошло в научный обиход. На основе этой краткой информации были сделаны выводы о происхождении, языке, этнической принадлежности хазар. Однако следует обращать внимание на общую склонность ал-Масуди соединять воедино разные источники, а следовательно, необходимо соблюдать осторожность с выводами на основе информации ал-Масуди. В рассказах о тюрках, например, надо учитывать источники, хотя и более поздние, чем книги ал-Масуди, но зато достаточно хорошо сохранившиеся, например, персидского ученого XI в. Гардизи. Привлечение этого источника заставляет усомниться в полной оригинальности версии нашего автора.

Если несколько слов ал-Масуди об одном из хорошо известных в средневековье народов вызвали оживленнейшее обсуждение ученых и, как следствие, далеко идущие выводы, то подробное перечисление им же династий, например, персидских царей, которому отданы не три фразы, а целых 7 глав, почти не привлекло внимание исследователей. С одной стороны, это понятно, поскольку древняя иранская история знакома по многим синхронным памятникам, и если ошибки в изложении ал-Масуди есть, то они очевидны; но с другой стороны, изучением материалов ал-Масуди ученые, особенно отечественные, занимались мало. Начинается этот раздел с сообщения о первочеловеке, которое обнаруживает знакомство ал-Масуди как с древнеиранской мифологической традицией, так и с известным и в христианской, и в мусульманской религиях библейским преданием о первом человеке — Адаме. Рассказы о персидских династиях имеют некоторые параллели в сочинениях Ибн Хордадбега, хотя и не всегда: так, среди потомков курдов, происходивших, по якобы древнеперсидской родословной, в передаче нашего автора, от родоначальника Курда ибн Исфандийара ибн Манушахра, упомянуты и живущие в землях Азербайджана, Арминии, Арране, Байлакане, Дербенте (Баб-ва-л-Аббабе), причем эти области явно не совпадают с тем территориальным делением кавказских земель, что приводит Ибн Хордадбех. Ряд деталей в рассказах о династиях древних персов имеет аналогии в “Шахнаме” Фирдоуси, что указывает на общие иранские источники мифологии и эпоса. Он упоминает об Авесте, причем названия глав, приводимые ал-Масуди, не совпадают с теми, что дошли до нашего времени, возможно, потому, что ал-Масуди, как считают исследователи, опирался не на оригинальный текст Авесты, а на современный ему перевод на фарси. Кроме мифической истории первых правителей Ирана, наш автор упоминает царей династии Ахеменидов, Аршакидов, Сасанидов, причем зачастую имена правителей невозможно идентифицировать с известными из других источников. Истории персидских царей отведены главы 17—21.

Главы 22—27 содержат известия о древнегреческих и византийских правителях. Выделены главы о тех, кто еще был язычником, и о тех, кто принял христианство. Основные факты греческой, византийской, церковной истории совпадают с “Историей” Евтихия Александрийского, легшей в основу соответствующих разделов труда ал-Масуди “Промывальни золота и рудники самоцветов”. Начинается этот рассказ с объяснения, почему правители, властвовавшие над греками после Александра Македонского, назывались Птолеями; при этом, со ссылкой на Теона Александрийского, исправлено их число: в “Промывальнях золота” было названо 14 царей, тогда как в “Книге предупреждения и пересмотра” — 16, а общее число лет их правления почему-то уменьшено в сравнении с истинным. Начинается рассказ о греческих правителях с изложения истории Ромула и Рэма, и хотя ал-Масуди оговаривается, что после них были и другие цари, но первый, кто числился “в древней летописи”, — это Гай Юлий Цезарь. Следует отметить, что хронология царствования римских и затем византийских императоров приведена более или менее точно. Много места уделено церковной истории: есть сведения по библейской истории, возникновению христианства, о жизни Христа, об отношении того или иного правителя к приверженцам христиан — гонениях или, напротив, поддержке их. Большое внимание уделено царствованию и деяниям Константина Великого и постройке Константинополя. По поводу названия города ал-Масуди заметил, что город был назван по имени Константина, но в эпоху жизни самого ал-Масуди только арабы называли его “Кустантинийа”, в то время как сами жители города, византийцы, именовали его “Булин”, т.е., видимо, “полис” (“город”), а если хотели подчеркнуть величие города, то говорили: “Истан Булин”. В этом разделе есть данные не только о городе, но и о самой Византии, которая у арабских географов иной раз называлась тоже Кустантинией. Соседями Византии (Кустантинии) названы франки, сакалиба, Андалусия и другие области, захватившие далеко на север. По-видимому, в данном случае ал-Масуди передал информацию о западных славянах, соседях франков во времена Каролингов. В этом же фрагменте он называл Черное море “морем Хазар”, хотя в других разделах он отрицал такое имя для Черного моря и, более того, именовал его не Понт (Бунтус), а Меотис, как в своей первой книге. Он рассказывал также о переправах через Босфор и именно здесь упоминал о кораблях народа рус, который он называл “Куд.кана”. Исследователи давно анализировали этот фрагмент и пришли к выводу, что слово “Куд.кана” является искажением наименования русов в “Промывальнях золота” — Луда’ана, которое вызвало большие споры, не прекратившиеся и поныне, и, соответственно, огромную научную литературу. Наиболее верным, видимо, следует считать мнение В.Ф.Минорского, который предположил, что слово является искажением арабской передачи слова “Лордоманы”, т.е. норманны. Он привел только одно параллельное упоминание этого термина в форме “ал-Урдуманийа”, однако их существует довольно много, хотя все они встречаются только в испано-арабской литературе, и, действительно, все они относятся к норманнам, нападавшим на Андалусию и другие западноевропейские страны. Ал-Масуди отметил, что людей под названием “ар-рус” византийцы называют “русийа”, что означает “красные, рыжие”. Он поведал, что многие из русов ныне служат византийцам в сирийских приграничных крепостях, как

и болгары, армяне, печенеги. Эти данные живо напоминают советы византийского императора Константина VII Багрянородного о привлечении представителей враждебных народов на византийскую службу и, таким образом, нейтрализации их агрессии. Повествуя о Византии, ал-Масуди рассказывал о византийско-персидских и византийско-арабских войнах. Однако он находил уместным обратиться и к философским трактатам Платона, Аристотеля, Галена и других “мудрецов древности” и не только кратко изложить суть учений, но и вступить в полемику с некоторыми подождениями, ссылаясь на таких арабских ученых, как Абу Бакр ар-Рази, Иахью ибн ал-Батрика, Хунайна ибн Исхака, которые и переводили, и полемизировали с древними философами, о чем ал-Масуди был хорошо осведомлен и даже принимал участие, как он сам писал, в философских диспутах. Политическую историю Византии ал-Масуди завершил своим временем, т.е. временем правления халифа ал-Мути и, соответственно, последнего известного ему византийского императора Константина VII Багрянородного. 27-ю и 28-ю главы книги ал-Масуди посвятил известиям о фемах (“ал-банд”) Византии и о договорах между Византией и Арабским халифатом по поводу выкупа пленных, захваченных обеими сторонами во время арабо-византийских войн. Эти материалы были неоднократно привлечены исследователями, занимающимися историей Византии, историками, разрабатывающими проблемы Халифата и его международной политики, и специалистами смежных дисциплин. Было отмечено, что сведения о византийских фемах имеют явные параллели в более ранних трудах, содержащих сведения бывшего византийского пленника Муслима ал-Джарми, восходящих, может быть, к Ибн Хордадбеку, с одной стороны, и к тем трудам, которые содержали известия другого бывшего византийского пленника, Харуна ибн Иахьи, с другой. В этих материалах встречаются упоминания о народах сакалиба и болгар, которые ал-Масуди наряду с галисийцами, гасконцами, басками в данном случае относил к разновидности (“аджнас”) франков. Эти данные историки склонны относить главным образом к западным славянам. Здесь же находятся сведения, вызвавшие не оконченные и поныне споры, о нападениях на византийские земли переселившихся с востока племен тюрков-печенегов, болгар, венгров и других народов.

Следующие главы, 29 и 30, ал-Масуди посвятил общим рассуждениям о хронологии некоторых народов мира “от Адама до нашего пророка” (т.е. Мухаммада). Здесь упомянуты календарные системы древних греков, римлян, сирийцев, коптов, египтян, израильтян, христиан, древних арабов, индусов; приведены объяснения лунных и солнечных затмений; сообщено о величинах солнечных и лунных лет, високосных годах и даже отдельных традициях прибавления дней в конце года в некоторых календарях. Временами ал-Масуди давал сведения для сравнения вавилонского или коптского летоисчисления с христианским или мусульманским.

Главы 31—81 отведены ал-Масуди истории арабов, начиная от рождения Мухаммада. Достаточно подробно и вполне традиционно для всей арабской исторической литературы даны сведения о происхождении родителей пророка, его родственниках, семейной истории, межплеменных распрях, обращении Мухаммада и переселению его в Медину, после чего ал-Масуди переходит к изложению событий по годам хиджры, доводя изложение истории, связан-

ной с борьбой Мухаммада за единоверие, до одиннадцатого года, когда посланник Аллаха умер (глава 40). Далее ведется летопись событий соответственно правящим халифам, начиная с Абу Бакра, и доводится до правления халифа ал-Мути (глава 81). Ал-Масуди был довольно осторожен в определении своих симпатий или неприязни к тому или иному деятелю или религиозному направлению, хотя и не совсем скрывал своих предпочтений. Сравнительная работа с данными по истории Халифата в “Книге предупреждения и пересмотра” с аналогичными, но более детальными, в “Промышленных золота”, а также в исторических трудах ат-Табари, Халифы ибн Хаййата ал-Усфури, Ибн ал-Асира и др. показала, что ал-Масуди был вполне самостоятельным автором, высказывавшим собственные воззрения на события, но, как и полагается средневековому автору, использовал более ранние источники.

В заключение следует отметить, что перевод памятника был выполнен проф. В.М.Бейлисом (Украина) еще в 80-е гг.; комментирование должен был начать чл.-корр. АН СССР А.П.Новосельцев, однако сначала трудная ситуация в науке, а затем безвременная кончина А.П.Новосельцева затормозили работу по комментированию и подготовке к публикации интереснейших материалов ал-Масуди. Продолжение этой работы и как результат — введение в научный оборот комментированного перевода редкого памятника весьма полезно и для историков, и для всех интересующихся.

Примечания

1. Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi... Lugduni Batavorum, 1894 (Bibliotheca geographorum arabicorum. Ed. M.J.de Goeje. Vol. VIII).

М.Ю.Конягин *

Раскол в неославянофильской публицистике

Ни один из вопросов социологической концепции славянофилов не вызывает такого интереса, как вопрос о раскольниках. Не потому, что представители этого учения тщательнейшим образом изучали раскол и православие и их взаимоотношения. Это, скорее, производная от их общей концепции развития России. Вопрос вышел на одно из первых мест совсем по другой причине. Как защитники русской старины и древнерусских устоев, древнерусского образа жизни городских и сельских общин они не могли не ратовать за “старую веру” в смысле организации жизни церковной общины, чистоты веры и ее твердости. Как православные, принадлежащие к “новообрядцам”, славянофилы должны, просто обязаны

* **Конягин Михаил Юрьевич** — кандидат исторических наук, директор редакционно-издательского центра ТОН, руководитель проекта “Неославянофильская концепция государственного и общественного развития России. Конец XIX — начало XX века” (98-01-00157а).

были критиковать раскольников за их стойкое нежелание воссоединиться с православной церковью и покаяться в своем упорстве.

Пожалуй, это был самый болезненный вопрос славянофильского учения. Если социологические, философские, даже политические взгляды можно было подвергнуть корректировке, и это было совершенно нормально для любой живой, все время развивающейся концепции, то в вопросе веры так поступить было нельзя... Или — или.

Прежде, чем обратиться к исследованию воззрения на раскол неославянофилов, следует вспомнить, какое наследство они получили от своих предшественников и учителей.

Положение раскольников при Николае I было двойственным. При всех тех гонениях, которые допускались в отношении раскольников, их число постоянно росло. Это отмечал И.С.Аксаков в некоторых своих работах. В “Русском архиве” за 1866 г. была напечатана записка, составленная им в 1852 г. по итогам инспекции Ярославской губернии. Главными Аксаков называет несколько причин: “строгость правительства”, которая породила в расколе фанатизм, “лицемерие”, которое насквозь пронизало местную полицию и духовенство, закрывающую часто глаза на раскол, “корыстолюбие, пьянство, совершенное неуважение к собственному сану, полнейшее равнодушие к вере, изумительное невежество во всем, что касается раскола, грубое пренебрежение к мужику” стали отличительными чертами сельского духовенства [1].

Вывод И.Аксаков делал неутешительный: “не вижу никаких мер, которые при настоящем порядке вещей могли бы ослабить значение раскола как протеста, ибо протест подобного рода может быть уничтожен только отнятием повода к протесту” [2].

Еще раньше, 14 декабря 1848 г., Аксаков сообщает в одном из своих писем: “Ругаю ежедневно Надеждина. Я не могу сочувствовать гонениям, а вижу, что они не принесли пользы, а, напротив, сделали ужаснейший вред и посеяли непримиримую вражду к Православию” [3]. А в 1849 г. Аксаков составил весьма примечательную записку “О бессарабских расколниках”, опубликованную много позже, почти через 40 лет в том же “Русском Архиве”: “Что же касается до православного духовенства, то из неоднократных разговоров моих с старообрядцами я убедился в совершенном отсутствии доверия к нему с их стороны. Закоснелость раскольников доводит до того, что они считают наших священников казенными чиновниками, которые говорят только то, что им приказано...” [4]. Чуть раньше по тексту записки: “Наши чиновники не только не внушают расколникам уважения к себе своим полнейшим невежеством в православном учении, но еще постоянно раздражают оскорблениями по-видимому ничтожными, для поповщинцев же весьма чувствительными, как то: насмешками над их некрещеными детьми, над блудным сожитием и т.п. Всему этому был я много раз сам свидетелем” [5].

Критикуя действия духовенства и местных чиновников по отношению к расколникам, Аксаков, тем не менее, не считал возможным принять такое радикальное решение последних, как создание собственной Белокриницкой иерархии. Он называл ее “лже-иерархией”.

Получалось так, что политика правительства по отношению к расколникам его не устраивала, но и раскольничью иерархию, созданную скорее от

безысходности и стремления все-таки приобщиться Божьей благодати, он отвергал. При этом меры, им предлагаемые, относились скорее к паллиативным и не решали главного вопроса о воссоединении двух частей православия: не преследовать попов из православных, перешедших к раскольникам; в православных селениях, соседствующих с раскольническими, ставить наиболее образованных священников; запретить чиновникам оскорблять религиозные чувства раскольников. Сюда же можно прибавить и высказанные чуть позже предложения о повышении образовательного уровня священников и позволении высказываться о расколе открыто в печати.

Паллиативными эти меры можно назвать уже хотя бы потому, что они не вели и не могли вести к устранению раскола как явления. Потому что в любом случае, даже при выполнении всех вышеперечисленных мер и изменения вдруг всей ситуации вокруг раскольников (чего вряд ли можно было ожидать), оставалась одна, самая главная причина, преграда, которую не могли переступить ни раскольники, ни официальная православная церковь. Никто не решался, никто не мог отменить церковные клятвы собора 1667 г., которые фактически поставили вне церкви значительную часть верующих. Поэтому, как пишет И.С.Аксаков, “все меры, принимаемые правительством, оказываются доселе безуспешными” [6].

К началу 80-х гг. XIX столетия, к моменту, когда книги А.П.Щапова и П.И.Мельникова-Печерского были уже основательно изучены, вопрос о раскольниках вновь выплеснулся на страницы печати. Тогда четко определились ориентиры множества изданий и авторов. “Отголоски”, выходившие под редакцией Карповича, писали: “Пора избавить коренных русских людей от того гнета, который тяготеет над ними, в продолжение с лишком двух веков за их разномыслие с господствующей церковью, и поставить последователей церковной старины, в отношении религиозной свободы, на степень той терпимости, какою пользуются у нас не только христиане-иноверцы, но и магометане, и евреи, и язычники” [7]. К “Отголоскам” близко подходят либеральные “Порядок”, “Неделя”, “Новое время”, “Странник”, “Новости”, “Страна”, “Русские ведомости”, “Голос”, стоявшие за терпимость по отношению к раскольникам. “Русская мысль” в 1882 г. писала: “Жизнь неумолимой логикой фактов на наших глазах делает почти невозможным дальнейшее стеснение свободы верующей совести, установленное нашим законодательством о расколе” [8]. И “Вестник Европы” считал, что “искусственное ограждение православия полицейскими мерами гражданского законодательства не достигает своей цели, а лишь возбуждает и поддерживает постоянную взаимную вражду между последователями разных вероисповеданий” [9].

Издания, близко стоявшие к церковным кругам, придерживались совершенно иного направления, а среди самих иерархов были единицы, выступавшие за решение вопроса в либеральном духе. Из стана церкви гораздо больше голосов доносилось в духе непримиренческой позиции, и эту позицию озвучивал “Церковный вестник”. На его страницах чаще всего можно было найти статьи против “принципа, выдвинутого мнимо-либеральной интеллигенцией и современной печатью, будто борьба с иноверием и ересями должна быть сдана исключительно на руки только духовенства” [10]. А еще были “Русский листок”, “Братское слово”, “Русское слово”, “Миссионерское обозрение”, “Церковно-общественный вестник”, многочисленные “Епархиальные

ведомости”, целиком и полностью подчиненные местному церковному начальству, церковные кафедры, ратующие за законность и необходимость стеснений и за опеку над народом, который “находится в детском состоянии”. Архирейский собор в Казани (1885) прямо постановил учредить в семинариях кафедры по изучению и **обличению** раскола и сектантства.

Из славянофильских изданий и “Русь”, и близкие ей по духу “Современные известия” к расколу, или, как его тогда уже начали называть, старообрядчеству, относились достаточно терпимо. И И.С.Аксаков, и Н.П.Гиляров-Платонов на первое место ставили все-таки национальное единство и ратовали за оживление синодальной церкви. Впрочем, в “Руси” вопросы об отношении к старообрядцам печатались крайне редко, а “Современные известия” лишь напечатали с продолжением полемику с “Единоверцем”, доставшуюся им в наследство от той же “Руси”.

Несколько иная ситуация сложилась в редакции других славянофильских органов — “Русского дела” и “Русского труда” С.Ф.Шарапова. Poleмика начала 80-х гг., давшая толчок новому этапу в изучении раскола, уже практически завершилась к тому времени, когда вышел первый номер “Русского дела”. Серьезные монографии о расколе стали общедоступными, так что отсутствием сведений автор-издатель не страдал. Да и в славянофильских или близких к славянофильским кругах уже достаточно четко были определены и классифицированы основные взгляды, сложившиеся в обществе и государстве на раскол. Это сделал Н.П.Гиляров-Платонов в работе “Логика раскола”, опубликованной, правда не полностью, в аксаковской “Руси”. Однако славянофилы не попадали ни под одну из категорий мнений, выделенных им. Их взгляды нельзя было назвать ни “огульным оправданием”, ни “огульным осуждением”. Не совпадали они и с полицейской точкой зрения государства и даже с “культурной” точкой зрения общества, в которой переплетались два взгляда на раскол: “невежество, заслуживающее гонения” или “источник духовного возрождения”.

Из тех, кого действительно можно назвать наследником И.С.Аксакова, пожалуй, никто не оставил серьезных статей о расколе — ни Аф.Васильев, ни Н.П.Аксаков, занятые разработками других проблем и направлений неославянофильского учения. Разве только С.Ф.Шарапов посвятил этой проблеме несколько статей в собственных изданиях. Он постарался занять позицию, которая попыталась примирить в нем неославянофила и новообрядца, хотя и ни тот, ни другой, судя по всему, не остались удовлетворены полностью.

“Мы не принадлежим к тому лагерю публицистики светской и духовной, который держится так метко охарактеризованного покойным Н.П.Гиляровым-Платоновым *фронтového* взгляда на раскол. Равным образом, мы не сторонники и того взгляда, по которому государство и Церковь суть совершенно два отдельных мира, причем религия считается делом совести каждого, но, стоя на точке зрения православного государства, мы не можем не помнить, что одним из величайших принципов, завещанных славянофильству его основателями, есть свобода совести” [11].

Новообрядец в Шарапове говорил о существовании фактического разделения церкви: “Внутренняя распря.., наличие многих миллионов искренних и крепких духом вполне православных людей, стоящих вне церковной

ограды, и не только не желающих в нее войти, но и усиливающих оправдать и узаконить свое положение; слабость самой матери-Церкви, смущаемой и подрываемой бунтом ее наиболее ревностных о вере чад — вот факт величайшей исторической важности...” [12]. И еще один факт — наличие собственной иерархии у старообрядцев: “Это было страшным ударом для дела возвращения к церкви старообрядцев, ибо если раньше для них стоял вопрос *только* о покорности, а для Церкви *только* о снятии клятв, то теперь старообрядцам приходилось уже, кроме того, отрекаться от своей иерархии, как безблагодатной... Пропасть еще углубилась и расширилась” [13].

С этого момента, как считает Шарапов-новообрядец, господствующей церкви фактически была объявлена война теми, кто считает себя *более православными*, более верящими в свою правоту и в свою победу и идущими на брань во всеоружии. Для обычного человека вопросы безблагодатности иерархии отодвинулись сразу на второй план. Более близкими стали вопросы общественного положения пастырства, его общности с народом, близкого к древнему идеалу устройства церковной общины, открытого и деятельного участия этой общины в церковной жизни. А если прибавить к ним “строгое и чинное богослужение, древнее пение, тщательное чтение и, наконец, ореол нелегальности и гонений” [14], то становится понятным, что сила раскола очень велика. Этой силы и боится Шарапов. Боится потому, что идет она на его церковь, которая “больна и бессильна, которая погрязла в неурядицах и нерадении”. Безусловно, в конечном счете, победа остается за ней, за господствующей церковью, но эта победа может быть получена слишком дорогой ценой борьбы православных с православными.

Кстати, Шарапов выступил и еще против одного, очень, кстати, популярного мнения о решении церковного вопроса — придания старообрядцам статуса иноверной религии со всеми правами, какими пользуются в России те же католики и лютеране (такого мнения придерживался, например, профессор-богослов Н.И.Ивановский). “Говорить такие вещи может только человек, сомневающийся в святости, истинности, а потому и во внутренней силе православной Церкви.

Не потому нельзя выделить старообрядчество в особое исповедание, чтобы это было *опасно* для православной Церкви, а потому, что православное государство, тесно слитое с православной Церковью, не может во имя самых священных своих идеалов *помогать своими руками разрушению последних связей, еще соединяющихся с Церковью, вырывать между ними окончательную пропасть*” [15].

Раскол, по его мнению, сам в себе понес духовную казнь с момента выделения его в особую лжецерковь: “Спросили у раскольников..., отчего их церковь разделилась на десятки враждующих оттенков и лишилась всякой связи и авторитета? Не лежит ли на ней печать отчуждения от самой сути церковной жизни?..

Вот почему без всякого колебания готовы мы допустить лучший во многих случаях состав, и большую ревность старообрядческого духовенства, и более крепкое хранение ими церковных преданий... Увы! Как далеко ни заходи старообрядцы в этом направлении, как ни достигай побед над нами..., их самочинная церковь никогда не станет Церковью... Среди глубокого затмения высоких православных идеалов не только в обществе, но и в народе,

среди застоя, равнодушия и коснения в жизни официально-церковных сфер, всегда и во все времена благодать Духа и Истины будет пребывать в лоне православной Церкви...

Никогда не найти этого самозванной церкви, основанной на духовном разрыве с братьями, на поругании любви, на противлении и борьбе” [16].

Пожалуй, это самый сильный приговор, который выносился когда-нибудь представителями славянофильства раскольникам. Он отрицает не только церковную благодать у старообрядцев. Он отрицает наличие у них церкви, низводя церковную организацию до уровня обычной секты.

Однако, несколькими номерами ранее в том же самом “Русском деле” можно прочесть совершенно противоположное мнение С.Шарапова на раскол. Он был готов признать за старообрядцами право на настоящую Церковь, не менее православную, чем господствующая. По крайней мере признавал, что старообрядческий митрополит Амвросий не изменил православным догматам, не был лишен епископства, а, значит, и Божией благодати.

Такие кивки в сторону, “и нашим, и вашим”, очень характерны для статей С.Шарапова о расколе. С одной стороны, он призывает старообрядцев покаяться и вернуться в лоно “матери-Церкви”, с другой, говорит о том, что раскола-то фактически никакого и не было, поскольку старообрядцы не нарушили ни одного церковного канона. Так что во всем стоит винить только их гонителей. Более того, в нарушении канонов он обвиняет Церковь периода петровских и послепетровских преобразований, когда она пошла на поводу у светской власти и согласилась на уничтожение независимости Патриарха от светской власти, а потом и на уничтожение самого института Патриаршества, на уничтожение выборности духовенства и церковно-общинного устройства. Об этом же писал и Аф.Васильев в “Благовесте”: “Нарушение канонов, выражающееся в пренебрежении к соборному началу, и обусловленные этим приниженность, безмолвие и неустроенность русской православной Церкви — суть между прочими причины того горького и грозного явления, что народ наш уходит из православия...” [17].

Шарапов-защитник старины предстает в решении этого вопроса с другой стороны. Его защита старообрядцев на суде в марте 1898 г., его статьи против полицейских мер государства, которое всячески притесняет старообрядцев, предоставление страниц “Русского труда” авторам книги “Современные церковные вопросы в России”, которые не слишком лестно отзывались о современных церковных порядках, приводят к мысли, что элементарные человеческие права он склонен был признавать даже за старообрядцами. Но дальше этих элементарных прав он идти отказывался. На его пути вставал... он сам, ревнитель сильной православной церкви, которая не терпит отпадения от себя.

В отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1892—1893 гг. фактически признается бессилие церкви в борьбе с расколом: “одной духовно-нравственной деятельности духовенства недостаточно для пресечения дальнейшего распространения в народе религиозного сектантства... Посему Святейший Синод счел необходимым содействие духовенству и со стороны власти гражданской...” [18]. Фактически при К.П.Победоносцеве, и это отмечается многими исследователями, православная Церковь окончательно “стала духовным ведомством, служители алтаря и пастыри стали чиновника-

ми, просветители стали официальными ораторами. Связь между телом Церкви — народом и пастырями оборвалась, иссякла любовь, гибнет и вера”.

Проблема все-таки оставалась, и неославянофилы должны были хоть как-нибудь обозначить путь ее решения. Помимо призывов покаяться, которые не могли, конечно, привести к какому-нибудь положительному результату, должен был существовать более реальный путь. Их было два. Первый не устраивал никого: ни государство, ни церковные власти, ни неославянофилов. Он предполагал предоставить раскольникам статус иноверцев. Это, как уже говорилось выше, привело бы к тому, что православных церкви в России отныне стало бы две.

Другой путь был гораздо более безболезненным, и мог бы решить проблему раз и навсегда. Снятие церковных клятв собора 1667 г. и признание взаимных ошибок удовлетворило бы обе стороны. Еще И.С.Аксаков в “Руси” за 1881 г. написал: “Клятвы были поняты, понимаются и доселе старообрядцами, как проклятие, произнесенное над самим обрядом, а так как, несомненно, некоторых, если не всех, отмененных собором 1667 года обрядов держались не только предки наши, но и многие, причисленные Церковью к лику святых, — то повод к смущению, к негодованию, был свойства весьма возбуждающего. Против этих клятв гремели проповеди и речи всех знаменитых вождей старообрядчества...” По словам Шарапова, «сами старообрядцы утверждают положительно, что огромная часть их возвратится в лоно Церкви на правах единоверия, если будут сняты клятвы... и будут даны архиереи “по старому обряду»». Тот же К.П.Победоносцев, кстати, был совершенно не против того, чтобы церковные общины жили по древним канонам: “Если, становясь на практическую почву, хотят, чтобы государство отказалось от права постановлять пастырей Церкви и обязанности содержать их, — это будет идеальное состояние, к которому желательно перейти... Когда вопрос созреет, государство... обязано возвратить, кому следует, право выбора пастырей и епископов... Государство в сущности только держит за собою это право, но оно ему не принадлежит” [19].

Для этого даже не нужно было собирать Вселенский собор, поскольку это представляло собой довольно сложное мероприятие. Достаточно было заручиться письменным согласием всех иерархов Православной Церкви.

Помимо всех вышеперечисленных статей, в изданиях Шарапова можно еще упомянуть одну статью “О старообрядческих молитвенных домах” (“Русский труд”. 1898, ц 26) и помещенную в его “Сочинениях” исповедь священника, перешедшего к старообрядцам. Столь слабое внимание к этой теме объясняется просто: к ней упал интерес. Потом неославянофилы лишились и “Русского труда”. Когда издания возобновились, то обсуждать уже было нечего. Старообрядцы уже перестали быть раскольниками и получили свободы в отправлении церковных служб и обрядов. Да и акценты в церковных вопросах сместились — в обществе вовсю обсуждались вопросы церковных реформ.

К тому же “Пахарь”, который стал первым из новых изданий С.Шарапова, был посвящен в основном практическим сельскохозяйственным вопросам, а политические статьи носили в нем ярко выраженный программный характер и затрагивали вопросы большой политики. Только в “Свидетеле” в 1907 г. появилась единственная статья — С.К.Эфрон “Миссионеры и

начетничество”. Да и то она была посвящена скорее воспоминаниям о времени работы в “Современных известиях” у Гилярова-Платонова и современному состоянию миссионерства.

Можно сделать вывод, что двойственная позиция С.Ф.Шарапова как главного выразителя мнения неославянофилов о расколе в печати была, к сожалению, заранее predetermined. Он не смог выбрать иное место в дискуссии о защите прав и свобод старообрядцев, которое позволило бы ему открыто выступить на стороне карающего практически все публичные проявления раскольников государства или стать на защиту свободы вероисповедания раскольников. Судя по всему, это была не его вина, а его беда. И даже, собственно, не его, а той доктрины, которой он придерживался, доктрины, которая, при всей своей гибкости, так и не смогла проявить эту гибкость в столь серьезном и во многом знаковом вопросе, как отношение к расколу.

Примечания

1. Русский Архив. — 1866. — ц 4. — С. 627—644.
2. Там же. — С. 642—643.
3. Русский Архив. — 1888. — ц 11. — С. 434.
4. Там же. — С. 449.
5. Там же.
6. Русский Архив. — 1866. — ц 4. — С. 628.
7. Современное положение вопроса о старообрядчестве // Отголоски. — ц 9. — С. 353.
8. Отношение правительства к вопросу о расколе // Русская мысль. — 1882. — ц 5. — С. 55.
9. Михайлов А. По вопросу о веротерпимости к расколу // Вестник Европы. — 1882. — ц 3. — С. 76.
10. Церковный вестник. — 1885. — ц 25—26.
11. Русское дело. — 1888. — ц 3.
12. Русское дело. — 1888. — ц 50.
13. Там же.
14. Там же.
15. Русское дело. — 1888. — ц 3.
16. Русское дело. — 1888. — ц 50.
17. Благовест. — 1890. — ц 2.
18. Цит. по: Русский Труд. — 1897. — ц 45.
19. Московский сборник. — М., 1896. — С. 9.

В.Г.Тюкавкин *

Влияние столыпинской аграрной реформы на русское крестьянство

При исследовании социально-экономического положения русского крестьянства в начале XX в. одной из важнейших стала проблема, вынесенная в заголовок данной статьи. Несмотря на обилие литературы по столыпинской реформе, далеко не все ее аспекты изучены, как справедливо отметил академик И.Д.Ковальченко [1]. Оценки реформы были политизированы еще до 1917 г. большинством политических партий. В каждой партии были свои авторы аграрных программ, и они написали много работ по аграрному вопросу. У большевиков таким специалистом был В.И.Ленин, у меньшевиков — П.П.Маслов, у эсеров — С.Л.Маслов, у кадетов — А.А.Кауфман, у энесов — А.В.Пешехонов и т.д. Каждый из них критиковал реформу со своих позиций. Писатель А.И.Солженицын правильно заметил: «Русская история стала искажаться задолго до коммунистической власти: страстная радикальная мысль в нашей стране перекрашивала русское прошлое соответственно целям своей борьбы» [2].

В советской историографии по понятным причинам господствовали ленинские оценки аграрного вопроса, аграрной политики и положения крестьянства. Наиболее одиозным являлось обвинение правительства П.А.Столыпина в том, что оно якобы собиралось «разгромить» общину и насильно заставить всех крестьян выйти из общины. Поэтому В.И.Ленин после 1911 г., когда резко замедлились выходы домохозяев из общин, сделал вывод о «крахе» столыпинской реформы на основании того, что из общин вышла только четвертая часть крестьян. Это положение было поддержано советскими историками (С.М.Дубровский и др.). Даже в последнее время известный аграрник А.М.Анфимов в опубликованной после его кончины большой работе «Неоконченные споры» продолжал считать главной целью реформы «разрушение общины» и поэтому назвал 26% выходов «катастрофическим для столыпинских реформаторов» [3]. Но при подготовке проектов, а также в документах — указе 9 ноября 1906 г., в циркулярах Столыпина и министра А.Кривошеина — нигде не сказано, что ставилась цель разрушить все общины. Наоборот, в этих циркулярах речь шла только о выходе желающих крестьян из общины — таких желающих нашлось 3374 тыс. дворов, а вышла лишь часть из них — 2478 тыс., получивших разрешение или выделенных землеустроительными комиссиями по заявлениям. Более того, сам П.Столыпин указывал, что многоземельные общины не нужно охватывать реформированием. В речи в Думе 5 декабря 1908 г. он говорил, что закон «...не ломает общины в тех местах, где хлебопашество

* Тюкавкин Виктор Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Московского педагогического государственного университета, руководитель проекта «Социальное и экономическое положение русского крестьянства в начале XX века» (97-01-00176а).

имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли» [4]. Далее он указал, что закон делал ставку на выход крепких, сильных хозяйств, способных стать образцом для остальных дворов. Поэтому вывод о том, что реформа потерпела крах из-за того, что не все крестьяне вышли из общин, по существу неверен: такой цели правительство не ставило.

Конечно, правительство не считало цифру в 26% дворов достаточной, так как выходили не только зажиточные хозяйства, но и бедняцкие, которые землю сразу продали и на эти средства смогли переселиться на окраины или в города. В отдельных губерниях этот процент был значительно выше: в Курской — 44, Самарской — 49, Таврической — 64, Екатеринославской — 54, Херсонской — 38, Орловской — 39. В черноземном районе вышло из общин 26,7%, в центрально-промышленном — 16,2%, т.е. выходили там, где было сильнее малоземелье, и там, где выше развился капитализм.

Но выход из общин после 1911 г. потерял свое значение для крестьян, так как по закону о землеустройстве, принятому Думой и утвержденному царем 29 мая 1911 г., каждый домохозяин при землеустройстве получал акт о праве личной собственности на отведенный ему землеустроительной комиссией участок земли. Ранее для получения такого права крестьянин должен был предварительно выйти из общины и «укрепить» за собой участок (их называли «укрепленцы»). Это понимал еще С.М.Дубровский, который писал: «...закон 29 мая 1911 г. в значительной мере заменял собою указ 9 ноября 1906 г., ставший законом 14 июня 1910 г.». Он же привел архивные документы МВД, в которых крестьянам разъяснялось, что после названного закона 1911 г. не надо предварительно выходить из общины, а сразу получать землю в личную собственность при землеустройстве [5]. Но Дубровский не понял подлинного значения землеустройства для крестьянских хозяйств. Между тем, после 1911 г. землеустройство стало главным направлением и главной составной частью столыпинской аграрной реформы [6]. Предложение о проведении землеустройства крестьянских дворов с целью ликвидации многополосицы, чересполосицы, дальнотелье и «коренной перестройки сельскохозяйственной территории» было разработано в 1905 г. и утверждено царем 4 марта 1906 г. в качестве указа еще до созыва I Думы и ранее указа 9 ноября 1905 г.

Землеустройство сначала велось по указу 4 марта 1906 г. с 1907 г. До 1911 г. было подано 1954 тыс. заявлений с просьбой о землеустройстве, после 1911 г. — уже 4719 тыс., а всего — 6 млн. 175 тыс. дворов изъявили желание провести землеустроительные работы. Подъем волны подачи заявлений после 1911 г. объясняется тем, что закон 29 мая 1911 г. разрешал выдавать удостоверительные акты и планы участков тем дворам, которые еще не вышли из общины, и эти акты давали право на частную собственность на землю. Это объясняет и резкое понижение заявлений о выходе из общин после 1911 г.

Результаты всех землеустроительных работ выразились в таких цифрах: из поданных 6,2 млн. заявлений было удовлетворено юридически с выдачей всех актов и планов 2376 тыс. заявлений, т.е. 38,5%, в т.ч. на хутора и отруба вышли 1234,7 тыс. дворов [7]. Еще 1,1 млн. дворов были землеустроены в натуре, включая даже установку межевых знаков между участ-

ками. Но из-за мобилизации многих землеустроителей в армию эти работы не были закончены. Землеустройство было проведено на площади в 20,3 млн. дес. (22,3 млн. га), что было равно площади Великобритании и превышало территорию Италии.

Если соединить цифры подачи заявлений о выходе из общин и о проведении землеустройства, то окажется, что после 1910 г. не было сокращения желающих изменить формы землевладения и землепользования, т.е. нельзя говорить о крахе реформы. Нужно учитывать, что война приостановила все работы почти полностью. Поэтому речь можно вести не о крахе, а о незавершенности реформы, хотя, конечно, задачи разрушить все общины никто из руководства страны никогда не ставил.

Значение землеустройства станет понятно, если привести его качественные показатели по итогам сплошной проверки 12 уездов разных губерний в 1913 г. Было описано 22300 хозяйств, в которых проводилось землеустройство. До его проведения 9,8% дворов имели до 3-х участков земли; 26,9% — по 6—10 участков; 20,2% — от 11 до 20 полос; 16,1% — 21—40 полос; 12,5% — от 41 до 100 полос и 1,5% — более 100(!) полос. Трудно даже представить, как семья могла вести «хозяйство» на 40 полосах и тем более — на 70 или больше. В ходе землеустройства участки укрупнили, 26% получили по одному участку, 50% — по 2 и 24% — по три. До землеустройства 78% дворов имели расстояние до своих участков более 1 версты, в т.ч. 36% — свыше 5 верст, а после землеустройства только у 17% дворов осталось расстояние свыше 5 верст, т.е. их число уменьшилось вдвое, а 23% — от 1 до 5 верст (было 44%) [8]. Налицо большое положительное значение землеустройства в деле ликвидации или уменьшения мелкополосицы и дальнотемелья.

В 1993—1995 г. А.М.Анфимов неожиданно выдвинул тезис о том, что землеустройство не являлось частью столыпинской аграрной реформы. Ранее многие историки не понимали самостоятельной роли землеустройства, считая его выделением крестьян из общины. Поэтому даже в большинстве вузовских учебников, не говоря о всех школьных, землеустройство не рассматривалось при изложении проведения столыпинской реформы [9]. В отличие от них А.М.Анфимов в 1968 г. в многотомной «Истории СССР» (т. VI) специально выделил подраздел «Землеустройство по-столыпински» и привел статистические данные из монографии С.М.Дубровского [10].

В 1993 г. А.М.Анфимов опубликовал в сборнике Института экономики РАН статью «Некоторые уроки столыпинской аграрной реформы», где он выдвинул новую точку зрения, согласно которой только выходы из общины соответствовали целям столыпинской реформы, а землеустройство противоречило ей и закон о землеустройстве готовился Главноуправляющим ГУЗиЗ А.В.Кривошеиным «втайне» от Столыпина [11]. В упоминавшейся выше работе «Неоконченные споры» А.М.Анфимов также настаивал на этой версии и добавил, что и предшественник А.Кривошеина на посту Главноуправляющего землеустройством и земледелием (этот пост приравнивался к министру) кн. Васильчиков якобы втайне от Столыпина внес в Думу указ 6 марта 1906 г. о землеустройстве [12].

Но ни Б.А.Васильчиков, ни А.В.Кривошеин не могли готовить закон или вносить указ в Думу «втайне» от Председателя Совета Министров, так как

по Положению о Совете Министров представлять правительство в Думе имел право только он или министр по его поручению и по обязательному согласованию с ним своего выступления. Имеются свидетельства полной поддержки П.А.Столыпиным всех мероприятий по организации и проведению землеустройства. В речи 6 марта 1907 г. в Думе он назвал землеустройство «задачей громадного значения» и указал, что эту задачу должно выполнить Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Землеустройство, по его словам, было призвано «содействовать экономическому возрождению крестьянства» [13]. Ряд специальных совещаний и съездов по землеустройству и по организации работы землеустроительных комиссий проходил под председательством Столыпина; его заместители («товарищи») В.И.Гурко, затем А.И.Лыкошин входили в главный Комитет по землеустроительным делам и докладывали ему регулярно о работе Комитета. Деятельный член Комитета А.А.Кофод написал в воспоминаниях, что Столыпин провел первое совещание землеустроителей в октябре 1906 г. и назвал его участников «генералами землеустройства» [14]. В январе 1909 г. Столыпин созвал совместное совещание чинов МВД и ГУЗиЗ, занимавшихся землеустройством, и в своем докладе еще раз отметил его огромное значение. Он сказал: «...укрепление участков [т.е. выход из общин — В.Г.] лишь половина дела, даже лишь начало дела... не для укрепления чересполосицы был создан закон 9 ноября» [15].

Таким образом, землеустройство, по словам П.А.Столыпина, было составной частью аграрной реформы и имело большее значение, чем выходы из общины. Исследование землеустройства и его итогов показывает, какое конкретное положительное влияние оно оказало на развитие крестьянских хозяйств. Значительное место в работе занимают вопросы организации крестьянских хозяйств по данным земских и иных массовых обследований, а также на основе хранящихся в архивах опросов крестьян, описаний образцовых крестьянских хозяйств. Расчеты показали, что многие зажиточные хозяйства получали чистую прибыль даже без найма рабочей силы, что отрицали некоторые историки. Возрастало вложение капитала в покупку усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, в улучшение полеводства и т.п.

Обследования и бюджеты крестьянских дворов показывают и значительное социальное расслоение крестьянства, наличие большой группы недовольных и, как сейчас говорят социологи, деструктивных элементов в деревне. Правительство недостаточно учитывало остроту такого положения, обостряемого агитацией не только революционных, но и либеральных партий. Исследование показало, что принимаемые ранее критерии деления крестьянских дворов на бедные и богатые также сильно зависели от политизации науки. Проведенные когда-то в 70-х гг. XIX в. подсчеты либерального экономиста Янсона о необходимости как минимум 10,5 дес. земли на двор для среднего хозяйства в черноземной полосе и 11,5 дес. — в нечерноземной были тщательно обоснованы и составлены с симпатией к крестьянину. В.И.Ленин без проведения подсчетов, но с учетом своего знания общих условий, принял за норму середняцкого хозяйства 15 дес. на двор (так называемые экспертные оценки имеют право на существование, если невозможно провести точные расчеты). В нашей работе сделана попытка обосновать расчетами

норму прожиточного минимума для средней крестьянской семьи. Она оказалась несколько меньше, чем при расчетах Янсона. Причина заключалась в том, что среднегодовые урожаи за 1870—1910 гг. на крестьянских землях выросли, а также за этот период происходил постоянный рост цен на продукты сельского хозяйства, подгоняющий рост цен на промышленные товары первой необходимости. Вывод наш заключается в том, что отнесение В. Лениным к бедным, разоренным хозяйствам 10,5 млн. дворов из 12,5 было преувеличением, обусловленным политическими мотивами, доля бедноты была значительно меньше.

В связи с проблемой влияния аграрной реформы на крестьянство в работе специально исследован и вопрос, выдвинутый в последнее десятилетие П.Н.Зыряновым и некоторыми другими авторами, о том, что значительный рост сельскохозяйственного производства в 1906—1914 гг. не зависел от столыпинской реформы, а был результатом других факторов: отмены выкупных платежей, роста цен на сельхозпродукты и т.п. Наш вывод в очень сокращенном изложении состоит в том, что влияли и общие факторы, и мероприятия столыпинской аграрной реформы. Существовала прямая зависимость между этими мероприятиями и повышением уровня агротехники, ускорением темпов кооперативного движения, расширением сельскохозяйственного образования и агрономической помощи и целым рядом других новых веяний в деревне, включающих и социально-правовую сферу.

Примечания

1. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. — 1991. — ц 2. — С. 52.

2. Солженицын А.И. Предисловие к серии «Исследования новейшей русской истории» // Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. — М., 1996. — С. 1.

3. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. — 1997. — ц 6. — С. 54.

4. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911. — М., 1991. — С. 176.

5. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. — М., 1963. — С. 235—236.

6. См. подробнее об этом: Тюкавкин В.Г. Землеустройство — главное направление второго этапа столыпинской аграрной реформы // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — М., 1995. — С. 116—129.

7. Отчет о деятельности землеустроительных комиссий на 1 янв. 1916 г. — Пг., 1916. — С. 2—3.

8. Землеустроенные хозяйства. Свободные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. — Пг., 1915. — Раздел 6. Таблица.

9. См. один из лучших доперестроечных учебников для университетов: История СССР. XIX — начало XX в. Под ред. И.А.Федосова. — М., 1981. — С. 330—336. Автор главы Е.Д.Черменский. О землеустройстве совсем не написано.

10. История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1968. — Т. VI. — С. 380—383. (Автор § 7 — А.М.Анфимов. С. 851.)
11. Анфимов А.М. Указ. статья // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Институт экономики РАН. — М., 1993. — С. 51.
12. См.: Вопросы истории. — 1997. — ц 6. — С. 62.
13. Столыпин П.А. Указ. соч. — С. 57.
14. Кофод К.А. 50 лет в России. — М., 1997. — С. 194—195.
15. Цит. по: Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. — М., 1993. — С. 112—113.

*А.П.Анненков,
А.М.Батьковский,
Д.В.Чистов**

Военно-экономический аспект современного состояния национальной безопасности России

Под термином "военная экономика" традиционно принято понимать систему знаний о закономерностях обеспечения военных потребностей страны материальными ресурсами. Такое определение акцентирует внимание на своевременном и в полном объеме удовлетворении нужд войск и сил флота и как нельзя лучше соответствует, например, разработке вопросов финансового обеспечения армии. В тех же случаях, когда анализу подлежат экономические проблемы предотвращения военной опасности и обеспечения военного паритета не только в настоящее время, но и в исторически обозримой перспективе, данное определение оказывается недостаточным. Поэтому огово-

рим особо, что в названии настоящей работы словосочетание "военно-экономический аспект" соответствует, скорее, буквальному смыслу слов "военно-макроэкономический аспект". А именно, нас будут интересовать проблемы военной безопасности России, возникающие в связи с происходящей на наших глазах эволюцией экономик развитых стран. Мы имеем в виду проблему соответствия темпов и характера технико-экономического развития России "эталонным траекториям развития" экономик развитых стран [1].

Постулируем следующее:

— понятие «национальная безопасность» в самом общем виде сводится к состоянию, в котором естественный процесс этногенеза [3] не прерывается военной, культурной или информационной агрессией;

— проблемы обеспечения военной безопасности являются лишь частью проблем обеспечения национальной безопасности;

* **Анненков Андрей Петрович** — кандидат технических наук, преподаватель Военного финансово-экономического факультета Финансовой Академии при правительстве РФ, руководитель проекта «Национальная безопасность РФ с точки зрения эволюционной экономики: военный аспект» (98-02-02107а).

Батьковский Александр Михайлович — кандидат экономических наук, начальник Научно-исследовательского центра военно-экономических обоснований, исполнитель проекта «Национальная безопасность РФ с точки зрения эволюционной экономики: военный аспект» (98-02-02107а).

Чистов Дмитрий Владимирович — доктор экономических наук, профессор Финансовой Академии при правительстве РФ, исполнитель проекта «Национальная безопасность РФ с точки зрения эволюционной экономики: военный аспект» (98-02-02107а).

— современный экономический кризис планетарного масштаба, во многом обуславливающий актуальность проблем национальной безопасности России, хотя бы отчасти объясняется начавшейся сменой пятого технологического уклада (информационные технологии [1]) шестым (нанoeлектроника, геновая инженерия растений и животных, мультимедийные компьютерные коммуникации, промышленное освоение сверхпроводимости и др. [2]);

— Россия в силу своего географического положения находится в геополитическом антагонизме со США, и этот фактор весьма важен в отношении национальной безопасности [4];

— современная роль военной силы в деле обеспечения национальной безопасности претерпела необратимые изменения по сравнению с той ролью, которую вооруженные силы играли в доядерную эпоху, однако армия для России, как и для значительного большинства других стран, остается необходимым государственным институтом;

— расходы на оборону оказывают неочевидное (не обязательно отрицательное) влияние на состояние национальной экономики демократических стран;

— вопросы военного строительства не могут быть успешно решены в стране, народ которой не консолидирован национальной идеей или государственной волей;

— выбор стратегических направлений развития вооруженных сил в настоящее время существенно усложняется, как по причине изменения роли военной силы в современном мире, так и по причине резкого ускорения технологического прогресса.

Очевидно, что национальная безопасность является условием исторического развития народов и созданных народами государств. В свою очередь, критерием исторического успеха нации являются ее численность, контролируемая территория (как в смысле размера этой территории, так и в смысле ее качества — наличие минеральных ресурсов, климатические и экологические условия, выход к морям и т.д.) и степень распространения языка. Стремительная территориальная экспансия России в XVI—XVIII вв. объясняется именно тем, что расширение Российской империи не представляло угрозы для языка, культуры, уклада жизни, религии, территории расселения и численности народов. Напротив, вхождение в состав России для множества государственных образований было условием их приобщения к более высокой культуре [5].

Иной путь территориального развития — колонизация с применением силы — возможен исключительно благодаря подавляющему военному превосходству колонизатора. Такого превосходства, как показывает история, можно достичь только значительным опережением в технологическом развитии. В качестве примера можно привести индейцев Южной Америки и конкистадоров, североамериканских индейцев и европейских переселенцев (пионеров). Разница между тем, что в данном контексте названо колонизацией, и уникальным российским вариантом территориальной экспансии очевидна. Эта разница проявляется прежде всего в том, что присоединенные к России народы сохранили и развили язык, культуру, генофонд и естественные границы проживания. Поэтому, в частности, попытка восстановления "конституционного порядка" в мятежной Чечне с помощью военной силы не только сомнительна с юридической точки зрения, но и находится в противоречии с историческими традициями государственного строительства в России [6].

Возвращаясь к названию статьи, зададимся вопросом: какова роль вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности России и каковы вытекающие из этой роли перспективные задачи, стоящие перед российской экономикой?

Прежде всего следует отметить, что современное значение вооруженных сил существенно отличается от того, что имело место в прошлом. Война — главное средство территориальной экспансии в доядерную эпоху — быстро теряет политическую и экономическую эффективность, поскольку расширение государственных границ перестает быть условием установления контроля над природными, информационными, технологическими, людскими и культурными ресурсами. Например, чтобы получить доступ к сибирскому газу и нефти, Западу потребовались не танковые дивизии, а технологическое и экономическое превосходство, позволяющее эффективно обменивать воспроизводимые ресурсы на невозобновляемые запасы природных ископаемых. Для широкого распространения английского языка в Евразии оказалось достаточно мирового лидерства США в области информационных технологий, апогеем развития которых стал Интернет. Никакая, даже самая успешная, война не позволила бы добиться такого же результата.

Представляется также, что роль вооруженных сил государства претерпевает изменения в зависимости от фазы этногенеза, в которой находится нация, создавшая это государство. Л.Гумилев отводит жизненному циклу этногенеза [7] примерно полторы тысячи лет и выделяет шесть его фаз (фаза подъема, акматическая, фаза надлома, инерционная, фаза обскурации, мемориальная). Данные фазы соответствуют различному «уровню пассионарного напряжения», или «уровню пассионарности». При этом уровень пассионарности представляет собой усредненное количество некоей энергии, которую нация затрачивает с целью создания, усовершенствования и поддержания самоорганизации. Под «самоорганизацией» здесь понимается не только (и даже не столько) государство, но и стереотипы поведения, господствующее в обществе мировоззрение (менталитет), обычаи, религия и прочие устойчивые формы общественного сознания. Роль вооруженной силы важна во всех фазах этногенеза, но особенно — в фазах подъема и акматической. Современные («видимые для истории») этносы зародились не менее 200 лет назад [8], и ни один из них не избежал масштабных войн в период становления государственности. Ныне, когда ядерная энергия доступна для достижения военных целей, военное строительство и современные войны приобрели принципиальные особенности. Военная сила государств по-прежнему является одним из основных условий успешной внешней политики, хотя и редко выходит из-за кулис на авансцену. Общие же закономерности этногенеза действуют, как и прежде. Так, например, находящиеся в фазе подъема США успешно применяют военную силу для контроля над ближневосточной нефтью. Великобританский этнос, благодаря колонизации огромных территорий распространивший свой язык фактически на весь мир, посылает корабли ВМФ к Фолклендским (Мальвинским) островам, что лишено меркантильного смысла, однако вполне оправдано интересами национальной безопасности в инерционной фазе этногенеза. В фазах этногенеза, следующих за акматической, вооруженные силы из орудия экспансии (фактора становления и развития) превращаются в фактор национальной безопасности (или, в соответствии с официальной терминологией, «фактор сдерживания»).

Российский суперэтнос, по Л.Гумилеву, зародился примерно в 1200 г. и ныне находится в фазе надлома, миновав пик своего жизненного цикла. Следовательно, задачей обеспечения национальной безопасности является создание условий для естественного развития нашей страны за счет внутренних источников прогресса на протяжении, как минимум, 300 лет [9]. Ныне, когда государственные границы не защищают от информационной, культурной и экономической экспансии, а Россия катастрофически отстала от Запада в технологическом развитии, эта задача представляется весьма сложной.

Советский Союз проиграл «холодную войну» по причине, в частности, хронического отставания от США в создании современных информационных технологий, которые образуют ядро пятого технологического уклада. Не анализируя причины такого отставания (они хорошо известны со времен запрета кибернетики), констатируем, что технологическое отставание всегда означает отставание в военной области. Это становится еще более очевидно благодаря следующим данным. 20% военного бюджета США тратится на системы управления, связи, радиоэлектронной борьбы и компьютеризации. До 90% денег, идущих на компьютеризацию, поглощает разработка новых программных продуктов. Официальный документ Пентагона "Технологический план МО США" декларирует: "Программное обеспечение является важнейшей основой дееспособности систем управления, связи, разведки и радиоэлектронной борьбы, систем боевой подготовки личного состава вооруженных сил". До 2000 г. МО США предполагает израсходовать на НИОКР по информационным технологиям \$1819,8 млн., из которых на создание программного обеспечения — \$1404,8 млн.

Совершенно иначе обстоит дело в российских вооруженных силах. В таблице представлены данные об экономическом обеспечении армии в различные периоды российской истории.

Показатели	XVII век 1680 г.	XVIII век			XIX век			XX век 1995 г.
		1725 г.	1762 г.	1796 г.	1815 г.	1856 г.	1897 г.	
Территория (млн. кв. км)	15,28	15,78	16,97	17,62	19,59	21,65	22,43	17,8
Население страны (млн. чел.)	13,8	14,2	19,0	36,0	45,0	79,0	129,0	147,9
Численность армии (тыс. чел.)	214,2	220,0	274,6	495,7	709,6	1558,6	1097,0	1664,0
Удельный вес военно- служащих в общей численности населения страны (%)	1,55	1,55	1,45	1,38	1,58	2,16	0,9	1,1
Удельный вес военных расходов в государст- венных расходах (%)	58	46	63	43	61	70	29,2	17,3
Индекс экономического обеспечения вооружен- ных сил: удельный вес военных расходов	37,42	29,68	43,45	31,16	38,61	32,41	32,44	15,73

При том, что предложенный индекс экономического обеспечения вооруженных сил может применяться с очевидными ограничениями, он достаточно универсален и информативен. Характерно, что значение данного индекса сохраняет стабильность на протяжении двух с лишним веков и лишь в 90-е гг. XX в. резко падает — более, чем вдвое.

Что касается нашего отставания вне военной сферы, то оно иллюстрируется, например, тем, что годовой оборот ИВМ примерно равен расходной части российского бюджета.

Механизм влияния военных расходов на состояние национальной экономики довольно сложен. Скорее всего, при условии умелого государственного регулирования для развитой рыночной экономики военные расходы целесообразны. Они стимулируют совокупный спрос и, главное, позволяют создавать стратегический задел для технологического развития. Известно, например, какую роль сыграла в творческой биографии Н.Винера работа по заказам Пентагона. В СССР, следует признать, военные расходы крайне слабо стимулировали научно-технический прогресс в народном хозяйстве, которое было совершенно невосприимчиво к инновациям. С позиций эволюционно-экономического подхода такое положение дел недопустимо.

Эволюцией принято называть плавное развитие, противоположность революционным преобразованиям. Но в действительности эволюция не является плавным развитием. В биологии роль развития видов наряду с естественным отбором определяется генными мутациями, в экономике аналогичным образом действуют технологические уклады, в этногенезе — «пассионарные толчки». НИОКР военного назначения в условиях восприимчивой экономики наилучшим образом выполняют роль генератора технологических инноваций и обеспечивают тем самым дополнительный фактор сохранения национальной безопасности.

К сожалению, ныне в России в отношении национальной безопасности действует тот же принцип, что и в СССР, а именно: национальная безопасность полностью отождествляется с государственной безопасностью. В прошлом это было очевидно даже в терминологическом плане («КГБ-МГБ»). Сейчас это еще более очевидно благодаря фактам усиления сил МВД, прочих спецслужб и силовых структур вне армии и флота. С позиций пассионарной теории этногенеза нынешняя российская армия есть кладбище пассионарности нации, растраченной впустую, на «долготерпение» в условиях безденежья и падения престижа военной службы; не исключено, что открытой агрессии вооруженные силы РФ противостояли бы более успешно, чем финансовому удушению со стороны своего же государства.

Основные направления восстановления военного потенциала России, достаточного для обеспечения безопасности, между тем, очевидны. Прежде всего, следует любой ценой остановить фактическое сползание к иррегулярности Вооруженных Сил. Сокращение численности войск должно иметь целью не уменьшение бюджетных расходов (это отдельная проблема, непосредственно не связанная с военной безопасностью), а создание пусть менее многочисленной, но действительно боеспособной и современно оснащенной армии.

Реализации такого подхода многое препятствует. Сокращение численности Вооруженных Сил само по себе является настолько дорогостоящим мероприятием, что не сулит казне сиюминутной экономии. При сокращении количества военнослужащих возникают проблемы, связанные с консервацией,

складированием, обслуживанием и утилизацией военной техники. Следует учитывать социально-психологическую обстановку в войсках, которая не улучшается в связи с масштабными сокращениями.

Злободневный вопрос о средствах на содержание армии не является, по нашему мнению, вечным вопросом. Тем более, что ответ на него принципиально ясен. Рассчитывать на то, что внешние источники средств облегчат финансовое положение страны настолько, что в бюджете найдутся деньги на действительное реформирование вооруженных сил, по очевидным причинам не приходится — поддержка российской армии со стороны МВФ была бы по меньшей мере нелогична. Впрочем, и новоявленный отечественный капитал, и даже народ, единство армии с которым сегодня как никогда очевидно, не станут без твердой государственной воли опорой военного строительства.

Сохранение обороноспособности страны, а вместе с ней стратегического паритета, требует серьезного напряжения сил российской нации. Государство обязано предпринять немедленные меры, которые, возможно, будут чрезвычайными (одной из них может стать, например, выпуск военного займа). Не исключено и даже вполне вероятно, что эти меры будут, подобно реформам Петра, непопулярны у современников. Однако предпринять их необходимо в ближайшее время.

Примечания

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВлаДар, 1993. — 310 с.

2. Багриновский К.А., Бендиков М.А., Хрусталева Е.Ю. Новое в методологии управления крупными научно-техническими программами в современной экономике / Препринт #WP/98/039. — ЦЭМИ РАН, 1998. — 76 с.

3. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. — М.: Экспресс, 1992. — 336 с.

4. Данный постулат вводится нами безотносительно к официальной военной доктрине, которая, исходя из правильной оценки современного состояния российских вооруженных сил, военно-экономического потенциала страны и духовных сил нации, не рассматривает США в качестве потенциального противника России.

5. Процесс образования национальных государств — субъектов нынешней Российской Федерации — в этом смысле является явным регрессом русского государственного строительства.

6. Столь же антиисторично было насильственное переселение этносов, проявивших свою враждебность государству (СССР), в период второй мировой войны.

7. Не будучи специалистами в области этнической истории, мы не беремся ни отстаивать, ни оспаривать пассионарную теорию этногенеза. Несомненно лишь, что данная теория прекрасно согласуется с эволюционным подходом к исследованию социальных проблем и что с ее помощью можно обеспечить наглядный анализ некоторых неочевидных аспектов обеспечения национальной безопасности.

8. Очевидно, самым молодым современным этносом, своеобразие которого заключается в том, что он унаследовал многое от «старых» европейских этносов, является американская нация.

9. Сверхзадача обеспечения национальной безопасности — создание условий для возникновения нового пассионарного толчка, возрождающего цикл этногенеза.

И.И.Орлик *

Трансформации в Центрально-Восточной Европе во второй половине XX века

Объективная оценка и понимание сущности современных проблем Центрально-Восточноевропейского региона невозможны без глубокого комплексного и широкого по хронологическим рамкам анализа экономических и социально-политических преобразований в странах этого региона.

XX век — драматический, если не трагический период в жизни народов Центрально-Восточной Европы. Именно здесь, в этом регионе (из-за борьбы европейских держав за обладание им) развернулась первая мировая война, унесшая миллионы человеческих жизней и разрушившая хозяйство многих стран и экономические связи между ними. Именно здесь экономический кризис 1929—1933 гг. уничтожил надежду на восстановление длительной активной экономической жизни и динамичного международного товарообмена. Наконец, здесь началась и прошла огненным потоком вторая мировая война, не знавшая себе равных по всем масштабам и трагическим последствиям. И в середине века здесь же началась «холодная война», продолжавшаяся сорок лет; ее последствия до сих пор осложняют общеевропейское сотрудничество. Наконец, завершился XX век опаснейшим балканским военно-политическим кризисом, перспективы полного разрешения которого весьма неопределенны.

Аналитики еще не одно десятилетие будут исследовать причины и последствия этих роковых для Восточной Европы, да и для всего мира, событий. Но уже сейчас со всей определенностью можно утверждать, что не последнюю роль во всех этих событиях сыграли интересы крупных держав, проявились многие факторы международных экономических и политических противоречий в Центрально-Восточной Европе.

Проводимая Институтом международных экономических и политических исследований РАН многоплановая комплексная работа ставит своей целью объективно осветить сложные экономические и социально-политические трансформации в странах Центрально-Восточной Европы, провести системный анализ основных преобразований на протяжении второй половины XX в., показать их общие черты и особенности в каждой из стран.

Исследовательский коллектив полностью осознает сложность поставленной задачи, так как ее решение потребовало преодолеть былые догматические представления, по-новому поставить многие методологические проблемы, переосмыслить весь ход истории второй половины XX века. Потребовалось также привлечение документальных, в том числе архивных, материалов.

---

* Орлик-Гарлик Игорь Иванович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН, исполнитель проекта «Экономические и социально-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе во второй половине XX века: системный анализ переходных процессов» (98-02-02303а).

В основу структурного деления всего исследования на три этапа положен проблемно-хронологический принцип.

Первый этап охватывает период от окончания второй мировой войны до середины 60-х гг. Это время становления и формирования в Центрально-Восточной Европе нового общественного строя, получившего название «реальный социализм».

Второй этап — развитие исследуемого региона от середины 60-х гг. до конца 80-х гг. Именно в этот период после относительной социально-экономической стабилизации проявляются первые симптомы кризиса, который во второй половине 80-х гг. приобретает глубокий характер, создаются предпосылки для радикальной политической и экономической трансформации.

Третий этап хронологически охватывает последнее десятилетие XX в. — от демократических революций на рубеже 80-х и 90-х гг. до начала интегрирования стран Центральной и Восточной Европы в общеевропейские экономические и военно-политические институты.

Первые десятилетия после окончания второй мировой войны прошли в Центрально-Восточной Европе под знаком крупнейших перемен во всех сферах общественной жизни. При всей специфике положения в каждой из восточноевропейских стран все же в первые послевоенные годы отчетливо проявлялись общие для всех государств процессы и проблемы.

Разгром фашистской Германии и ее союзников оказал огромное влияние на послевоенные процессы в экономической, политической и социальной жизни европейских стран. Народы многих стран, которым в годы второй мировой войны был навязан фашистский «новый порядок», поднялись на борьбу за возрождение своей государственности, восстановление национального достоинства, за решительную демократизацию общественной жизни. Эта борьба за национальное возрождение и социальный прогресс развернулась и в странах Центральной и Восточной Европы, где начинавшиеся процессы преобразований приняли форму народно-демократических революций.

Большое, но весьма неоднозначное влияние на ход событий в этих странах оказывал Советский Союз. Помогая в осуществлении демократических реформ, сталинское руководство СССР в то же время стремилось направить ход событий в нужную ему сторону, привести к власти коммунистов и навязать странам народной демократии советскую модель развития.

За короткий промежуток времени после окончания второй мировой войны в странах Центральной и Восточной Европы произошли крупные экономические, социальные и политические преобразования. Однако канонизация советского опыта привела к механическому копированию модели государственно-бюрократического социализма в СССР. Навязывание сталинской модели социализма в 1947—1948 гг. искусственно прервало процесс народно-демократической революции. Страны народной демократии стали на путь «ускоренного социалистического строительства». Именно с этого времени эти страны стали называться социалистическими, хотя это вовсе не отражало сущности их общественно-политического строя. Постепенно, на протяжении 50-х гг., они превратились в авторитарно-бюрократические государства.

Сталинская модель «строительства социализма» предусматривала последовательное огосударствление всех экономических укладов. Проведенная в конце 40-х гг. национализация промышленности и банков позволила сконцентрировать в государственной собственности и управлении почти все промышленное производство. Страны народной демократии стали на экстенсивный путь индустриализации с ее упором на ускоренное развитие тяжелой промышленности. Этот курс был заложен в долгосрочных пятилетних и шестилетних народнохозяйственных планах, которые начали осуществляться там на рубеже 40—50-х гг. Предполагалось, что такое ускоренное развитие тяжелой промышленности обеспечит базу для быстрого и эффективного перехода к созданию «социалистического базиса».

Была допущена неоправданная поспешность в обобществлении частного мелкотоварного сектора в сфере торговли, ремесла, услуг. Проявилось явное предубеждение по отношению к частной собственности, независимо от ее размеров и характера. Мелкие торговцы, ремесленники, владельцы частных коммунальных предприятий ставились в невыгодное положение, а иногда и подвергались экспроприации. Все это отражалось на состоянии социально-экономической сферы: резко ухудшалось обслуживание, сокращалось производство многих потребительских товаров.

Последствия необдуманного копирования модели самообеспечивающейся экономики, нарушений эволюционного развития хозяйственных форм, перескакивания через объективно необходимые его этапы сказывались и в аграрных отношениях. В ряде стран государственное и партийное руководство без должного учета местных особенностей пыталось провести сплошную коллективизацию. В ходе коллективизации часто допускались перегибы, административный нажим, нарушение принципа добровольности.

На деле оказалось, что в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, уровень экономического развития которых был относительно невысоким, создание автономной экономики с многоотраслевой структурой нанесло существенный ущерб развитию этих стран, породив структурные диспропорции в экономике и социальную напряженность в обществе. Следствием этого ошибочного экономического курса, игнорировавшего национальные особенности народнохозяйственных систем и возможности международного разделения труда, стали серьезные социально-политические кризисы 1953—1956 гг. в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии.

Неоправданный переход к решению социалистических задач привел к серьезным деформациям в общественной, культурной и духовной жизни. Игнорирование национально-государственного своеобразия обстановки в различных странах, степени их социально-экономической зрелости, культурно-политических традиций выразилось в синхронном осуществлении преобразований, в выборе однотипных административных форм и методов их осуществления. Робкие попытки поиска отдельными деятелями коммунистического и рабочего движения этих стран альтернативных путей социально-экономических преобразований пресекались как проявление ревизионизма и оппортунизма и нередко заканчивались для них трагически.

Преобладание догматизма и сектантства и перегибы в политике государственно-партийного руководства неблагоприятно сказывались и на духовной жизни общества, на социально-психологической атмосфере, порождая

нетерпимость к плюрализму мнений и к свободе политического поведения. Стремление утвердить единомыслие и идеологическое единообразие деформировало систему выражения общественных и групповых интересов, сужало каналы их политической реализации, мешало проявлению сохранившихся в странах с более высоким уровнем политической культуры (Чехословакия, ГДР) традиций многопартийности и парламентаризма.

В развитии европейских социалистических стран во второй половине 50-х и в 60-е гг. сохранилась большая противоречивость процессов социально-экономической и политической жизни общества. С одной стороны, страны Центральной и Восточной Европы добились в тот период известных успехов в развитии экономики, совершенствовании социальной сферы и улучшении жизни трудящихся. Однако, с другой стороны, в экономическом развитии стран Центральной и Восточной Европы в 60-х гг. все более явственно сказывались и негативные тенденции. Сложившаяся в этих странах командно-административная система управления сковывала творческую инициативу работников производства, ограничивала хозяйственную самостоятельность предприятий и тем самым тормозила развитие производительных сил. Это имело особенно неблагоприятные последствия в условиях начавшейся в 50-х гг. научно-технической революции. Страны, назвавшие себя социалистическими, стали все более отставать от передовых капиталистических стран по темпам внедрения новейших достижений научно-технического прогресса, прежде всего электронно-вычислительной техники. Это существенно ослабляло конкурентоспособность их товаров на мировых рынках. Такому исходу событий способствовала замкнутость значительной части товарообмена социалистических стран в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Этот товарообмен не предъявлял необходимых требований к качеству производимой продукции, поскольку и сама промышленность была нацелена прежде всего на количественный рост.

Все это поставило перед странами Центральной и Восточной Европы задачу проведения коренных экономических реформ. Необходимо было усовершенствовать систему государственного планирования, создать эффективный механизм экономического стимулирования и обеспечения заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, создать условия для инициативной деятельности и хозяйственной самостоятельности предприятий. На это были рассчитаны экономические реформы, начатые в ряде стран в 60-х гг.

Однако внедрение важнейших принципов экономических реформ в практику народного хозяйства неоправданно затягивалось. Меры по совершенствованию системы управления экономикой проводились робко и непоследовательно. Более того, сектанско-догматические силы в руководстве коммунистических партий, стремясь сохранить централизованные командно-административные методы управления, мешали осуществлению необходимой в новых условиях децентрализации и всячески тормозили ход экономических реформ. Поэтому и в Советском Союзе, и в странах Центральной и Восточной Европы (в том числе и там, где они начинались довольно энергично, как это было, например, в Венгрии) эти реформы постепенно сошли на нет, не получив сколько-нибудь широкого развития.

В 50—60-х гг. ни в СССР, ни в странах Центральной и Восточной Европы так и не было проведено серьезного научного анализа глубинных

причин деформаций общественного развития. Сложившийся во всех этих странах строй административно-бюрократического социализма остался в неприкосновенности. Весьма далекими от декларируемых принципов были на практике и отношения между социалистическими странами.

Главным вопросом, о который споткнулись все социалистические страны, был вопрос о собственности на средства производства и, соответственно, использовании товарно-денежных отношений как регулятора экономических отношений. Опыт стран социализма показал, что полное обобществление средств производства и как следствие — жесткое административное регулирование экономических отношений означают резкое сужение сферы действия товарно-денежных отношений, искажают пропорции в развитии различных отраслей народного хозяйства, лишают товаропроизводителя стимулов к производству и обновлению ассортимента и качества выпускаемых товаров. Главным регулятором экономических отношений становится государство в лице чиновничьего аппарата различных министров, которые выполняют политические установки правящей партии.

Кризис официальной политики и идеологии в восточноевропейских странах постепенно привел к появлению альтернативных идеологий и политических движений, которые бросили вызов монопольным позициям правящих коммунистических партий. Это были политические движения с различной идеологической направленностью, с различной степенью политического влияния, но общим для всех являлась антисистемная направленность их действий. Их программа действий предполагала слом социализма и установление другой модели общественного развития, которую не очень четко поначалу представляли себе. В историческом плане эти диссидентские движения (Хартия 77, «Солидарность» и др.) означали постепенное формирование гражданского общества, что неизбежно размывало систему тоталитарного контроля над обществом и оттесняло коммунистические партии с монопольных позиций власти.

Политический и идеологический кризис в странах Центрально-Восточной Европы в 80-е гг. дополнился экономическим кризисом. Экономическое развитие на основе принципов социализма дало этим странам возможность достигнуть определенных достижений, что привело к росту уровня жизни населения. Однако эти возможности к середине 70-х гг. были в основном исчерпаны, т.к. базировались на так называемой экстенсивной модели развития.

Для выхода из кризиса правящие режимы в странах Центральной и Восточной Европы попытались использовать в широких масштабах финансовые ресурсы и новейшие технологии стран Западной Европы и США. Открывшиеся широкие возможности сотрудничества с Западом после подписания Хельсинского Заключительного акта в 1975 г. коммунистические режимы попытались использовать для преодоления кризиса, для придания социализму второго дыхания. Запад в рамках своей политики так называемого дифференцированного подхода охотно предоставлял кредиты странам Восточной Европы, в результате чего к середине 80-х гг. каждая из них обладала большим долгом. Однако весь парадокс состоял в том, что эти огромные средства не были использованы рационально.

Все усилия стран Центральной и Восточной Европы преодолеть экономический кризис за счет внешних факторов, не затрагивая принципиальных основ сложившейся экономической системы, оказались малоэффективными и ожидаемых результатов не дали. Логичным завершением всеобъемлющего кризиса, который охватил восточноевропейские страны, явились демократические революции 1989 г.

Вызревавший в течение длительного времени кризис к концу 80-х гг. охватил все страны Центрально-Восточной Европы. Он проявлялся в экономической, политической, идеологической, нравственной и моральной сферах. Политическое банкротство руководства правящих партий, несостоятельность административно-командных методов управления и нежелание подавляющего большинства населения жить по-старому — все это предопределило возникновение своеобразной революционной ситуации в странах Центрально-Восточной Европы. Она складывалась и развивалась по-разному в отдельных странах. Но общим для всех стран было стремление ликвидировать монополющую власть правящих партий, установить подлинно демократическую форму правления и на основе широкой демократии обновить социально-экономическую и политическую жизнь общества.

Революции разворачивались почти одновременно — во второй половине 1989 г. Это объяснялось, во-первых, зрелостью предпосылок и высокой степенью социальной напряженности во всех странах и, во-вторых, осознанием того, что Советский Союз не будет вмешиваться в их внутренние дела, не будет оказывать поддержку консервативным силам, пытавшимся воспрепятствовать демократическому процессу.

Именно второе обстоятельство, невмешательство Советского Союза (о чем ясно дал понять лидер СССР М.С.Горбачев), стало главным фактором геополитической значимости для начала радикальных преобразований в регионе Центрально-Восточной Европы. Они были бы невыносимы без перестройки в Советском Союзе. Процесс перестройки в СССР, новое отношение советского руководства к своим западным соседям как к равным партнерам, отказ от политики «ограниченного суверенитета» — все это создало новые условия для демократического переустройства восточноевропейских стран.

Демократические революции в Центрально-Восточной Европе стали крупнейшим событием второй половины XX века. Они имели своим результатом не только кардинальные внутренние изменения в странах этого региона. Проявилось обратное воздействие внутренних трансформаций в странах Центрально-Восточной Европы на изменение геополитической ситуации. Именно демократические революции предопределили новую расстановку сил в Европе, новую структуру экономических и политических отношений между великими державами. Наметилось завершение конфронтации между Востоком и Западом, между СССР и США. Стало реальным окончание длительной изнуряющей «холодной войны».

Перед восточноевропейскими странами по-новому встал вопрос о характере сотрудничества с Европейским сообществом и с Советским Союзом. В поисках экономической поддержки они устремили свои взоры на Запад. Этот процесс еще более активизировался после распада Советского Союза и наступившего там длительного глубокого экономического и социально-политического кризиса.

Исторический крах «реального социализма», «мировой социалистической системы» неслучаен. Его самые глубинные причины коренятся в том, что в рамках иерархически организованного общества оказалось невозможным сформировать ни политический, ни экономический механизмы, обеспечивающие органичное интегрирование многообразных интересов отдельных людей в интересы групп и общества в целом.

Переход от централизованно управляемой социалистической экономики к хозяйственной системе, основанной на действии рыночного механизма, сопряжен с решением двух основных проблем: собственно осуществлением системных реформ и выбором оптимальной политики, призванной обеспечить максимальную устойчивость экономики в условиях радикальных преобразований. В свою очередь, к системным реформам следует отнести: либерализацию хозяйственной деятельности; формирование экономических субъектов, способных адекватно воспринимать рыночные сигналы и обладающих рыночной мотивацией; создание свойственных современной экономике институтов, обеспечивающих эффективное функционирование рынков товаров и услуг, труда, капитала и земли.

Основное внимание авторов исследования сосредоточено на анализе следующих тем: политическая трансформация в странах Центральной и Восточной Европы; этапы, основные направления, проблемы, особенности стабилизационных программ в этих странах; ход либерализации хозяйственной деятельности; преобразования отношений собственности, формирование адекватных рыночной экономике субъектов; формирование рыночных институтов; новая роль государства в экономической жизни стран; различные подходы к структурным преобразованиям в странах.

Своеобразный подход к анализу постсоциалистических трансформаций требует проведения компаративистских исследований. Упор делается как на широкие теоретические обобщения переходных экономических процессов, так и на работы эмпирического характера, сопоставление российских реалий с тем, что происходит на постсоветском пространстве и в странах Центральной и Восточной Европы, изучение проблем глобализации и её влияния на рыночную трансформацию в постсоциалистических странах.

Анализ конкретных экономических процессов в Центральной и Восточной Европе и в России дает возможность исследователям предложить ряд оригинальных идей и теоретических построений, позволяющих глубже понять стоящие перед соответствующими странами проблемы, оценить плюсы и минусы различных вариантов их решения. Внимание исследователей привлекает сравнительный анализ социально-экономических преобразований в Центральной и Восточной Европе.

Комплексный сравнительный анализ позволил авторам обобщить опыт стран с переходной экономикой. Опыт восточноевропейских стран свидетельствует о том, что появились первые признаки преодоления обвального трансформационного спада и начала экономического роста.

Анализируя социальную цену постсоциалистической рыночной трансформации, авторы показывают огромные усилия восточноевропейских государств в борьбе с обвальным снижением уровня жизни населения, расширением бедности, безработицей, отмечают, что результаты этих усилий пока еще не очень обнадеживают. На фоне мировых тенденций развития социальных

функций государства отставание всех постсоциалистических переходных экономик особенно очевидно.

Главные выводы, вытекающие из проведенных исследований хода реформ, можно сформулировать следующим образом:

1. Либерализация экономической деятельности — необходимое, но недостаточное условие формирования эффективного рыночного механизма. В успешных, с точки зрения результатов трансформации, постсоциалистических странах наиболее быстро либерализация проводилась в отношении оборота товаров и услуг; очень осторожный подход наблюдался в отношении снятия ограничений с оплаты труда и движения краткосрочных капиталов в страну и из страны.

2. Массовая приватизация отнюдь не является наилучшим способом формирования подлинных рыночных субъектов; более того, в определенных случаях (особенно характерен в этом плане опыт постсоветских государств) она приводит к возникновению крайне нерациональной системы корпоративного управления, в свою очередь, обуславливающей не отвечающее рыночным канонам поведение предприятий. Очень важное значение имеет создание благоприятных условий для развития частного сектора на собственной основе, что достигается стимулированием малого предпринимательства. Крайне неблагоприятные последствия возникают тогда, когда не уделяется должного внимания управлению остающимся в руках государства имуществом: в этом случае широкое распространение приобретает деятельность по его растаскиванию; это быстро приводит к криминализации всей экономики.

3. Неусыпное внимание к формированию всего многообразия рыночных институтов играет крайне важную роль в создании эффективной экономической системы, и напротив, примитивная ставка на всеислие “экономической свободы” чревата плачевными результатами.

В течение 90-х гг. Центральная и Восточная Европа существенно изменила свой политический и идеологический облик. Рухнула система власти, господствовавшая более четырех десятилетий; правившие здесь коммунистические партии либо прекратили свое существование, либо, в значительной степени преобразованные, отошли на третьестепенные позиции в политической жизни своих стран. Начался процесс формирования другого общественного строя, отказа от старых и признания новых общественных ценностей. Коренным образом изменилась и система внешнеполитических приоритетов.

За истекшие годы демократия в большинстве постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы стала реальностью. Для решения этой задачи упор повсеместно делался на: демонтаж авторитарной политической системы и обеспечение основных прав человека; развитие политического плюрализма, строительство многопартийной системы и гражданского общества; формирование сбалансированной системы разделения властей; обеспечение условий для проведения демократических парламентских и президентских выборов; развитие местного самоуправления.

Ход соответствующих процессов анализируется авторами проекта: изучение внутривнутриполитических процессов, проходящих в бывших странах «реально-

го социализма» Центральной и Восточной Европы, сравнительный анализ этих трансформационных процессов, а также исследование национально-государственных интересов и внешней политики, их геополитического положения в современном мире, отношений с Россией и другими бывшими социалистическими странами, участия в решении актуальных международных проблем, прежде всего европейских.

В целом, результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что вследствие успешной политической трансформации удалось создать механизм обеспечения динамичной политической стабильности. Этот механизм позволяет более или менее эффективно интегрировать интересы различных слоев и групп общества, обеспечивать в случае социальной напряженности смену у власти различных политических сил и тем самым внесение корректив в социально-экономическую политику.

Крах мировой социалистической системы имеет многочисленные международные последствия. Переход к демократическому устройству общества и рыночной экономике существенным образом меняет то, что мы привыкли называть национальными интересами. Рушатся прежние союзы и коалиции, формируются новые векторы интеграции государств рассматриваемой группы в мировую экономику и политику.

Радикальная трансформация социально-экономических и политических систем в России и странах Центральной и Восточной Европы в качестве одного из своих следствий имела резкое снижение интереса к взаимному хозяйственному сотрудничеству. Процесс формирования отношений между Российской Федерацией и восточноевропейскими странами идет довольно медленно и не без осложнений. На этот процесс существенно влияют глубокие социально-экономические изменения, последствия системных преобразований, сохраняющиеся «родимые пятна» длительного периода тоталитаризма. И хотя в последнее время и с российской, и с восточноевропейской сторон все чаще проявляются добрая воля и стремление к политическому сотрудничеству, все же дезинтегрирующие тенденции далеко не преодолены в этих отношениях. Разрушенные былые — на «блоковой основе» — связи очень медленно трансформируются в равноправные отношения на принципиально новой основе.

Существенную роль играют изменения во внешнеполитическом курсе России, а также радикальная смена внешнеполитических приоритетов восточноевропейских стран. Все они провозгласили ориентацию на Запад в качестве своей внешнеполитической стратегии, хотя и подчеркивают, особенно в последнее время, важность развития сотрудничества с Россией и другими странами СНГ.

Россия утратила роль центра экономического притяжения для стран Центральной и Восточной Европы. Ее место заняли Германия, Италия, Австрия. Все это послужило ускорению процесса переориентации бывших социалистических стран этого региона Европы на связи с западным миром, вовлекало их в процесс региональной интеграции, сделало стремление к включению в европейские экономические структуры приоритетным направлением внешнеэкономической политики.

Своим исследованием участники проекта стремятся дать ответы на вопросы о причинах, характере и сущности преобразований в постсоциалисти-

ческих странах. К сожалению, так же, как никто из теоретиков на Западе и на Востоке не смог в свое время предвидеть коллапс социалистической системы и распад СССР, так и сейчас далеко не многие современные аналитики проявляют способность оценить суть и перспективы ключевых изменений в странах Центральной и Восточной Европы. А это нельзя сделать без четкого представления об истоках всех трансформационных процессов и их сущности в течение 90-х гг. Все мы находимся лишь в **начальной стадии осмысления происшедшего** в государствах бывшего «социалистического содружества».

И тем не менее уже в ходе реализации исследовательского проекта его исполнители смогли подготовить ряд обобщающих работ, содержащих не только выводы из анализа процесса экономических и социально-политических трансформаций в странах Центрально-Восточной Европы, но и конкретные рекомендации по совершенствованию и перспективному развитию отношений России со странами этого региона. Все это нашло отражение в подготовленных участниками проекта публикациях [1], серии аналитических записок для Департамента экономического сотрудничества МИД РФ [2], а также в макете I тома будущего трехтомного труда по теме исследовательского проекта.

Настоящий проект поможет понять многие сложные процессы современного экономического и социально-политического развития постсоциалистических стран, определить перспективы на новом для них пути, выяснить интересы России в центрально-восточноевропейском регионе и возможности активизации здесь ее политики.

Примечания

1. Здесь приведены лишь некоторые из них: Экономические и социально-политические трансформации в Центральной и Восточной Европе во второй половине XX века. — М.: ИМЭПИ, 1998. — 200 с.; Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в конце XX века. — М.: ИМЭПИ, 1999. — 140 с.; Центрально-Восточная Европа и Россия: проблемы трансформации // Новая и новейшая история. — 1998. — ц 3. — С. 91—118; Некипелов А.Д. Постсоциалистические трансформации: основные направления исследований ИМЭПИ РАН // Новая и новейшая история. — 1999. — ц 3. — С. 3—17; Орлик И.И. Восточная Европа в документах российских архивов // Новая и новейшая история. — 1999. — ц 5. — С. 183—199.

2. В 1999 г. подготовлены семь аналитических записок об экономических и политических отношениях России с отдельными странами Центрально-Восточной Европы.

Л.П.Долотенкова*

Обменный курс и паритет покупательной способности валют

Статья посвящена статистической проверке концепции, в соответствии с которой обменные курсы валют определяются паритетами их покупательной способности (ППС). Дадим краткую характеристику современного состояния научных исследований в этой области.

Концепция утверждает, что в экономически взаимосвязанных странах колебания спроса на товары и валюту постепенно приводят к выравниванию (паритету) покупательной способности валют, устанавливая их равновесный обменный курс. Равновесный обменный курс валют двух стран выражает количество единиц валюты каждой из них, дающее возможность купить одинаковый набор («корзину») товаров и услуг. Таким образом, изменения курсов валют в долговременном плане приводят в действие рыночные силы, которые ставят эти курсы в зависимость от соотношений покупательной способности валют или от соотношений внутренних уровней цен.

Концепция ППС насчитывает уже несколько веков¹; в активный научный оборот она введена в начале XX в. Г.Касселем. В работах 1920 и 1921 гг., направленных на обоснование принципов урегулирования пришедших к тому времени в полное расстройство валютных отношений, он предложил в качестве основы для определения обменного курса валют рассчитывать паритеты их покупательной способности².

Впоследствии у него оказалось достаточно много сторонников³. Концепция ППС представляет собою первую — и до сих пор, по существу, единственную — попытку найти закон, определяющий обменные курсы валют; привлекательна она своей простотой.

С начала 70-х гг. за рубежом, в условиях перехода международной валютной системы с фиксированного на плавающий обменный курс, наблю-

* Долотенкова Лилия Павловна — кандидат экономических наук, доцент Новосибирского государственного университета, руководитель проекта «Обменный курс и паритет покупательной способности валют: теория и статистические исследования» (98-02-02273а).

¹ Исследователи находят истоки теории ППС в трудах представителей Саламанской школы (XVI век, Испания) [14, с. 334; 19, с. 647], в работах меркантилистов XVII в., Д.Юма и Д.Рикардо; в 1803 г. основные положения теории ППС были изложены Д.Уитли [15, с. 385].

² «Паритеты покупательной силы означают истинную линию равновесия вексельных (т.е. обменных — Л.Д.) курсов, и знание их имеет, поэтому, большое практическое значение» [8, с. 17]. Известные нам работы Касселя не содержат статистических исследований.

³ Приведем формулировки известных авторов: «...в долгосрочном плане обменные курсы выравниваются относительно покупательной силы валют разных стран» [20, р. 467]; «Согласно концепции «паритета покупательной способности», изменение соотношения валютных курсов двух стран при прочих равных условиях пропорционально изменению соотношения между нашими ценами и ценами за границей» [14, с. 702]. «Согласно одной давно установившейся гипотезе, на долгосрочных временных интервалах равновесный обменный курс каких-либо двух валют корректируется относительно ППС» [7, с. 390]; «Условия равновесия на отдельных рынках можно преобразовать в теорию валютных курсов с помощью теории паритета покупательной силы» [11, с. 307]; см. также [16, р. 368; 18, р. 137; 6, с. 199].

дается вспышка интереса к этой теории. Усиливается интерес к оценкам ППС также в связи с интенсификацией интеграционных процессов в мировой экономике. Особенно много работ⁴, трактующих валютные курсы на основе теории ППС, появляется в связи со становлением монетаризма в качестве преобладающего направления современной экономической мысли. Зарубежные учебники по экономике, как правило, стали включать изложение этой концепции (см., в частности, [6, 7, 10, 11, 13, 14, 18, 20]).

Степень проработанности концепции ППС и возможности ее практического использования оцениваются неоднозначно. В литературе содержатся и положительные характеристики (см. сноски 2 и 3), и более осторожные оценки⁵; по мнению ряда авторов, теория остается недоказанной⁶, говорится даже о «загадке ППС» [19, с. 647]. Многие авторы констатируют наличие нерешенных проблем и спорных утверждений.

Весьма спорной является сама основа концепции — так называемый закон единой цены («Law of One Price»), в соответствии с которым цены одинаковых товаров в разных странах при пересчете по валютному курсу одинаковы. При этом «закон единой цены» относят к «корзине», набору товаров. Многие авторы, не поддаваясь «обезоруживающей» [19, с. 647] своей простотой идее единой цены, на основании эмпирических исследований опровергают ее, показывая, что если даже «закон единой цены» подтверждается для некоторого вида товаров, он нарушается по отношению ко многим другим⁷.

Достаточно крупный вопрос — выбор индекса цен для установления паритетов валют⁸. Реально в рассмотренных нами источниках литературы, в тех из них, где имеются эмпирические исследования, одни авторы используют индексы оптовых цен, другие — индексы потребительских цен. Между тем, ни один из названных индексов не выражает изменения цен в целом.

Некоторые исследователи предлагают связывать поиск закономерности в динамике обменного курса не с внутренней покупательной способностью валют, а с динамикой внешнеторговых цен. Они полагают, что, поскольку многие производимые в стране товары и услуги не поступают в международную торговлю и их внутренние цены не участвуют в формировании валютных курсов, последние, хотя и находятся под воздействием внутренней покупательной силы валют, не совпадают с ее паритетами. Главная сфера, ради обслуживания которой происходит обмен валюты, — это внешнеэконо-

⁴ Наиболее обширный список работ находим в обстоятельном обзоре литературы [19].

⁵ «Несомненно, что понятие паритета покупательной способности не обладает высокой точностью» [7, с. 390]. «ППС — очень удобное допущение... Однако, как и многие допущения, оно слишком упрощает реальность. Устанавливаемое им соотношение выполнимо только при некоторых нереалистичных условиях...» [13, с. 335].

⁶ «Данные последних лет содержат слабые эмпирические подтверждения ППС и закона одной цены» [10, с. 431].

⁷ «...закон единой цены часто грубо нарушается» [6, с. 199].

⁸ «...различные способы определения уровней цен в разных странах затрудняют подтверждение ППС с помощью индексов цен, публикуемых правительствами» [10, с. 431]. «...В каждой стране существует несколько альтернативных индексов цен, каждый из которых изменяется по-своему, часто независимо от движения других индексов. Выбор общественного индекса становится сложным делом. Индексы различаются из-за того, что существует много товаров, не участвующих в международной торговле. Это затрудняет процесс выравнивания в различных странах» [11, с. 292]. Аналогичную оценку можно найти и у других авторов (см., например, [19, с. 651—652]).

мический оборот, в первую очередь межстрановой обмен товарами и услугами; именно здесь, считают они, нужно искать истоки воздействия ценовых изменений на обменный курс. Вполне определенно эта позиция выражена у Б.Селигмена⁹ и Э.Д.Долана [7, с. 390]. На наш взгляд, этот подход заслуживает особого внимания.

Отметим еще две проблемы. Первая — это трудности верификации, связанные с определением протяженности временных отрезков, на которых обменные курсы валют должны выравниваться по ППС. И вторая — различия цен одинаковых товаров в разных странах из-за транспортных и других внешнеторговых издержек¹⁰.

Относительно эмпирических исследований следует сказать, что из использованной нами, весьма представительной литературы, включающей как издания прежних лет, так и новейшие, можно отметить лишь несколько работ, где даны количественные характеристики зависимости обменных курсов от соотношений покупательной способности валют¹¹. В остальных источниках проблема рассматривается на абстрактных графиках и отвлеченных рассуждениях.

Все изложенное позволяет утверждать, что широко распространенная в зарубежной литературе *концепция паритета покупательной способности как основы обменных курсов далека от того, чтобы быть доказанной*. Отечественная монографическая литература интереса к проблеме связи ППС и валютных курсов практически не проявляет. Учебные издания ее игнорируют¹². В такой ситуации переведенные на русский язык зарубежные работы, содержащие изложение этой концепции без каких-либо комментариев, ставят отечественную экономическую мысль в зависимость от западной. Все это делает проблему актуальной и требует дальнейших, углубленных исследований.

⁹ «Едиственное соотношение, которое оказывается существенным для международной торговли, — это отношение между ценами различных товаров, которые фактически поступают в каналы торговли. Мы стремимся приобрести другую валюту не в качестве всеобщего платежного средства, а как средство, которое позволяет купить определенные товары. Общий уровень цен не имеет отношения к этой проблеме... Суть проблемы достаточно проста: внутренняя покупательная способность национальной валюты не обязательно должна совпадать с ее внешней покупательной силой» [15, с. 385].

¹⁰ Основатель современного монетаризма М.Фридман и А.Шварц провели специальное исследование соответствия между паритетом покупательной способности доллара и фунта стерлингов и курсом обмена первого на второй за период с 1868 по 1975 г. и получили достаточно сильные их расхождения [17, с. 291, график 6.5]. Авторы высказывают следующее соображение: «Конечно, даже для международных товаров тарифы и транспортные издержки могут быть достаточно сильно действующими факторами, чтобы порождать существенные расхождения между относительными ценами в различных странах и обменным курсом валют. Но для товаров и услуг, которые не включены в международную торговлю, расхождение может быть еще больше» (там же, с. 287).

¹¹ В [11, с. 293] приведен рисунок (со ссылкой на другого автора), отражающий, в целом за период 1953—1977 гг., связь изменений валютных курсов и оптовых цен по 10 странам; здесь же приводятся примеры обратной направленности в краткосрочном плане. В [13, с. 349] дана таблица «Уровни цен во Франции, Германии, США, Великобритании за ряд лет (1816—1913)». Констатируется, что движение цен имело много общего. Делается абсолютно необоснованный вывод: «это подтверждает предположение о наличии паритета покупательной способности» [с. 348]. В [20, р. 472] приводятся (со ссылкой на другого автора, при отсутствии методик расчетов) графики по Швейцарии, Германии, Италии, Японии, Франции, показывающие на коротком отрезке (6 лет) соотношение динамики обменных курсов национальных валют на доллар США и оптовых цен.

¹² Исключение составляет лишь краткий раздел в учебнике по валютным отношениям под редакцией Л.Красавиной [12, с. 33—35].

Нами проведена комплексная статистическая проверка соответствия между обменными курсами валют и паритетами их покупательной способности. Базовой явилась валюта Германии — немецкая марка. Германия является центром наиболее глубоких в современной мировой экономике интеграционных процессов (в рамках ЕС), что немаловажно для исследования возможностей применения категории ППС в регулировании обменных курсов, а также для понимания валютных проблем в связи с введением общей для ряда стран денежной единицы.

Использовались показатели валютных курсов и цен на товары и услуги, изначально построенные независимо друг от друга. По валютным курсам мы воспользовались одним из наиболее богатых банков данных — статистикой обменного курса немецкой марки (DM) на валюты 10 индустриально развитых стран (США, Япония и 8 европейских стран). Главным статистическим источником послужило издание [2], содержащее единые в методическом отношении данные по 11 индустриальным странам за длительный период. Удобство представленной в источнике информации заключается в том, что она содержит данные о *системе* курсов, по которым валюта данной страны обменивается на основные валюты мира.

Что касается индексов цен, то здесь, как видно из предыдущего, каждый исследователь стоит перед проблемой выбора приемлемого варианта из имеющихся в статистике. В нашем случае основой для подсчета изменений цен явилась информация из источников [2, 3, 4, 5], содержащая стандартные, хорошо проверенные макропоказатели: дефлятор ВВП, дефлятор потребительских расходов населения и дефлятор экспорта.

Хотя изначальное понятие паритета покупательной способности формулируется в литературе применительно к статике («абсолютный ППС») ¹³, проверка соответствия обменного курса валют и внутренних цен по опубликованной статистике реально возможна и практически ведется всеми авторами лишь в динамическом аспекте («относительный ППС»). Поэтому важное значение приобретает длительность наблюдаемого процесса. В наших расчетах временной ряд (1973—1993 гг.) составляет 20 лет: взяты данные с самого начала того периода, когда действует плавающий курс валют.

Таким образом, и по составу стран, и по временному отрезку, и по набору показателей использована достаточно представительная статистика.

Первоначально проведено исследование зависимости валютных курсов от изменений в соотношениях внутренних цен, затем то же самое — от внешне-торговых цен.

Представим подробно лишь один результат исследования: анализ взаимосвязи между *годовыми* изменениями курсов валют 10 стран по отношению к немецкой марке и *годовыми* изменениями соотношений между указанными выше дефляторами цен. Тест на годовом уровне является убедительной проверкой закономерностей: если закономерность проявляется в краткосрочном режиме, то тем более можно ожидать, что она проявится в средне- и долгосрочном.

¹³ Расчеты «абсолютного ППС» проводятся международными статистическими органами, главным образом для межстрановых сопоставлений валового внутреннего продукта. См., например, [1; 4, Table 1374; 5]. Эту сторону использования категории ППС мы здесь не рассматриваем.

Последовательность проведенных нами расчетов представлена в таблице 1 (процедура расчетов показана на примере 1992 и 1993 гг., данные округлены). На основе непосредственно взятой из статистики информации об изменениях обменных курсов валют 10 индустриальных стран на немецкую марку рассчитаны годовые темпы роста валютных курсов. Далее, делением величин в текущих ценах на их значения в неизменных ценах по показателям ВВП, потребительских расходов населения и экспорта товаров и услуг вычисляются их дефляторы и на этой основе делением соответствующих дефляторов 10 стран на дефляторы Германии определяются соотношения дефляторов стран, курсы валют которых исследуются, и дефляторов Германии¹⁴; подсчитываются годовые темпы роста этих соотношений. Полученные таким образом необходимые массивы данных — годовые темпы роста валютных курсов и годовые темпы роста соотношений дефляторов ВВП, потребительских расходов населения и экспорта товаров и услуг — подлежат сопоставлению (результат представлен в таблице 2).

Таблица 1. Образец исходной информации и подготовительных расчетов

	Гер- мания	Бель- гия	Фран- ция	Велико- бри- тания	Ита- лия	Нидер- ланды	Испа- ния	Авс- трия	Швей- цария	Япония	США
Отношения обменных курсов национальных валют на DM к курсам конца 1972 г.*											
1992	—	149	214	276	438	112	328	97	76	85	207
1993	—	149	216	305	527	112	384	97	75	71	195
Годовые темпы роста обменных курсов валют на DM											
1993	—	1,00	1,01	1,10	1,20	1,00	1,17	1,00	0,99	0,83	0,94
Валовый внутренний продукт (ВВП) (млрд. национальных денежных единиц**)											
1992	3076	7098	7000	599	1503	566	59081	2047	339	472	6020
1993	3158	7269	7077	631	1550	579	60905	2124	343	475	6343
ВВП в неизменных ценах (млрд. национальных денежных единиц 1991 г.**)											
1992	2916	6856	6855	572	1437	554	55290	1966	330	464	5856
1993	2884	6745	6764	585	1421	555	54646	1973	327	464	6039
Дефлятор ВВП (1991 = 100)											
1992	105	104	102	105	105	102	108	104	103	102	103
1993	110	108	105	108	109	104	109	108	105	102	105
Соотношения дефляторов ВВП 10 стран и Германии											
1992	—	0,98	0,97	0,99	0,99	0,97	1,03	0,99	0,97	0,96	0,97
1993	—	0,98	0,96	0,99	1,00	0,95	1,00	0,98	0,96	0,93	0,96

¹⁴ До 1990 года — ФРГ.

Продолжение табл. 1

	Гер- мания	Бель- гия	Фран- ция	Белько- бри- тания	Ита- лия	Нидер- ланды	Испа- ния	Авс- трия	Швей- цария	Япония	США
Годовые темпы роста соотношений дефляторов ВВП 10 стран и Германии											
1993	—	1,00	0,99	0,99	1,01	0,98	0,97	1,00	0,98	0,97	0,98
Потребительские расходы населения (ПРН) (млрд. национальных денежных единиц ^{**})											
1992	1755	4339	4210	382	942	341	37244	134	198	269	4137
1993	1830	4546	4326	405	957	352	38459	1181	203	275	4378
ПРН в неизменных ценах (млрд. национальных денежных единиц 1991 г. ^{**})											
1992	1676	4354	4099	365	890	331	34955	1091	190	264	4010
1993	1680	4324	4106	374	869	334	34240	1099	189	267	4141
Дефлятор ПРН (1991 = 100)											
1992	105	100	103	105	106	103	106	104	104	102	103
1993	109	105	105	108	110	106	112	107	107	103	106
Соотношения дефляторов ПРН 10 стран и Германии											
1992	—	0,95	0,98	1,00	1,01	0,99	1,02	0,99	0,99	0,97	0,99
1993	—	0,97	0,97	1,00	1,01	0,97	1,03	0,99	0,99	0,95	0,97
Годовые темпы роста соотношений дефляторов ПРН 10 стран и Германии											
1993	—	1,01	0,99	1,00	1,00	0,98	1,01	0,99	0,99	0,97	0,99
Экспорт товаров и услуг (млрд. национальных денежных единиц ^{**})											
1992	732	4978	1588	142	267	295	10410	803	122	47	638
1993	698	4998	1556	160	321	293	11819	803	125	44	659
Экспорт товаров и услуг в неизменных ценах (млрд. национальных денежных единиц 1991 г. ^{**})											
1992	725	5034	1613	140	261	302	10094	780	121	49	641
1993	689	5114	1607	145	285	306	10956	768	123	50	667
Дефлятор экспорта товаров и услуг (1991 = 100)											
1992	101	99	98	102	102	98	103	103	101	97	100
1993	101	98	97	111	112	96	108	105	102	99	99
Соотношения дефляторов экспорта товаров и услуг 10 стран и Германии											
1992	—	0,98	0,97	1,01	1,01	0,97	1,02	1,02	1,00	0,96	0,99
1993	—	0,96	0,96	1,09	1,11	0,94	1,07	1,03	1,01	0,88	0,97
Годовые темпы роста соотношений дефляторов экспорта 10 стран и Германии											
1993	—	0,99	0,98	1,09	1,09	0,97	1,04	1,01	1,01	0,92	0,99

* По Бельгии и Австрии — к курсам 1972 г.

** Италия и Япония — трлн. национальных денежных единиц.

Составлено по данным [2, Tabellen 3, 9, 13,14; 3, Tables B-1, B-2].

Проверке подлежат две гипотезы. Одна исходит из теории ППС и заключается в том, что годовые изменения обменных курсов валют разных стран на немецкую марку регулируются изменениями покупательной способности валют внутри каждой из этих стран и в Германии. При этом изменения покупательной способности измеряются а) дефляторами ВВП, б) дефляторами потребительских расходов населения. Вторая гипотеза исходит из того, что годовые изменения обменных курсов регулируются изменениями в соотношениях дефляторов экспорта товаров и услуг.

Гипотезы оцениваются с помощью коэффициентов парной линейной регрессии (r) и детерминации (r^2) (см. таблицу 2). Первый из них дает возможность судить о знаке реальной связи и сопоставлять его с теоретическими ожиданиями. Второй дает количественную характеристику тесноты связи (т.е. ее объясняющей силы): показывает долю исходной дисперсии фактора-функции (годовых темпов роста обменных курсов 10 стран по отношению к немецкой марке), которая может быть объяснена факторами — аргументами (годовыми темпами роста отношений дефляторов ВВП 10 стран к дефляторам ВВП Германии; дефляторов потребительских расходов населения 10 стран к дефляторам потребительских расходов населения Германии; дефляторов экспорта 10 стран к дефляторам экспорта Германии).

Как видно из таблицы 2, объясняющая сила первой зависимости (от соотношений дефляторов ВВП), как общее правило, невелика: в 16 случаях из 20 не превышает 50% ($r^2 \leq 0,5$). Например, в 1993 году $r^2 = 0,18$ (т.е. исходная дисперсия объяснена только на 18%). Встречаются даже случаи (1979, 1980, 1989, 1990 годы), когда знак связи оказался отрицательным, что не согласуется с теорией (впрочем, значимость этих связей невелика). Немногим лучше связь с соотношениями темпов роста потребительских цен (вторая пара колонок таблицы 2). В этом случае $r^2 \leq 0,5$ в 13 случаях из 20; фиксируются и отрицательные зависимости (слабые). Вывод заключается в том, что положения теории ППС на этом, весьма представительном, массиве данных в общем не подтверждаются.

Таблица 2. Корреляция годовых темпов роста обменных курсов валют на DM с годовыми темпами роста соотношений дефляторов ВВП, потребительских расходов населения и экспорта 10 индустриальных стран и Германии

	Корреляция с соотношениями дефляторов					
	ВВП		ПРН		экспорта	
	r	r^2	r	r^2	r	r^2
1974	0,642	0,412	0,818	0,669	0,831	0,691
1975	0,583	0,339	0,656	0,430	0,782	0,612
1976	0,942	0,887	0,921	0,849	0,984	0,968
1977	0,854	0,730	0,860	0,740	0,928	0,861
1978	0,740	0,548	0,790	0,624	0,900	0,809
1979	-0,299	0,090	-0,346	0,120	0,274	0,075

Продолжение табл. 1

	Корреляция с соотношениями дефляторов					
	ВВП		ПРН		экспорта	
	г	г ²	г	г ²	г	г ²
1980	-0,066	0,004	0,088	0,008	0,323	0,105
1981	0,388	0,150	0,607	0,368	0,769	0,592
1982	0,523	0,273	0,637	0,405	0,851	0,725
1983	0,733	0,538	0,731	0,535	0,960	0,921
1984	0,431	0,186	0,495	0,245	0,807	0,651
1985	0,698	0,488	0,763	0,581	0,890	0,791
1986	0,070	0,005	0,381	0,145	0,367	0,134
1987	0,338	0,114	0,556	0,309	0,688	0,473
1988	0,101	0,010	0,201	0,041	0,832	0,693
1989	-0,329	0,109	-0,429	0,184	0,524	0,275
1990	-0,223	0,050	-0,112	0,012	0,406	0,165
1991	0,285	0,081	0,310	0,096	0,774	0,599
1992	0,472	0,223	0,650	0,423	0,558	0,312
1993	0,423	0,179	0,710	0,505	0,908	0,824

Существенный материал для ответа на вопрос о факторах, определяющих изменения валютных курсов, дает анализ зависимости обменных курсов от изменения внешних (экспортных) цен (см. третью пару колонок таблицы 2). В целом корреляция значительно теснее, чем в первых двух зависимостях, отрицательных связей нет. Объясняющая сила, как правило, высока: в 13 случаях из 20 $r^2 \geq 0,5$ (например, в 1993 г. $r^2 = 0,824$, т.е. исходная дисперсия объяснена на 82,4%); в 7 случаях $r^2 \geq 0,7$.

В целом выводы, полученные из статистического исследования, наталкивают на необходимость дальнейшего поиска факторов, регулирующих изменения обменных курсов, в области ценообразования на товары, включенные в международную торговлю. При этом ради корректности нужно сказать, что, будучи значительными, характеристики связи между валютными курсами и экспортными ценами все же далеко не полностью объясняют изменения первых. В частности, не все коэффициенты корреляции темпов роста обменных курсов с изменениями дефляторов экспорта высоки (в 5 случаях $r^2 \leq 0,3$). По-видимому, это объяснимо, когда исследуется связь обменных курсов с изменениями *общих* соотношений экспортных цен соответствующих стран. Необходимы дальнейшие, более тонкие расчеты, такие как, скажем, корреляция изменений обменного курса валют с соотношениями цен *взаимных* торговых потоков каждой страны и Германии. Можно предположить, что обменные курсы валют стран с интегрированной экономикой в краткосрочном плане в высокой степени регулируются этими соотношени-

ями цен¹⁵. Для такого рода анализа требуется создание специальной информации.

Примечания

1. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1993 год. — М., 1996.
2. Reformen Voranbringen. Jahresgutachten 1996/97. — Metzler-Poeschel Stuttgart.
3. Economic Report of the President. — Washington, 1995, 1996, 1997.
4. Statistical Abstract of the United States. — Washington, 1994, 1995, 1997.
5. OECD National Accounts PPP's. Technical Note National Accounts. Main Economic Indicators. April 1998. <http://www.oecd.org/std/gdp.htm>
6. Бурда М., Вишлош Ч. Макроэкономика. Европейский текст. — СПб., 1998.
7. Долан Э.Дж., Кэмпбелл К.Д., Кэмпбелл Р.Д. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. — М.—Л., 1991.
8. Кассель Г. Мировая экономическая проблема. — М., 1922.
9. Корн Г., Корн Т. Справочник по математике. — М., 1977. — Гл. 19.
10. Кругман П. Р., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика. — М., 1997.
11. Линдерт П. Х. Экономика мирохозяйственных связей. — М., 1992.
12. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. Под ред. Л.Н.Красавиной. — И., 1994.
13. Сакс Д.Д., Ларрен Ф.Б. Макроэкономика. — М., 1996.
14. Самуэльсон П. Экономика. — М., 1964.
15. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. — М., 1968.
16. Flexible Exchange Rates and the Balance of Payments. — N.-Y., 1980.
17. Friedman M. and Schwartz A. J. Monetary Trends in the United States and the United Kingdom. — 1982.
18. Jackman R., Mulvey C. & Trevitchick J. The Economic of Inflation. — Oxford, 1982.
19. Rogoff K. The Purchasing Power Parity Puzzle // Journal of Economic Literature. — 1996. — June. — Vol. XXXIV. — ц 2.
20. Sigel B. Money, Banking and the Economy. A Monetarist View. — N.-Y., 1982.

¹⁵ Остается пока не разрешенным следующее сомнение. Возможно, что найденные достаточно тесные связи выражают не столько зависимость обменных курсов от экспортных цен, сколько обратное воздействие первых на вторые.

Философия. Социология. Политология. Право

А.Е.Малых*

Из истории становления дискретной математики

Математика относится к группе наук, изучающих общие закономерности реального мира. В силу специфики своего объекта исследования она вторгается в другие научные дисциплины, где ее законы становятся обязательными. Математика раскрывается как средство изучения окружающей действительности и формирования взглядов на природу и общество, отвечающих современной картине мира. В последнее время все мы стали свидетелями значительного расширения круга интересов математики и области ее приложений. Человеческая деятельность во всем ее разнообразии достигает такого уровня развития, который требует применения точных методов мышления. Если раньше математический аппарат использовали главным образом лишь физика и астрономия, то теперь его применение в химии, биологии, лингвистике, экономике никого не удивляет. Начинается математизация общественных наук. Постепенно происходит совершенствование математических моделей социальных явлений, приспособление их к решению современных проблем жизни общества.

Наряду с классическими разделами математики сейчас большое значение для развития многих наук имеют дисциплины, объединенные под общим названием «дискретная математика». К ним, в частности, относятся комбинаторный анализ, теория вероятностей, теория графов, исследование операций и др. С конечных моделей возникла математика, и сейчас в традиционных ее разделах можно выделить дискретную составляющую.

Материалом, из которого выросла дискретная математика, явились элементарные комбинаторные знания и результаты исследования случайных явлений. Источником же последних были азартные игры, например, в кости.

Элементы комбинаторного характера, связанные с вычислительной практикой, были известны с древних времен. При рассмотрении случайных величин выделялись два основных типа задач: подсчеты числа возможных исходов при бросании нескольких костей и раздел ставки между игроками при досрочном прекращении состязания.

В XVI столетии шел процесс обогащения комбинаторных знаний и появлялись попытки решения задач о случайных событиях. В XVII в. завершился период накопления сведений, уточнения постановок задач, были разработаны методы их решения и началось существование теории вероятностей как таковой, понятия которой развивались в научной переписке Блеза

---

* Малых Алла Ефимовна — доктор физико-математических наук, профессор, заведующая кафедрой Пермского государственного педагогического университета, руководитель проекта «История и методология комбинаторного анализа» (97-03-04068а).

Паскаля (1623—1662) и Пьера Ферма (1601—1665), а также в сочинениях Х.Гюйгенса (1629—1695) и Г.Галилея (1564—1642). Паскаль создал «Трактат об арифметическом треугольнике» (1665), где были разработаны теоретические основы комбинаторики. В 1666 г. Г.В.Лейбниц (1646—1716) сделал попытку построения общей комбинаторной теории в сочинении «Рассуждения об искусстве комбинаторики», которое представил Лейпцигскому университету.

1713 год ознаменовался тем, что вышла незаконченная при жизни работа швейцарского математика Я.Бернулли (1654—1705) «Искусство предположений», в которой автор рассматривает две концепции вероятности — классическую и статистическую, а также строит строго обоснованную комбинаторную теорию, которую использует как математический аппарат для вычисления вероятностей. В 1733 г. французским математиком Ж.Бюффеном (1707—1788) была предложена геометрическая трактовка вероятности. В конце XVIII в. К.Ф.Гинденбург (1741—1808) повторил попытку построения общей математической теории дискретных множеств в трактате «Новая система перестановок, комбинаций и вариаций...».

К началу XIX в. были созданы комбинаторные методы, разработка и применение которых связаны с именами М.Кантора, И.Вейрауха, С.Кантора, А. де Муавра, А.Кэли, Дж.Сильвестра.

Живой интерес к комбинаторике в течение всей жизни сохранял Леонард Эйлер (1707—1783). Считается, что начало теории графов было положено им при попытках решить задачу о знаменитых Кенигсбергских мостах через реку Прегель. В своем письме итальянскому математику Мариони, отправленном из Петербурга 13 марта 1736 г., он описал решение проблемы прохождения каждого из мостов по одному разу и возвращения в исходный пункт.

Несколько позже Эйлер предложил графическую модель этой задачи, ввел специальную терминологию и сформулировал общие правила, по которым выясняется разрешимость головоломок подобного рода. К ним, в частности, относится возможность изображать фигуры, не отрывая карандаша от бумаги. Эти развлечения являются очень давними, взять, например, рисунок арабского происхождения «Сабля Магомета».

Эйлер обратился к общей проблеме: при каких условиях в конечном графе можно найти такой цикл, в процессе прохождения которого каждое

ребро графа использовалось бы один раз? Впоследствии такие графы получили название эйлеровых.

Постановка и решение Эйлером задачи о Кенигсбергских мостах знаменуют начало разработки теории графов как математической дисциплины. Однако эта работа была единственной на протяжении почти ста лет.

В середине XIX в. вновь возник интерес к теории графов по нескольким причинам. Прежде всего многие популярные развлечения поддавались формулировке в соответствующих терминах. В частности, головоломки об обходах и лабиринтах по сути были первыми задачами теории графов. Например, коридоры лабиринта принимались за ребра, а перекрестки — за вершины графа. Необходимо определить в таком графе маршрут для прохождения от одной заданной вершины к другой. Первый систематический метод для нахождения выхода из лабиринта был предложен Н.Винером (1873).

В 1859 г. ирландский математик У.Гамильтон (1805—1865) придумал игру, в которой было необходимо обойти по ребрам каждую вершину додекаэдра, причем ровно один раз. Гамильтоновы циклы определяются аналогично эйлеровым графам, только по отношению к вершинам: это маршрут, проходящий через каждую вершину один раз. Существует еще одна известная интерпретация этого факта. В компании из нескольких человек некоторые являются друзьями. При каких условиях можно всех рассадить за круглым столом так, чтобы по обе стороны каждого сидели его друзья? Популярная задача о коммивояжере также относится к гамильтоновым цепям. Формулировка ее такова: найти кратчайшую дорогу, проходящую через все города некоторой местности, расстояния между которыми известны, и возвратиться в исходный пункт.

Ситуации, связанные с доставкой заказанных товаров, способствовали созданию эффективных методов решения транспортных задач. Основной задачей о схеме дорог обычно считается определение кратчайшего пути между двумя пунктами. Внешне напоминает задачу о торговце задача английского математика А.Кэли (1821—1895) о минимальном соединении: проложить между n городами железнодорожные линии так, чтобы не строить лишних. Сколькими способами можно построить такую систему, и какая из них будет оптимальной?

Значительным стимулом к изучению структур графов явилась знаменитая проблема четырех красок, первоначальный вариант которой высказал А.Мейбиус на лекции в 1840 г.: «...на плоскости нельзя начертить пять областей так, чтобы каждые две из них имели общую границу». Около 1850 г. шотландцем Де Морганом (1806—1871) была сформулирована и поставлена перед математиками задача о количестве цветов для правильной раскраски карты. В 1878 г. А.Кэли придал задаче прикладной характер: нужно было доказать, что каждую географическую карту на плоскости (или глобусе) можно правильно раскрасить четырьмя красками. Никакая другая проблема не породила такого числа работ в области теории графов, имеющих теоретическую и прикладную значимость.

В середине XIX в. многие результаты, относящиеся к теории графов, были получены при решении практических задач. Так, Г.Кирхгоф (1824—1887), составляя полную систему уравнений для токов и напряжений в электрической цепи, предложил, по существу, представлять ее графом. А.Кэли,

исходя из задач о числе изомеров предельных углеводородов, пришел к вопросам перечисления графов-деревьев, обладающих заданными свойствами. В XX в. появились предпосылки выделения теории графов в самостоятельный раздел математики. Начали возникать задачи, связанные с графами, не только в физике, химии или биологии, но и в экономике, социологии, а также в самой математике. Наряду с термином «граф» в начале XX в. употреблялись в качестве синонимов и другие, например, карта, комплекс, диаграмма, сеть, лабиринт.

Первая книга Д.Кенига о графах, датированная 1936 г., вышла в Лейпциге спустя 200 лет после первой постановки проблемы Эйлером.

Есть основания полагать, что область применения теории графов будет расширяться и в дальнейшем. Уже в настоящее время предмет теории графов является обширным. В развитии этой дисциплины заметны влияния запросов новых областей приложений: теории игр, программирования, сетевого планирования — т.е. процессов принятия оптимальных решений.

История общества связана с поиском рациональных форм деятельности. Изучением соответствующих проблем, отысканием методов их решения занимается наука об исследовании операций. Задачи ее столь же стары и многообразны, как и само человечество. Но решались они, как правило, интуитивно, без применения математического аппарата. Однако по мере усложнения ситуации возникла необходимость в более или менее точных оценках оптимальности принятых решений.

Одной из первых в области исследования операций была задача о землекопе, поставленная английским математиком Бруком Тейлором в 1885 г. Если рабочий набирает лопатой много земли, то за один раз он перебросит большее ее количество, но не сможет долго работать, так как устанет. В том случае, когда будет кидать за один раз мало, он выдержит гораздо дольше. Каким должен быть оптимальный вес груза, чтобы за смену выполнить наибольший объем работы? На основании некоторых предположений о законах утомляемости человека и его возможностях, Тейлор нашел решение задачи.

В такого рода ситуациях нужно соизмерить несколько «антагонистических» возможностей и в каком-то смысле их уравновесить. Крайние случаи плохи, оптимальным решением является «золотая середина», которую надо найти как можно точнее.

Ранние работы по исследованию операций принадлежат Ланчестеру (1916) — в связи с принятием решений в военно-стратегических задачах; датскому математику А.Эрлангу (1917) — относящиеся к управлению автоматическими телефонными станциями; англичанину Левинсону (1930), изучавшему некоторые аспекты торговли; Л.В.Канторовичу (1938) — при создании математических методов для экономики.

Особую актуальность разработка аппарата исследования операций приобрела в Первую мировую войну в связи с управлением большими количествами людей. С целью изучения военных ситуаций были созданы группы консультантов (физиков, математиков, инженеров) — «группы исследования операций», в обязанность которых входили анализ принятых командующим решений и рекомендация дальнейших действий. Деятельность научных работников касалась, главным образом, применения боевого оружия, а также распределения сил и средств по различным объектам.

После войны возникла необходимость в применении исследований операций для решения экономических и социологических проблем. Промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговля, бытовое обслуживание, транспорт, связь, здравоохранение, охрана природы — таковы сферы применения указанных методов.

Специфические задачи исследования операций требуют специальных методов решения, что влечет за собой создание таких разделов, как математическое программирование, теории игр и принятия статистических решений. Источниками теоретико-игрового аппарата являются азартные и комбинаторные игры, с которых начиналось зарождение комбинаторного анализа и теории вероятностей. В дальнейшем отдельные идеи по теории игр высказывались Вальдегравом (1712, «смешанная стратегия в игре»), Д.Бернулли (1732, «Петербургская игра»), П.Лапласом (1814, «принцип оптимальности»), Ж.Берtrandом (1888, «теоретико-игровой подход к игре баккара»).

Эквивалентные формы теоретико-игровых утверждений были рассмотрены в других разделах математики («**Теория наилучших приближений**» П.Л.Чебышева; «**Геометрия выпуклых многогранников**» Г.Минковского; «**Теория линейных неравенств**» Э.Штимке). В 1911 г. Э.Цермело описал теоретико-игровой подход к решению вопросов шахматной игры. В 1921 г. Э.Борель начал систематическое изучение матричных игр, доказав для некоторых случаев существование оптимальных смешанных стратегий. В 1928 г. Дж. фон Нейман (1903—1957) опубликовал работу «**К теории стратегических игр**», содержащую основные идеи современной теории игр.

Теория игр — своеобразная математическая дисциплина. Ее судьба не похожа на судьбы тех разделов математики, которые выросли из физики, навигации, инженерных наук. Долгое время она вообще не представлялась самостоятельной дисциплиной: был набор отдельных задач, в которых излагались различные ситуации, возникающие в салонных карточных играх. Однако в начале 20-х гг. нашего века этими проблемами заинтересовался французский математик Эмиль Борель. Ему удалось посмотреть на них с единой точки зрения, ввести необходимую аксиоматику и создать тем самым основу математической теории.

После работ Бореля в теории игр постепенно начинают развиваться собственные методы, отыскиваются связи с прикладными дисциплинами и прежде всего с экономикой. Новый значительный этап в развитии теории игр связан с работами Дж. фон Неймана и О.Моргенштерна (род. в 1902). Они придали теории игр вполне фундаментальный характер, обогатив ее целым рядом первоклассных теорем и общих принципов анализа. Ими была детально развита теория матричных игр, установлена их глубокая связь с задачами линейного программирования, а следовательно, с экономикой. В 1944 г. вышла в свет монография Неймана и Моргенштерна «**Теория игр и экономическое поведение**». Развитие математического аппарата теории игр получило мощный толчок после публикации этой работы.

К сожалению, тогда же теория игр была «переформализована». Строгая канонизация ее задач и методов, которая произошла в 50-е гг., значительно сузила объект исследования и особенно перспективу использования игровых подходов к решению практических задач.

В первые годы существования теории игр ее предметом были в основном игры n лиц при небольших их значениях (2, 3 или 4). Примерно с начала 1960 г. все большее внимание стало уделяться играм с большим количеством участников, в которых ни один из игроков не может повлиять на общий исход. Стали появляться отдельные публикации, посвященные преимущественно кооперативным играм (т.е. с весьма большим числом объектов-участников), которые могут быть моделями социально-экономических систем. Подобные игры, естественным образом возникающие в общественных науках, являются моделями ситуаций с большим количеством очень «малых» индивидуумов (потребители в экономической системе или избиратели при голосовании на выборах). Подобные игры получили название неатомических.

В 60—70-е гг. Ю.Б.Гермейер и его ученики начали изучать подходы к анализу конфликтных ситуаций и влияние на их исход различных информационных факторов: уровня информативности, способности субъекта формировать гипотезы и т.д.

В настоящее время теория игр бурно развивается. В последние годы помимо теории антагонистических, неантагонистических (кооперативных), конечных, бесконечных, позиционных игр начали развиваться теории дифференциальных и рефлексивных игр. В первой изучаются задачи преследования управляемого объекта другим управляемым объектом в связи с динамикой их поведения, описанного дифференциальными уравнениями. Теория же рефлексивных игр рассматривает ситуации, учитывая мысленное воспроизведение возможного образа действий и стратегии противника.

Преждевременно говорить о разделах, которые, возможно, возникнут в теории игр для более полного удовлетворения ее возрастающих потребностей. Но уже сейчас эта наука предъявляет к ряду традиционных отраслей математики (теории меры, теории вероятностей, топологии, теории дифференциальных уравнений, теории динамических систем) существенно новые требования, стимулируя появление в них новых направлений.

Литература

1. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология. — М.: Наука, 1980.
2. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. — М.: Наука, 1970.
3. Рыбников К.А. История математики. — М.: Изд-во МГУ, 1994.
4. Харари Ф. Теория графов. — М.: Мир, 1973.

*Н.И.Дряхлов, В.А.Давыденко,
А.Е.Миллер, И.Н.Юрченко **

**Социокультурные
и социолого-управленческие
формы развития
предпринимательства
в России и в Германии:
опыт сравнительного анализа
с точки зрения контрактного
менеджмента**

В центре замысла проекта стоял главный вопрос: как осуществляются в производственной реальности новые организационные планы, диктуемые рынком, и как внедряется интрапренерство — внутрифирменное предпринимательство.

Авторами проведено сравнительное социологическое исследование реальных форм разных институциональных моделей интрапренерства в России и в Германии, за основу которого был взят немецкий проект специалистов из Берлинского Университета им. Гумбольдта (рук. проф., д.э.н. Карин Лоор). Российской стороне было предложено провести исследование на похожих российских предприятиях по аналогичной немецкой методике, адаптированной к российским условиям.

Мы не могли, разумеется, решать макроэкономические проблемы. Известно, что правительство ФРГ за 10 лет на экономико-политическое воссоединение двух Германий затратило около 540 млрд. долларов. Мы шли по микроуровневому анализу. При этом мы провели сравнительные исследования по аналогичным выборкам (около 120 респондентов — менеджеров высшего и среднего звена и рабочих), на фирмах, аналогичных с точки зрения

* **Дряхлов Николай Иванович** — доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, руководитель проекта «Социокультурные и социолого-управленческие формы развития предпринимательства в России и в Германии: опыт сравнительного анализа» (98-03-04088а).

Давыденко Владимир Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой Омского государственного технического университета, исполнитель проекта «Социокультурные и социолого-управленческие формы развития предпринимательства в России и в Германии: опыт сравнительного анализа» (98-03-04088а).

Миллер Александр Емельянович — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой Омского государственного технического университета, исполнитель проекта «Социокультурные и социолого-управленческие формы развития предпринимательства в России и в Германии: опыт сравнительного анализа» (98-03-04088а).

Юрченко Ирина Николаевна — кандидат философских наук, старший преподаватель Московского архитектурного института, исполнитель проекта «Социокультурные и социолого-управленческие формы развития предпринимательства в России и в Германии: опыт сравнительного анализа» (98-03-04088а).

применяемой технологии, — это предприятия машиностроения. Немецкие специалисты работали по заказу Комиссии по исследованию социальных и политических перемен бундестага ФРГ по теме: «*Являются ли новые организационные планы и их трансформация выходом из кризиса тейлористско-бюрократической организации труда и рыночным развитием предприятий?*».

Сравнительная привлекательность немецкого проекта для российской стороны оказалась достаточно сильной потому, что в центре его замысла стоял вопрос о социокультурных и социолого-управленческих формах развития промышленного бизнеса в фирмах на новых Землях ФРГ (бывших ГДР) после проведения там весьма болезненных процедур санации. Был поставлен вопрос о том, насколько хорошо осуществляются в социально-производственной реальности новые организационные планы развития, посвященные проблемам выживания фирм в конкурентной рыночной среде на основе критерия повышения конкурентоспособности и внедрения интрапренерского ресурса. При этом речь шла не столько об отдельно взятых элементах организационного обновления производства, таких как синергизм, выравнивание иерархии власти, изменения в стратегии, структуре, культуре, технологии, управлении, информации, введение групповой работы, но и о необходимости выяснения вопроса, насколько подобные планы могут объединяться в интегративное целое, понимаемое как качественная эффективность работы фирмы в контексте как предпринимательской структуры.

Цели, которые ставила перед собой немецкая проектная группа Гумбольдского университета, состояли в поиске эмпирических ответов на следующие вопросы: каким образом на уровне структуры предприятия рынком диктуются правила упразднения некоторых излишних функций по разделению труда, решение проблем «экономизации» подразделений предприятия и снижение влияния только производственной функции на прибыль в пользу учета ее контрактной составляющей. Внедрение *центров прибыли* как элемента фирменного предпринимательства являлось примером для этого процесса изменений.

Задачи, которые решала немецкая группа Гумбольдского университета, — это реальная научная и социолого-техническая помощь высшему менеджменту при решении следующих практических вопросов: 1) выравнивании иерархии (помощь в сокращении лишних бюрократических уровней руководства); 2) децентрализации функций (передача властных полномочий из центральных органов управления самим исполнителям решений); 3) интенсификации роста горизонтальных коммуникативных информационных потоков (что, например, приводит к легализации и «просветлению» многих неформальных и «полутеневых» связей, к «просветленному интрапренерству», которое позволяет в корне изменить всю систему хозяйственных отношений — причем не только внутри фирмы, но особенно внутри самого человека, который постепенно выходит на соответствующие высоким параметрам работы фирмы собственные уровни честности и смелости в работе и в решениях); 4) выбор стилей руководства в предпринимательских культурах (к примеру, жесткость централизованного стиля управления сменяется на жесткость адаптационно-рыночного стиля); 5) оптимизация стратегий и производственных культур (которые должны были помогать преодолевать функциональные границы и

менять тейлоровско-фордистскую организацию на интеграционную, а также способствовать открытому сопричастному общению друг с другом по всем возникающим проблемам); 6) внедрение философии интрапренерства в фирме; 7) переход к контрактному менеджменту и другие задачи, решение которых позволило бы выстоять фирме в рыночных условиях.

Исследование показало, что в России само поле столкновений программ реализации рыночной и дорыночной эффективности есть глобальное противоречие практически всех хозяйственно-экономических форм развития фирм, и это ключевая проблема всей России. Это можно описать в терминах хаотичного движения экономики российского общества между крайними полюсами противоречия — одновременно как глубоко уходящего в традиционализм, так и стремящегося выйти за его рамки на основе псевдолиберальной цивилизации. Но это не только движение между крайними полюсами данного противоречия, но и их взаимопроникновение и взаиморазрушение, обозначаемое нами термином «амбивалентность бизнеса». Если для либерализма характерна высшая ценность личности как источника творческих инноваций и одновременно ответственность за воспроизводство локальной субкультуры фирмы как целостности, то для российской хозяйственной модели присущ все более дезорганизованный, амбивалентный хозяйственный порядок предприятий. В то же время лучшим рынок дал еще более лучшее, а худших просто вывел из своего рыночного оборота как «ненужный балласт». Итак, сильное рыночное давление, которому подвержены фирмы и предприятия, — это главный фактор «перемен».

Если этот фактор рассматривается в контексте реорганизационных действий самих актеров, то необходимо указать на его сильное интегрирующее воздействие на всех членов фирм и предприятий. В принятии решения принимают участие большое количество агентов — актеров, преследующих специфические намерения, аккумулирующих собственные властные структуры, создающих мощные коалиции.

Существует, однако, строгое ограничение, которое распространяется на всех актеров: необходимо обеспечить сохранение личного состава фирмы. Если появляется угроза фирме, то подвергаются опасности и актеры, и социальные связи актеров. На исследуемых предприятиях в ФРГ менеджменту как доминирующему инициатору перемен удалось увязать оставшийся персонал с происходящими изменениями в контексте реструктуризации и реальной рационализации. На уровне организации производства этого типа в ФРГ уже больше не обсуждаются вопросы введения технических систем управления «just-in-time»-производство («точно-в-срок»), новейших форм обеспечения качества труда и гибкости рабочего времени на приемлемо высоком для всех уровне оперативности действий — они внедряются в прямом смысле как адекватное реагирование на запросы рынка, в предвидении нужд и потребностей покупателя и все более коротких путей к душе потребителя.

Важно подчеркнуть, что ключевые решения по рационализации и внедрению интрапренерства основаны на концепции контрактного менеджмента и торгов между актерами как в России, так и в ФРГ. Хотя решения по реорганизации в поле напряжения микрополитических процессов торга в немецком проекте получили особенно важное значение. Организационные

перемены внутри предприятий, которые рассматриваются с точки зрения действия актеров, порождают потребность в вовлечении различных ситуативных факторов. Аналитический процесс торгов охватывал стратегию актеров во взаимном установлении и передаче ее в сопряженных (релевантных) контекстах. Относительно автономные действия таких актеров на предприятиях ФРГ объяснимы только в отношении «различных контрактных систем». В качестве последней обозначался непосредственный контрактный контекст актеров и представителей организаций, который образует особое регулирование и структурирование действий, а также помогает осуществить стратегии власти актеров. Если группа ситуативных условий охватывает рыночные условия, форму собственности, профиль продукции, способ изготовления и системы труда и техники, как и историческое развитие предприятий, то для стратегического решения торгов определяется, какой путь выбирают отдельные предприятия и какие отдельные факторы играют исключительно разную роль.

На каких уровнях можно установить процессы торга? На предприятиях ФРГ наблюдалась контрактная торговля между местным менеджментом и руководством концерна, между менеджментом предприятий и их производственными советами. Микрополитические процессы торга между отдельными группировками внутри фирмы (на уровне среднего менеджмента, конкуренции между производственными и технологическими отделами) оставались неформализованными и тем самым закрытыми для эмпирического анализа. Изменения в организационных структурах внедряли, по меньшей мере, косвенно, как и измененные возможности властных функций и вместе с ними измененные властные структуры на предприятиях.

В целом в плане реорганизации управления микрополитические процессы торга в контрактном менеджменте привели к хорошим результатам в процессах выравнивания иерархии, децентрализации функций, роста горизонтальных коммуникативных и информационных потоков и, не в последнюю очередь, выбора стилей руководства и четких предпринимательских культур, которые должны помогать преодолевать функциональные границы и способствовать открытому, честному и сопричастному общению персонала друг с другом. На выбранных для исследований фирмах в ФРГ и России проводились интервью и анализ ситуации, которые имели своей целью изучить действия актеров и процессов реструктуризации по всем уровням иерархии фирмы. *Какие инструменты управления вступают в действие при реагировании на все изменяющиеся требования рынка, в какой комбинации выступают отдельные элементы предпринимательской организации в производственной реальности и насколько они связаны друг с другом?* *Какие приоритеты при этом ставятся?* *Кто является ведущим актером на предприятии?* Какие ответы были получены немецкими коллегами в самом общем плане?

После соединения ГДР и ФРГ, почти во всех фирмах ключевые позиции в управлении были заняты западногерманскими менеджерами. Восточногерманские менеджеры стали как бы «третьим сортом», больше не принадлежащим к высшему менеджменту. Концепция *интрапренерства* здесь стоит на первом плане, и именно с точки зрения этой перспективы рассматривались все изменения в *структуре, культуре и стратегии фирм, организации*

производства и управления, понимаемых в контексте концепции новых «институционально-организационных» планов.

Результаты экспертных опросов показали, что в России на уровне высших менеджеров в настоящее время все еще «нет понимания» выгодности для фирмы и для общества внедрения интрапренерского ресурса. Ибо это требует кропотливого и постоянного отслеживания обратных информационных и материальных потоков на различных организационных уровнях, позволяет сделать прозрачными, легализовать и «просветлить» многие неформальные и теневые связи на основе составления продуктовых и полуфабрикатных балансов, что явно невыгодно для многих шефов в России. Было выяснено, что чем выше властный уровень российского управленческого звена, тем меньше ощущается такого рода непонимание выгодности внедряемого интрапренерского ресурса.

Традиционная система организации и управления фирмами в России не только препятствует становлению внутрифирменного предпринимательства, но и стремится «вытолкнуть» появившиеся элементы интрапренерства из структур промышленного хозяйствования фирм России. Это, очевидно, связано с тем, что как технологическая, так и организационная специализация имели «планово-отраслевую ориентацию», тормозившую рыночное мышление руководства высшего и среднего звена. Аналогичная ситуация сложилась и в науке: до сих пор считалось кощунственным применять методы микроэкономического современного анализа к изучению того типа социоэкономических моделей, который реально соответствует сегодняшней реальности. Логика такова: если в основу микроэкономического подхода положить представление об индивидуальном стремлении к максимизации дохода, возможно ли использовать этот подход там, где нет ни движения прав собственности, ни свободных рынков, ни конкурентного рыночного механизма ценообразования, а экономический порядок для многих и неформально, и на юридическом уровне обусловлен жестким запретом на частное владение ресурсами и на свободные рыночные обмены. Исследование показало, что поле столкновений программ реализации любого «бизнеса» рыночной и дорыночной эффективности есть глобальное противоречие на уровне практически всех хозяйственно-экономических форм развития промышленных фирм, и это есть ключевая проблема всей России, ее макро- и микроэкономики.

Если исходить из того, что ключевым фактором технологического развития является та система ценностей, которую исповедуют и внедряют в жизнь представители высшего предпринимательского эшелона и интрапренеры, то нужно признать, что на микроуровне истинные стимулы эффективного хозяйственного развития лежат именно в сфере их ценностей, их логики принятия решений, их способности совершенствовать эту логику. В массовом порядке, на макроуровне, духовная сфера общества — наука, образование, культура, ценности хозяйствования, даже находясь под давлением технологических и экономических способов производства, могут явиться сильным импульсом для позитивных изменений в экономике. Им может стать новое мировоззрение, новая идеологическая направленность, новая хозяйственная культура. Решение проблем интрапренерства на уровне развития новых технологий предполагает реализацию принципа учета национальных особенностей на основе исследования национального (в нашем случае — на примере немецкого и

российского) социокультурного наследия и определения его места в цивилизационных процессах. Как показали опросы, *попытка вписать российскую цивилизацию в общемировую «систему координат» в пределах либерально-рыночных рамок без учета сложившейся системы ценностей в российском обществе обречена. Если либеральный идеал, господствующий в развитых странах Запада, связан с повышением эффективности как высшей ценности отдельного индивида, то к традиционным особенностям управленческого сознания российских руководителей относятся такие параметры, как ориентация «на внешний контроль», на технизм, на постоянную недооценку управления нововведениями. Отсюда выявляется и другой тип проблемы — выгодно ли в России использование опыта Запада? Ведь даже сама западная социальная наука сегодня, кажется, мало озабочена теми глубокими культурными основаниями, на которые опирается множество хозяйственных решений в бизнесе. Возможно, реальность хозяйственной жизни Запада не создает значимых проблем, которые могли бы быть основой разработки в этой сфере новых подходов. В России, однако, дело обстоит иначе. Если Запад решает свои экономические проблемы в рамках сложившихся развитых рыночных отношений, включая интрапренерские, и либеральной культуры, то Россия хотя и пыталась изменить основы хозяйственной жизни, но пока безрезультатно. Особенно явно это относится к промышленному предпринимательству.*

Методологическая постановка проблемы для разработки прикладных моделей интрапренерства в фирмах России сводится к тому, чтобы определить границы между административным, рыночным и смешанными механизмами координации и контроля на уровнях корпоративной организации, структуры, стратегии, синергии и культуры как оснований институционального интрапренерства.

Концепция *интрапренерства* здесь стоит на первом плане, и именно с точки зрения этой перспективы должны были быть рассмотрены все изменения в *структуре, культуре и стратегии предприятий, организации производства и управления*, понимаемых в контексте концепции новых институционально-организационных планов. Сами структуры фирм должны соответствовать ситуации и окружению, в котором находится фирма. Тем самым, ситуативные подходы как бы констатируют, что нет универсально эффективных организационных структур. Под отличительными признаками такой ситуации обычно понимаются признаки как внутривы производственные — программа и технология производства, традиции производства, так и внешние — условия конкуренции, структура клиентской базы, общественные и социокультурные условия. Ситуативный анализ также определяет фирму как рыночного агента, оперативно действующего в условиях неопределенности. Но концептуальная трактовка фирмы как «рыночного агента», основной целью которого является максимизация прибыли, а технологические возможности которого экзогенно задаются в форме производственной функции или функции издержек, — это еще далеко «не вся правда» о бизнесе. Классическая теория фирмы упускает такие факторы, как социокультурные, институциональные или инновационные, так же как и последние достижения современных экономистов по поводу объяснения продуктивности работы по

микроструктурам рыночной экономики — иерархии как альтернативы рынку, фирме как коалиции работников и акционеров, а не как «собственности акционеров», рыночно ориентированному контракту — как управленческому методу «состыковки стимулов», нововведений — как просто «непосредственных» внедрений изобретений различного рода. В СССР и России была другая практика: ситуационные и рыночные факторы в производстве практически не учитывались из-за плановой системы управления, в то время как промышленная и технико-технологическая система поэлементного производства была крайне инерционна. Проблемы инновации были наиболее остры. Рынок требует постоянных новаций и гибкого конкурентного реагирования, иначе фирма сразу проигрывает конкурентоспособным производствам.

Сравнительный социокультурный анализ организационных и корпоративных процессов развития показывает достаточное разнообразие форм проявления и ведения бизнеса внутри и вне фирмы в разных странах. Особое значение этого для России заключается в том, что ее внутренний раскол обнажает те социокультурные механизмы хозяйственной деятельности, которые могут все-таки способствовать выживанию фирм и даже их процветанию, а в экстремальных условиях они обнаруживают прочный ресурсный, в основном человеческий, капитал, по своему потенциалу превышающий возможности внедрения интрапренерства фирм западных стран. Выявить их — важная задача возрождения конкурентоспособной высокотехнологичной промышленности России. Опросы показали, что сегодня все более усиливается деградация технологической, организационной и социально-экономической структуры в России. Если эти тенденции сохранятся, то возможно полное разрушение технико-технологического, промышленного, образовательного, культурного и научного потенциалов, подрыв перспективы прогресса в обществе, а перспектива превращения России во второразрядную технологическую державу остается реальной. Но даже и эта слабая экономика России воспроизводится в затухающем виде, сокращается количественно. Ситуация усугубляется тем, что складывается экономика преимущественно спекулятивной направленности, зависящая от внешних факторов. Все это было четко зафиксировано на российских фирмах. В самих реформах был выбран способ преобразования, приведший к криминальной капитализации и вульгарной «экономизации» общества, в котором господствуют не легальные законы, а локальные силовые структуры и узкие экономические интересы.

Исследование показало, что вся направленность и основное содержание хозяйственных решений обусловлены социокультурной основой и системой нравственных хозяйственных идеалов лиц, принимающих ключевые решения. Специфика каждого из этих исторически сложившихся ценностей и идеалов позволила выявить реальные социокультурные силы в отдельной фирме, что расширяет возможности осмысления прошлых, современных и будущих массовых хозяйственных решений. Сравнительный анализ ценностей интрапренерства на конкретном материале функционирования фирм России показал, что важнейшая особенность системы нравственных хозяйственных идеалов, исторически сложившейся в российском обществе, заключается в мощном потенциале присущих высшим менеджерам традиционных ценностей, которые могут самым неожиданным образом активизироваться в ходе прогрессивных реформ и привести к существенному изменению их характера — упрощению

структуры, стратегии, организации и в то же время — парадоксальным образом росту синергии и эффективности работы фирмы (обычно «под себя»). Это часто происходит в целях личного самосохранения топ-менеджеров, сокрытия, замутнения информационных потоков. Опыт современной российской номенклатуры и бюрократии доказал, что она способна на самые смелые решения в сфере бизнеса и предпринимательства особенно тогда, когда дело касается ее собственной ренты. Такое «просветленное-для-себя-интрапренерство» позволяет в корне изменить систему хозяйственных отношений — причем не столько внутри фирмы, сколько внутри самого человека, который постепенно выходит на соответствующие высоким параметрам работы фирмы собственные уровни честности и смелости в работе и в решениях, направленных на реализацию целей своей субкультурной группы.

Внедрение интрапренерства как легализации и просветления неформальных и теневых хозяйственных отношений «для других», например, для персонала, который производит основные доли ренты и квазиренты, в российских условиях проблематично. Поэтому в России высшие руководители у себя в фирме, как правило, «не любят» в любых формах проявления активности «выскочек-интрапренеров». В этом — коренное различие интрапренерства в России и в ФРГ.

В контексте именно такого понимания интрапренерства важно подчеркнуть, что актуальность решения этой проблемы для России состоит в том, что крайне инерционная технико-технологическая система поэлементного производства оказывала сопротивление радикальным путям развития и интенсивным способам внедрения нововведений и оказалась не в состоянии соперничать с инновационными механизмами развития фирм, которые возобладали за рубежом. В фирмах России преобладал способ технического совершенствования, когда в рамках технологии улучшалась прежде всего техника, но сохранялась прежняя организация труда. При этом не соблюдалось ключевое условие согласованности главных компонентов производственного процесса, ориентированного на рынок, — таких как структура, стратегия, организация, синергия и культура фирмы. Значение опыта фирм России заключается в том, что внутренний раскол ценностей менеджмента обнажил корни социокультурных механизмов хозяйственной деятельности по выживанию в экстремальных условиях, даже превышающих возможности интрапренерства фирм западных стран. Выявление их — это наиболее актуальная задача для возрождения высокотехнологичной и конкурентоспособной промышленности страны. Отсюда — и трагичное по своей сути понимание развития предпринимательства в России: ведь масштабы инновационного творчества зависят от качества соединения «несоединимого»: на первый план выходит разрыв между традиционными (архаичными) и псевдо-либеральными идеалами. Все более повышается риск резких и для общества, и для хозяйственных решений катастрофических переходов между ними. За каждым пластом ценностей такой хозяйственной субкультуры стоят конкретные личности, группы, сообщества предпринимателей и массовые социальные процессы. Переходы и разрывы между этими пластами хозяйственных субкультур есть реорганизационные, в том числе интрапренерские, конфликтные действия разных актеров — носителей традиционных или либеральных ценностей.

Как экспертные опросы, так и опыт экономической истории ФРГ показали, что хозяйственное развитие — это результат всегда личной инициативы, стремления к повышению эффективности своего труда, роста воспроизводства хозяйства в рамках сложившихся форм, а также результат развития способностей создавать новые формы хозяйственных отношений. Полученные данные экспертных опросов по фирмам ФРГ подтвердили еще раз, что исключительно личная инициатива обеспечивает высокую продуктивность рыночных отношений. В России же этот интрапренерский ресурс по большому счету — попросту уничтожается. При вводе рынка экономическое положение крупных предприятий в России систематически ухудшалось, хотя именно крупные промышленные предприятия всегда являлись ключевыми элементами экономики. Изменение внешних условий привело к тому, что многие фирмы переходят от ориентации на министерства и закрытую корпоративную культуру к ориентации на потребителя, децентрализованное управление и открытую корпоративную культуру. Преимущества управления прибыль-продуктовыми подразделениями дополняются выгодами, связанными со стратегическим управлением и корпоративной культурой. Эти процессы рассматриваются как отражение динамичных изменений, происходящих в технологиях и на рынках, в обществе в целом.

Анализ показал, что практика управления в отечественном бизнесе пока не готова к подобным решениям, поскольку, после внедрения принципов интрапренерства в российских «корпорациях», как правило, начинают осложняться отношения между коллективом интрапренерской фирмы и высшим руководством «корпорации», что довольно часто приводит к полному выходу коллектива такой «интрапренерской фирмы» из состава «корпорации». Это не выгодно ни той, ни другой сторонам, но, тем не менее, ради сохранения власти высшие руководители российских корпораций идут на разрыв в отношениях с интрапренерской фирмой. Это, однако, не исключает появления отдельных разумных высших менеджеров, способных понять и долгосрочную перспективность, и обоюдную выгоду работы интрапренерской фирмы. Но это — редкое исключение. Как показало исследование авторов на предприятиях России, практически во всех была отмечена стойкая корреляция: чем выше уровень руководства — тем меньше желания связываться с «рисковым» делом (инновационным бизнесом) и еще меньше желания каким-либо образом реагировать на «рыночные шоки»: им «и так хорошо живется». В то же время реализация концепции интрапренерства на фирмах в ФРГ помогла стабилизировать хозяйственный механизм в целом, то есть на макроуровне, так как позволило корпорациям с наилучшей организацией работы внутрифирменных предпринимателей быть более продвинутыми и более развитыми корпорациями по сравнению с теми, кто придерживался старого подхода, а в итоге — иметь не только больше «материальной выгоды», но и — выше «социальную прибыль».

В нынешних условиях институт развития интрапренерства является ключом к решению крупной народнохозяйственной проблемы: достаточно продуктивное реструктурирование фирмы, предприятия с учетом мирового опыта. Дело в том, что любое эффективное интрапренерство основано на полном производстве «квазиинтернума», которая образуется в фирме, в основном, через продуктивное использование элементов идиосинкразического знания (уни-

кального «know-how» — своеобразного, свойственного исключительно для данной фирмы) ее персонала или, что то же, факторов «специфичности активов». Это реализуется в основном через типовые модели контрактных решений, на которые обращается особое внимание руководством фирмы. Решение подобных проблем, связанных с производством и получением организационной и транзакционной квазиаренды, в теоретическом плане было представлено некоторыми новыми результатами в исследовании организации.

В России до введения рынка предприятие принадлежало соответствующему министерству, работало на государственный заказ и специализировалось на выпуске «только своей», монополизированной, продукции. Поэтому прежде чем проектировать новую структуру фирмы, следовало сделать выбор: какая форма лучше всего соответствует сложившейся ситуации. Интрапренерское управление подразделениями выгодно оказалось в тех ситуациях, когда фирма переключается с производства товаров широкого потребления — стандартизованных товаров на специальный ассортимент товаров — дифференцированных товаров, рассчитанных на своего потребителя. *Интрапренерское управление подразделениями* обычно внедрялось двумя путями: «сверху вниз» или «снизу вверх». Подход «сверху вниз» основан на целенаправленном выборе компании, которая учреждает особые «группы действия» небольшого размера. Подход «снизу вверх» — это подход, при котором подразделения образуются спонтанно и утверждаются «задним числом». Управление независимыми хозяйственными единицами может также возникнуть, когда корпорация поглощает другие фирмы, когда материнская компания создает новые независимые «группы действия». Хотя многие компании применяют управление интрапренерскими подразделениями, но они или в *недостаточной мере осуществляют децентрализацию*, или проводят ее на низком уровне. Мы концентрировали внимание на принципах управления такими подразделениями, включая вопросы, в каких ситуациях и в каких формах оно применимо; на тех отношениях и инструментах, которые заставляют его «работать».

Практика институциональных моделей «организационных планов» развития говорит о том, что управление интрапренерскими подразделениями должно быть радикальным процессом: никаких половинчатых решений, нужна смелая передача полномочий, несмотря на попытки делать все централизованно. Не должно быть никаких отклонений. Руководство должно занять четкую, определенную позицию по отношению к независимым подразделениям. Для достижения нужного эффекта синергии стратегическое управление, структура и соответствующая корпоративная культура, как и развитие принципов «самоизучающей организации», должны жестко заменить «централизованное регулирование» и детальный контроль.

Г.А.Савина *

Создание электронной базы данных «Коммунистическая Академия ЦИК СССР (1924—1936)» в Архиве Российской академии наук: новые исследовательские возможности

Одной из наиболее актуальных проблем социальной истории науки в России продолжает оставаться сложная история взаимоотношений науки и власти в советский период. Введение в научный оборот новых массивов архивных документальных материалов Коммунистической Академии ЦИК СССР (1924—1936 гг.), информационные возможности которых использованы в настоящее время явно недостаточно, позволит существенно изменить наши представления об этом драматическом и противоречивом процессе.

Коммунистическая Академия ЦИК СССР являлась одним из центральных идеологических учреждений государства, ориентированным как на теоретико-методологическую разработку основ социального эксперимента по формированию «нового человека», так и на «опытную» подготовку кадров функционеров на основе этой концепции. Исходя из этой задачи, сама Академия представляла собой новый тип научно-учебного учреждения и имела весьма разветвленную и видоизменяющуюся во времени организационную структуру, состоявшую из гуманитарных и естественно-научных институтов, ассоциаций, обществ, региональных комитетов, редакций журналов и т.д. Воспитав в стенах Комакадемии научного функционера от марксизма, власть внедряла его в ученую среду, разрушая изнутри традиционные научные школы и заменяя их так называемой «новой интеллигенцией», которая, пользуясь универсальным методом диалектического материализма, выполняла социальный заказ тоталитарного государства на пролетаризацию науки, что, в свою очередь, вело ко многим кризисным и деструктивным состояниям в сфере научного творчества в будущем.

Созданная в 1918 г. по инициативе В.И.Ленина, Социалистическая Академия общественных наук к концу 1923 г. переживала кризис. Не справившись в задуманном объеме с задачами марксистского исследовательского центра и фактически утратив первоначальную функцию учебного учреждения, она была подвергнута коренной перестройке: в апреле 1924 г. ее переименовали в Коммунистическую Академию ЦИК СССР, существенно расширив ее компетенцию как исследовательского центра в области естественных наук. По мере роста численности институтов и структурных подразделений естественно-научного профиля лидеры Комакадемии стремились

* Савина Галина Александровна — старший научный сотрудник отдела истории Архива РАН, руководитель проекта «Научная и организационная деятельность Коммунистической академии ЦИК СССР в 1918—1936 гг. (Систематизированные перечни документов, аналитические обзоры фондов, исторические справки)» (98-03-04003а).

повысить статус этого учреждения вплоть до попыток противопоставить ее значение Академии наук — признанному лидеру в области науки.

Роль и место Коммунистической Академии в системе организации советской науки, ее роль как одного из главных проводников политики принудительной марксистской идеологизации научного знания и его носителей, до сих пор недостаточно изучены. Если в работах российских историков Г.Д.Алексеевой, М.С.Бастраковой, Е.Н.Городецкого, В.Д.Есакова, Л.И.Ивановой, И.С.Смирнова и др. заложены основы изучения проблем культурной революции в СССР и преобразований в сфере научной деятельности как одной из ее составляющих, то единственными специальными исследованиями по истории создания и деятельности Комакадемии в отечественной литературе остаются до настоящего времени статья Г.А.Алексеевой «Коммунистическая Академия», опубликованная в многотомном издании «Очерки истории исторической науки в СССР» (М., 1966. — Т. 4), и диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.А.Дорошенко «Коммунистическая Академия и ее роль в разработке отечественной истории (1918—1935 гг.)», защищенная в 1968 г. в Московском государственном университете. Обе работы, несущие на себе идеологический отпечаток времени, анализируют роль Комакадемии в развитии исключительно исторической науки, не касаясь других естественных и гуманитарных дисциплин, входивших в круг ведения Академии.

Между тем, предпринятая в начальный период существования Комакадемии (после переименования Социалистической Академии общественных наук в Коммунистическую) структурная реорганизация ее учреждений и подразделений была в значительной степени направлена на идеологизацию естествознания и внедрение метода диалектического материализма в практику естественных и точных наук. Биологический и философский аспект этих преобразований достаточно подробно изучен петербургским историком науки Э.И.Колчинским (см., например, его монографию: В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). — СПб., 1999. — 273 с.). Аналогичный процесс вторжения идеологии в математику, физику, геологию, технику и другие области знаний, которым уделяла пристальное внимание Комакадемия, до настоящего времени не стал объектом специального исследования.

В последнее время в исторической литературе увеличился удельный вес исследований зарубежных авторов, занимающихся разными аспектами социальной истории науки в СССР. Среди них следует отметить работы М.В.Adams'a, L.R.Graham'a, P.Josephson'a (США), D.Beysrau (Германия) и др. Особого внимания заслуживает книга американского исследователя M.David-Fox'a «Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918—1929» (Ithaca and London: Cornell University Press, 1997). Написанная на широкой базе новых архивных источников, ставших доступными для исследователей после 1989 г., монография сосредоточила в себе ценную информацию из протоколов заседаний Политбюро ЦК и Секретного отдела, документов Агитпропа, ЦКК, центрального аппарата ВКП(б), материалов высших органов власти и управления, фондов личного происхождения. Очерк по истории Комакадемии, составляющий главу монографии, сконцентрирован на идее «симбиотического антагонизма» Комакадемии и Академии

наук СССР в борьбе за положение главного научного учреждения страны. По мнению автора, стремление Комакадемии ни в чем не уступать Академии наук проявилось не только в ее попытках дискредитации либеральных академических ценностей, но и в организационных изменениях самой Комакадемии: образовании тематических научных кабинетов, их последующем объединении в секции с дальнейшим преобразованием в специализированные институты по аналогии со структурой Академии наук. Попытка вовлечения в сферу влияния своей деятельности учреждений естественно-научного профиля и распространения на них марксистской методологии также явилась фактором самоутверждения для главного идеологического новообразования 20—30-х гг.

Отдавая должное исследованию американского историка, вынуждены констатировать, что период с 1929 по 1936 г., не затрагиваемый в его монографии, составляет важный этап структурных и идеологических перестроек управления «пролетарско-коммунистической» наукой, выразившийся в очередном слиянии научной и учебной функций в стенах Комакадемии (объединении научных учреждений и подразделений Комакадемии с отраслевыми институтами красной профессуры), в изъятии из сферы курируемых Комакадемией учреждений институтов и научных обществ естественно-научного профиля, в сосредоточении ее деятельности исключительно на гуманитарной области и, наконец, в ее ликвидации в феврале 1936 г. — в начальный период ожесточенной партийной «чистки» репрессивными и иными карательными средствами. Таким образом, возможности источниковой базы Коммунистической Академии ЦИК СССР по-прежнему представляют собой целину, едва затронутую «культурной» обработкой.

Архив Российской академии наук и его Санкт-Петербургский филиал хранят более 60 фондов учреждений Комакадемии, без учета фондов личного происхождения, в которых также в изобилии имеются ценные документы по истории одного из главных марксистских центров страны. Огромный массив документов ждет своих исследователей и публикаторов, однако на их пути непременно встанут проблемы чисто источниковедческого характера, преодолеть которые под силу немногим и то при условии огромных затрат времени и усилий. Одна из главных причин такой ситуации — сложность ориентации в составе и содержании документов Комакадемии, которые сдавались «обвально» после ее ликвидации в 1936 г., фактически по сдаточным описям. Делопроизводство в Академии было весьма несовершенным, заголовки дел часто не соответствуют их полному содержанию.

При материальной поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1998—2000 гг. в Архиве Российской академии наук была начата масштабная работа по изучению и введению в научный оборот всего комплекса документов по истории создания и деятельности Комакадемии. Приступая к выполнению проекта РГНФ, исполнители ставили главную цель — представить исследователю информацию в обработанном (аннотированном и аналитическом) виде, удобном для разнопланового использования. Создавая такого рода справочник, по которому без лишних затрат времени можно было бы осуществлять поиск нужных событий, фамилий, изданий, учреждений и т.п., уточнять даты реорганизаций, ориентироваться в составе и содержании того или иного архивного фонда, наводить справки тематичес-

кого и социального плана, исполнители выделили массив документов «первой очереди», в который вошли документы подразделений центрального аппарата Комакадемии и учреждений естественно-научного профиля. Данный массив составил примерно четверть от общего количества документов Комакадемии в хранилищах Архива РАН.

Первоначальный проект предполагал включить в себя традиционные для российского архивоведения формы организации научной информации, а именно: составление аннотированных и систематизированных перечней документов к наиболее важным фондам комплекса дел и подробных исторических справок по истории крупных учреждений Комакадемии, а также написание аналитических обзоров к фондам второго плана, которые не являются центральными в понимании исторической проблемы, но и не должны выпасть из поля зрения исследователя.

В процессе работы (полистного просмотра и аналитической обработки около 4,5 тыс. архивных дел) были составлены перечни отобранных и наиболее важных документов из фондов:

- ц 350 — Коммунистическая Академия ЦИК СССР,
- ц 351 — Ассоциация институтов естествознания,
- ц 353 — Аграрный институт,
- ц 356 — Биологический институт им. К.А.Тимирязева,
- ц 357 — Институт техники и технической политики,
- ц 364 — Институт красной профессуры естествознания,
- ц 425 — Аттестационная комиссия Комакадемии,

а также написаны исторические справки и обзоры фондов московских и ленинградских учреждений Комакадемии.

Обработка архивных источников наряду с исследовательскими задачами изучения значения Коммунистической Академии в контексте понимания организационных и методологических перемен в сфере культуры и научного творчества в стране в 20—30-е гг. привела к созданию основ развернутой информационной базы для последующих разноплановых исторических и историко-научных работ.

В 1999 г. коллектив исследовательского проекта РГНФ «Коммунистическая Академия ЦИК СССР (1924—1936 гг.)» участвовал в конкурсе архивных проектов Института «Открытое общество» Фонда Дж.Сороса и выиграл конкурс по созданию электронной базы данных, что позволило укрепить материально-техническую сторону начатой работы и перейти на электронную версию многопланового справочника. Таким образом, был найден наиболее рациональный и продуктивный способ освоения важной лакуны в отечественной историографии, который позволяет идти путем одновременного использования достигнутых исследовательских результатов и применения современной информационной технологии для пополнения базы данных новой информацией. Долговременной перспективой может служить введение в уже созданную базу данных новых комплексов документов гуманитарных учреждений Комакадемии.

Работая с очень большим массивом документов, исполнители проекта были вынуждены оценивать потенциал исторических источников и отбирать наиболее информативные из них для введения в базу данных. В настоящий

момент в машиночитаемый массив введено около 9000 аннотированных заголовков документов, отобранных в результате полистного просмотра архивных дел (в скором времени их количество превысит 10000).

Аннотации заголовков раскрывают повестки дня всех встречающихся в документальном комплексе протоколов и постановлений (от протоколов заседаний Президиума Комакадемии до протоколов заседаний марксистских обществ и научных коллоквиумов специализированных институтов и их структурных подразделений). В стенограммах заседаний административных органов учреждений Коммунистической Академии или в стенограммах обсуждений научных докладов аннотированы не только вопросы повестки дня или тематика докладов и сообщений, но и перечень выступавших на заседаниях лиц. Таким образом, не прибегая к непосредственному изучению документов, только на основании вторичной информации, предоставляемой базой данных, исследователь уже может ознакомиться с содержанием нормативных актов Комакадемии, с научной проблематикой учреждений естественно-научного профиля, проследить развитие и эволюцию идей отдельных крупных ученых (например, И.И.Агола, Л.С.Выготского, Б.М.Гессена, Б.М.Завадовского, Л.А.Люстерника и др.), что может представлять большой интерес для исследователей, занимающихся биографическим изучением научных персоналий.

Для продуктивного использования возможностей создаваемой базы данных предусмотрен подробный рубрикатор, который включает в себя одиннадцать разделов корневого каталога:

- Географические названия
- Издания
- Личный состав
- Области знаний
- Памятные даты
- Персоналии
- Разновидности документов
- Разное
- События
- Учреждения и подразделения Комакадемии
- Учреждения неакадемические (по отношению к Комакадемии).

Так как основу документального массива Комакадемии составляют неструктурированные источники, сведения о которых первоначально были организованы в форме традиционного для некомпьютерного источниковедения перечня документов (применительно к РС — обширный текстовый файл), то для перевода работы в режим базы данных потребовалось специальное программное обеспечение, позволяющее преобразовать уже имеющуюся информацию в машиночитаемый формат с возможностями автоматизированного поиска данных. Компьютерная программа «Архивариус-2000», разработанная специально для базы данных «Коммунистическая Академия ЦИК СССР», предусматривает гибкую систему работы с рубрикатором, позволяя редактировать, изменять названия, переносить предметные понятия (поисковые образы) из раздела в раздел рубрикатора, а также создавать необходимое количество вложений в каждое предметное понятие (то есть строить иерар-

хию), что предоставляет неограниченные возможности для введения в базу данных информации по степени ее подробности.

Для более эффективного использования базы данных предусмотрены различные варианты просмотра информации, удобные как разработчикам, так и исследователям: по порядку возрастания номеров записей файла, по хронологии введенных документов, по возрастанию номеров использованных архивных фондов (в настоящий момент их 7). При помощи специального фильтра можно ограничивать рамки поиска и просмотра информации нужными номерами фондов и хронологическими рамками. Запрос возможно осуществлять по одному или двум одновременно выбранным предметным понятиям по всей базе данных. Программой также предусмотрена возможность помечать заинтересовавшие исследователя записи (позиции перечня) и в дальнейшем оперировать только с ними, производить полную или частичную распечатку информации.

По результатам апробации базы данных через читальный зал Архива РАН, возможно, будут внесены изменения и дополнения как в компьютерную программу, так и в структуру рубрикатора.

Большие возможности предоставляет база данных при изучении динамики личного состава Комакадемии и системы подготовки марксистских кадров «новой интеллигенции». Материалы Аттестационной комиссии Коммунистической Академии — структуры, получившей от государства право присуждать ученые степени и звания, — дают возможность анализировать состав коммунистического крыла научных кадров, вычленять круг проблематики работ, за которые присуждались ученые степени и звания, сравнить соотношение претендентов на получение ученой степени без защиты диссертации и лиц, проходивших полную процедуру защиты диссертаций. Использование документов, отражающих учебную деятельность Комакадемии, теперь значительно облегчено возможностями автоматизированного поиска данных, что расширяет рамки изучения процесса подготовки марксистских кадров через аспирантуру специализированных научных институтов Комакадемии, а также через отраслевые институты красной профессуры после их слияния с учреждениями Комакадемии.

На сегодняшний день не существует справочников и пособий, которые давали бы надежные и проверенные сведения по истории организации и деятельности учреждений Комакадемии. Особенности делопроизводства и прохождения дел в инстанциях в 20—30-е гг. XX в. зачастую не только делают затруднительной датировку важных организационных решений, но не позволяют даже без дополнительного исследования полагаться на некоторые «официальные» названия учреждений, упоминания об их структуре, реорганизациях, переименованиях и т.п. Сама процедура организации нового учреждения Комакадемии не была стандартной. Иногда решение принималось учредителями «снизу», утверждалось на Общем собрании Комакадемии, заседании ее Президиума или Бюро Президиума и затем проходило все вышестоящие инстанции по цепочке — Ученый комитет, Секретариат и Президиум ЦИК СССР. Иногда окончательное решение замыкалось на постановлении Ученого комитета или Секретариата ЦИК СССР, а иногда оно спускалось в Комакадемию «сверху». Хронологический разброс между официально принятым решением об организации и фактом существования

учреждения бывает достаточно широк. Еще большие сложности вызывает упоминание учреждений, организованных «на бумаге», но так и не оставивших следов своей деятельности. Заголовки документов, введенных в базу данных, передают исторические названия таких структур и учреждений Комакадемии, привязанные ко всем датам событий, в связи с которыми они упоминаются. Это оставляет за исследователем право самому решать вопрос о корректности употребления тех или иных названий или исторических дат, не впадая в ошибки, которые уже укоренились в научной литературе, но могут быть аргументированно оспорены.

* * *

Освоенные документы Коммунистической Академии ЦИК СССР позволяют охарактеризовать ее как один из ведущих марксистских центров в области общественных наук и методологии естествознания, действовавших на территории СССР в 1920—1930 гг. Роль и место Комакадемии в структуре организации отечественной науки были обусловлены полученным ею от государства правом идеологического контроля над областью научного творчества и образования. Создаваемая в Архиве РАН база данных открывает новые широкие возможности многопланового использования исторических источников Комакадемии, что до настоящего времени не было реализовано по причине их многочисленности и несовершенства архивного научно-справочного аппарата к ним. Охватив основные источники истории и деятельности Комакадемии в области естествознания и техники, база данных может пополняться новыми информационными массивами по проблемам развития общественных наук и организационного строительства в сфере культуры.

Филология. Искусствоведение

И.А.Виноградов *

Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность

Известно, что в 1832 г. в России в качестве основ народного образования были провозглашены начала Православия, Самодержавия, Народности. Эти принципы, которым следовал еще в 1824—1828 гг. в своей деятельности на посту министра народного просвещения А.С.Шишков, были заявлены в 1832 г. С.С.Уваровым в его Отчете по обозрению Московского университета от 4 декабря этого года [1] — и еще раз подчеркнуты им в его обращении 21 марта 1833 г. к попечителям учебных округов при вступлении в должность управляющего Министерством народного просвещения. Последнее обращение нового главы министерства было напечатано в 1834 г. в первом номере основанного Уваровым журнала — «Журнала Министерства Народного Просвещения»: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [2].

До настоящего времени исследователями гоголевского творчества не было обращено внимания на то, что именно Гоголь (вместе с его близкими друзьями — П.А.Плетневым, В.А.Жуковским, М.П.Погодиным, М.А.Максимовичем, С.П.Шевыревым, К.М.Базили) стал одним из первых сотрудников Уварова. Результатом этого сотрудничества явилось поступление Гоголя в 1834 г. адъюнкт-профессором на кафедру всеобщей истории Петербургского университета, а кроме того публикация писателем в том же, 1834 г. в журнале Уварова четырех статей, тесно связанных с замыслом «Тараса Бульбы». В частности, напечатанный во втором номере журнала гоголевский «План преподавания всеобщей истории» звучал как статья программная, созвучная воззрениям на этот предмет самого министра, — чему в действительности и соответствовало содержание гоголевской статьи. «...Цель моя, — писал Гоголь, — образовать сердца юных слушателей <... чтобы <... не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю». Как следует из письма Гоголя к редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К.С.Сербиновичу от конца января — начала февраля 1834 г., Уваров принимал прямое участие в редактировании этой гоголевской статьи.

* **Виноградов Игорь Алексеевич** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, руководитель издательского проекта «Гоголь — художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания» (99-04-16176д).

Инициатором сближения с Уваровым был сам Гоголь. Предполагая составить для Уварова «План преподавания всеобщей истории», Гоголь 23 декабря 1833 г. писал Пушкину: «Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли». Помимо «Плана преподавания всеобщей истории», Гоголь опубликовал в 1834 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» статью «Взгляд на составление Малороссии» (в ц 4), а по прямому заказу Уварова — написал и напечатал статьи «О малороссийских песнях» (ц 4) и «О средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н.Гоголем» (1834, ц 9) [3]. В том же 1834 г. четыре публикации (столько же, сколько Гоголь) сделал в «Журнале Министерства Народного Просвещения» М.П.Погодин (ц 1, 4, 10, 12); по две статьи напечатали М.А.Максимович (ц 2, 5) и С.П.Шевырев (ц 8, 11); одну публикацию сделал П.А.Плетнев (ц 1). Впоследствии, до отъезда Гоголя за границу (в июне 1836 г.), еще по четыре статьи напечатали в журнале Уварова Погодин (1835, ц 1, 4, 9; 1836, ц 1), Шевырев (1835, ц 2, 9, 10; 1836, ц 1); еще три статьи — Максимович (1835, ц 1; 1836, ц 4, 6), две статьи — школьный товарищ Гоголя К.М.Базили (1836, ц 1, 6), по одной статье опубликовали Жуковский (1835, ц 1) и Плетнев (1836, ц 1). Если же учесть, что из всех перечисленных лиц к петербуржцам принадлежали только Жуковский, Плетнев и Базили — сделавшие в журнале по одной-две публикации (и главным образом в 1835—1836 гг.) — то становится очевидным, что среди всех петербургских литераторов ближайшим сотрудником Уварова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1834 г. был именно Гоголь. В этом отношении в один ряд с Гоголем можно поставить только помощника редактора уваровского журнала А.А.Краевского, который выступал здесь с периодическими обзорами журналов и книг (шесть публикаций в 1834 г. — ц 1, 3, 4, 6, 10, 12).

Надо сказать, что ничего неожиданного в сближении Гоголя с Уваровым не было. Уже к началу обучения Гоголя в Нежине религиозному образованию в светских учебных заведениях России стало уделяться повышенное внимание. Это объяснялось особой политической обстановкой эпохи. В 1815 г., после окончательного низложения Наполеона I, был основан религиозно-политический «Священный Союз» трех европейских монархов: Австрийского, Прусского и Российского, к которому в продолжение 1815—1817 гг. примкнули большинство королей и герцогов Западной Европы. В сознании Александра I основание «Братского Христианского Союза» было связано с мыслью о необходимости сплочения христианских сил мира перед его близкой кончиной [4]. Одним из главных проводников идей Священного Союза в России стало особое соединенное министерство, созданное в октябре 1817 г., — Министерство духовных дел и народного просвещения. В манифесте о создании этого «сугубого» министерства причиной его образования объявлялось желание правительства, «дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» [5].

В деятельности нового министерства, во главе которого встал князь А.Н.Голицын, были и негативные стороны — прежде всего распространение идей так называемого «универсального христианства», размывавших границу между православным вероучением и инославными конфессиями. Голицын как

министр народного просвещения допускал печатание книг, прямо противоречивших учению Православной Церкви. Это «внеконфессиональность» сугубого министерства открывала широкую дорогу тем самым началам, борьбой с которыми объяснялось его создание — и которым, в частности, была обязана Нежинская гимназия высших наук — *alma mater* Гоголя — возникновением в ней так называемого «дела о вольнодумстве» (аналогичного с такими же политическими расследованиями в Казанском, Петербургском, Харьковском и других российских университетах).

Не останавливаясь на негативных сторонах деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения, отметим, что в целом на христианское воспитание юношества в эпоху князя Голицына (а также позднее) стало обращать гораздо больше внимания, чем в предшествующий период александровского царствования. Это непосредственно обусловило характер образования в Нежинской гимназии, распорядок дня которой включал в себя обширную программу религиозного воспитания [6].

В 1844 г., в письме к С.Т.Аксакову от 16 мая н. ст., Гоголь замечал, что «внутренне», в главных своих положениях он не изменялся никогда — шел «тою же дорогою», «не шатаюсь и не колеблюсь никогда во мнениях главных», «с 12-летнего, может быть, возраста». Возраст, на который указывает в этом письме Гоголь, — это возраст его поступления в Нежинскую гимназию. Но, помимо этого, двенадцатилетний возраст — это еще и установленный законами Российской Империи возраст принятия подданными присяги на верность Государю — «верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» [7]. (Согласно закону, к присяге приводились «все вообще подданные мужеского пола, достигшие 12-летнего возраста, всякого чина и звания, кроме крестьян» [8].) Очевидно, что следование «своей клятве — быть верным Отечеству и Государю» было неизменным правилом Гоголя от самого принятия им присяги до конца его дней.

Одной из важных тем сборника «Арабески» (1835), куда были включены Гоголем статьи, напечатанные ранее в журнале Уварова, является понимание народности. Давно «классической» стала фраза Гоголя в статье «Несколько слов о Пушкине» о том, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» — что «поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии». Определение это появилось именно в связи с пониманием народности, провозглашенной в те годы Уваровым.

Надо сказать, что само понятие народности выдвигалось Уваровым прежде всего применительно к литературе. Воспитатель Наследника П.А.Плетнев, выступление которого на собрании Петербургского университета 31 августа 1833 г. под заглавием «О народности в литературе» было опубликовано в 1834 г. в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», говоря о поэзии древних греков, в частности, замечал: «...Словесность представила нам первый и прекрасный образец народности» [9]. В свою очередь профессор Петербургского университета Н.И.Бутырский, зачитавший на том же собрании обзор деятельности учебного округа, отмечал, что из всех сфер образования и культуры к народности имеет прямое отношение прежде

всего словесность: «Все прочее можно заимствовать от чужестранцев, но Русскую Словесность должны мы создать сами: в противном случае останемся только подражателями...» [10]. Это выступление Бутырского было также опубликовано в 1834 г. в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения». Именно об этом номере Гоголь 11 февраля 1834 г. писал К.С.Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!».

Таким образом, рассуждение Гоголя о народности пушкинской поэзии прямо отвечало задачам, поставленным перед литературой новым министром. Важно подчеркнуть это уже потому, что само по себе определение Гоголем «истинной национальности» Пушкина ничего нового и «оригинального», по сути, не представляло. Такое же представление о народности применительно к пушкинской поэзии высказывали ранее, во второй половине 1820-х гг., Д.В.Веневитинов, Н.И.Надеждин, Кс.А.Полевой, М.А.Максимович [11]. Достаточно привести высказывание Веневитинова 1825 г.: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. <... но в самих чувствах поэта...» [12]. Принципиальная новизна Гоголя заключалась именно в «актуальности» такой постановки вопроса, в приложении мысли о народности поэзии Пушкина к «текущему моменту».

Не случайно, первой задачей, которую решает Гоголь в статье, является защита Пушкина от обвинений в вольнодумстве. Имея в виду первоначальный период пушкинской деятельности (закончившийся южной ссылкой поэта), Гоголь указывает, что не вольнодумство, но лишь юношеские «разгул и раздолье, к которому иногда, позабывшись, стремится русский и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его первобытных годах вступления в свет». В черновой редакции Гоголь добавлял: «...Если сказать истину, то его стихи воспитывали и образовали истинно-благородные чувства несмотря на то, что старики и богомольные тетушки старались уверить, что они рассеивают вольнодумство, потому только, что смелое благородство мыслей и выражения и отвага души были слишком противоположны их бездейственной вялой жизни, бесполезной и для них и для государства».

Для понимания гоголевской мысли следует иметь в виду, что под «стариками и богомольными тетушками» Гоголь подразумевал вполне определенный — «александровский» — тип «набожности». «Школу» такой набожности, кстати сказать, и прошел С.С.Уваров — в прошлом один из директоров Библейского общества, масон, сотрудник князя Голицына. В 1836 г. Гоголь в рецензии на книгу Е.И.Ольдекопа «Картины мира» (предназначавшейся для помещения в пушкинском «Современнике») писал: «Все старики тогда читали душеспасительные книги <... и <... едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах. Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты <... поддерживали существование подобных философских сочинений...».

Прямое отражение этих гоголевских размышлений находим в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в характеристике одного из героев европейского «полупросвещения», лицемерного Фамусова из «Горе от ума» Грибоедова: «Он и благопристойный степенный человек и волокита, и читает

мораль <... Он даже вольнодумец, если соберется с подобными себе стариками, и в то же время готов не допустить на выстрел к столицам молодых вольнодумцев, именем которых честит всех, кто не подчинился светским обычаям их общества. В существе своем это одно из тех выветрившихся лиц <... которые <... вредны обществу...». Развивая апологию пушкинской поэзии в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», Гоголь писал: «Шекспир, Шеридан, Мольер, Гете, Шиллер, Бомарше, даже Лессинг, Реньяр <... ничего не произвели такого, что бы отвлекало от уважения к высоким предметам <... У них, если и попадаются насмешки, то над лицемерием, над кощунством, над кривым толкованием правого...».

В последних словах, помимо прочего, заключается, по-видимому, и представление о возможности весьма различного «понимания» провозглашенных Уваровым начал. «...Ведь нравственность вещь относительная, — иронически замечает на этот счет «невзрачный, но ядовитого свойства господин» в гоголевском «Театральном разезде...», — <... нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью сниманье ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотренье сквозь пальцы на то, как он ворует <... Говорит: “Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно Бога, Государя, Отечества”, — а ты, мол, уж там себе разумей, относительно чего».

Очевидно, что в статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь определенно отстаивает соответствие поэзии Пушкина началам Православия, Самодержавия и Народности. Это же стремление к «реабилитации» поэта вполне определенно слышится и в ряде статей Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями». «Безделица — выставить наиумнейшего человека своего времени не признающим христианства! — замечает здесь Гоголь. — <... Есть много среди света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству...».

Однако, хорошо известно, что Пушкин — который, вероятно, и познакомил Гоголя с Уваровым, и ходатайствовал за него перед министром — уже в 1835 г., вследствие возникших цензурных осложнений, вступил с Уваровым в резкий конфликт. (Примечательно, что летом 1835 г. и у Гоголя возникает уже намерение отправиться в «путешествие по Европе»; см. его письмо к матери от 10 ноября этого года.)

Очевидно, поистине «счастливой случайностью» для Гоголя явилось то обстоятельство, что его статья о Пушкине была написана (и опубликована) до начала этого конфликта. Удивительным образом Гоголь оказался «верен» в ней и той, и другой из конфликтующих сторон.

Если говорить об отношении Гоголя к самодержавию, то возможность открыто говорить ныне о подлинном содержании религиозно-политических взглядов писателя полностью развеивает миф о Гоголе — борце с «царизмом» и «реакцией». Ярким свидетельством неизменности монархических убеждений Гоголя на всем протяжении его творческого пути может, в частности, служить обнаруженное недавно неизвестное его письмо к Государю Николаю Павловичу из Рима от 18 апреля н. ст. 1837 г. [13].

С другой стороны, можно заметить, что именно пушкинские принципы народности — как их формулирует сам Гоголь в статье «Несколько слов о

Пушкине» — становятся для него собственными творческими принципами в период создания «Портрета», «Ревизора» и «Мертвых душ».

Так, в судьбе художника Черткова в «Портрете», начавшего льстить самолюбию своих заказчиков, угадываются следующие строки статьи о Пушкине: «Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: “Изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были”. Но попробуй поэт <... изобразить все в совершенной истине <... она тотчас заговорит: “<... это нехорошо <...”. Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий <... Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог <... или быть верну одной истине <... . Но в этом случае прощай толпа!».

Впоследствии эти размышления легли и в основу противопоставления в заключении шестой — начале седьмой глав первого тома «Мертвых душ» «возвышенного» Шиллера и «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи», и размышлений в одиннадцатой главе о «так называемых патриотах»: «...Они выбегут со всех углов <... и подымут вдруг крики: “Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?”».

Очевидно, таким образом, что не только «Тарас Бульба», но и «Ревизор», и «Мертвые души» — посвященные изображению «процветших» на русской почве плодов западного развращающего влияния [14] — вполне соответствуют, согласно с представлениями Гоголя, программе Православия, Самодержавия и Народности. Не случайно Гоголь прямо рассчитывал на поддержку Государя при прохождении его произведений в цензуре — в чем и не ошибся. Известно, что только благодаря Императору Николаю I «Ревизор» и был разрешен к постановке и печатанию. Вскоре после премьеры Гоголь отвечал в «Театральном разезде...» своим недоброжелателям: «Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего». Точно так же — с надеждой получить «ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все благородные порывы» — Гоголь создавал и «Мертвые души» (согласно строкам его письма к С.С.Уварову весной 1842 г.).

Многочисленные переключки с отдельными чертами деятельности Уварова на посту министра народного просвещения можно найти и в других произведениях Гоголя. Так, в «Невском проспекте» (опубликованном впервые в «Арабесках») привлекает внимание упоминание о «гувернерах всех наций», «английских Джонсах и французских Коках», гуляющих с своими питомцами по Невскому проспекту. 25 марта 1834 г. в связи с провозглашенным Уваровым курсом был издан Высочайше утвержденный указ «О воспреещении принимать иностранцев обоого пола без надлежащих свидетельств в дома Дворян, Чиновников и купцов, в учительские, наставнические и гувернерские звания» [15], а затем, 1 июля 1834 г. — Высочайше утвержденное «Положение о домашних наставниках и учителях» [16]. С деятельностью Уварова связана, в частности, причина именованя героя «Шинели» «вечным титулярным советником». Она заключается в том, что, по указу российского правительства 1809 г., титулярный советник мог быть

произведен в следующий служебный чин — чин 8-го класса (коллежский ассессор), лишь при условии окончания университета или же сдачи соответствующих экзаменов по установленной программе. В 1834 г., с вступлением Уварова в должность министра, в России был издан специальный указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников» [17]. «Беспристрастное испытание <... чиновников, требующих назначенным Указом 6 августа 1809 года аттестатов, — писал Уваров, — есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств» [18]. (О сдаче необходимых экзаменов на получение следующего чина герой «Шинели», однако, даже не помышляет.)

Несомненно, в прямой связи с официальным курсом Министерства Народного Просвещения находятся и гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями». Отметим, что эту книгу В.Г.Белинский (резко осуждавший и Уварова, и осуществляемую им программу [19]) встретил с таким же раздражением, с каким когда-то отозвался об «ученых статьях» Гоголя в «Арабесках» [20] (думается, Белинскому при этом было неизвестно, что ряд из них был первоначально опубликован в журнале Уварова).

Можно предположить, что в отношении к официальному курсу и личности самого Уварова следует также искать и причины размолвки, происшедшей в 1836 г. между Гоголем и Пушкиным. Как известно, за границу в 1836 г. Гоголь уехал, даже не простившись с поэтом. Незадолго перед тем, в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 г.» (которую Гоголь задумывал в качестве редакционной для первого тома «Современника» и которая вызвала у Пушкина целый ряд нареканий) Гоголь писал: «В литературе всей Европы распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные — следствие политических волнений той страны, где рождались. Странная, мятежная <... неорганизованная <... эта литература волновала Европу...». Пушкин, цитируя это замечание Гоголя в третьем томе «Современника», возражал: «Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений <... . Начало сему явлению должно искать в самой литературе». Нетрудно заметить, что рассуждение Гоголя о связи политических волнений во Франции с ее литературой прямо повторяет положения заметки «О периодических изданиях во Франции», опубликованной в 1834 г. Уваровым в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения»: «...Исследование различных направлений, отличающих периодические издания сего Государства, может бросить свет на его умственное состояние <... До Июльской революции <только три или четыре политические журнала в Париже и может быть один или два в провинциях противоборствовали стремительному потоку революционных листов...» [21].

Как можно полагать, относительное равновесие в оценках Гоголем и Пушкиным личности Уварова к 1836 г. было все-таки нарушено. Но первый шаг к размолвке, думается, сделан был не Гоголем. В письме к Жуковскому из Гамбурга от 28 июня н. ст. 1836 г. Гоголь замечал: «Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем, он в этом виноват». Идейная размолвка пришлось именно ко времени отъезда Гоголя за границу

(6 июня 1836 г.) — так что свои многочисленные возражения на гоголевскую статью «О движении журнальной литературы...» (изложенные в статье «Мнение М.Е.Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», в «Письме к издателю» и в двух редакционных примечаниях) Пушкин напечатал уже после отъезда Гоголя из Петербурга — опубликовав их в третьем томе «Современника» (том вышел в свет в октябре 1836 г.; в качестве некоей компенсации Пушкин поместил здесь повесть Гоголя «Нос»). При этом Пушкин так и не напечатал готовившуюся Гоголем для «Современника» в конце апреля 1836 г. статью «Петербургская сцена 1835—36 г.» (которую, как позволяют судить воспоминания П.В.Анненкова, Пушкин читал [22]). Как и в случае с возражениями на статью Гоголя «О движении журнальной литературы...», связано это было, очевидно, с тем, что Пушкин хотел видеть свой журнал исключительно «литературным» — «продолжением “Литературной Газеты”». В статье же Гоголя, которая посвящена проблеме народности в театре, содержатся строки, прямо перекликающиеся с провозглашенными Уваровым принципами народного образования — а также с текстом присяги на верность Государю — «*во всем повиноваться, не щадя живота своего*». «Изобразите нам, — писал здесь Гоголь, — нашего честного, прямого человека, который среди несправедливостей, ему наносимых <... остается непоколебим в своих положениях, без ропота на безвинное правительство, и исполнен той же русской безграничной любви к Царю своему, для которого бы он и жизнь <... готов принести, как незначущую жертву. Пусть он <... не разглагольствует об этих чувствах, но упорно хранит в душе их, как старую свою святыню, вдохнутую в него еще с давних веков, еще с смиренных предков, воспитанную тысячелетием».

Примечания

1. См.: Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. — СПб., 1867. — Стб. 348—349.

2. Циркулярное предложение Г. Управляющего Министерством Народного Просвещения Начальствам Учебных Округов, о вступлении в управление Министерством // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — ц 1. — С. XLIX—L. См. также: Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. — СПб., 1866. — Т. 1. — Стб. 838. О значении выдвинутой Уваровым программы для развития русской культуры см.: Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989. — М., 1989. — С. 5—41.

3. См. коммент. в изд.: Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1994. — Т. 7. — С. 551—552.

4. См.: Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1951. — ц 27. — С. 140.

5. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения. Октября 1817 // Полн. собр. законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 34. — С. 814.

6. Виноградов И.А. Религиозное образование Н.В.Гоголя в Нежинской гимназии высших наук (в печати).

7. Свод основных государственных законов // Свод законов Российской Империи. — СПб., 1832. — Т. 1. — С. XI.

8. Там же. — С. X—XI.

9. О народности в Литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С. Петербургского Университета Профессором оного П.А.Плетневым, 31 августа 1833 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — ц 1. — Отд. 2. — С. 5.

10. Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832—1833 Академический год, читанное 31 августа 1833 г. в торжественном собрании Университета Ординарным Профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного просвещения. — 1834. — ц 1. — С. 56, 58.

11. См.: Трубицын Н.Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). — СПб., 1912. — С. 413—416.

12. Веневитинов Д.В. Ответ г. Полевому // Полн. собр. соч. — М.—Л., 1934. — С. 237.

13. См.: Виноградов И.А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. — 1998. — ц 7. — С. 5—22.

14. См. об этом: Виноградов И.А. Завязка Ревизора // Гоголь Н.В. Ревизор. С приложениями. — М., 1995. — С. 5—52; Виноградов И.А., Воропаев В.А. «Дело, взятое из души...» // Гоголь Н.В. Мертвые души. — М., 1995. — С. 5—35.

15. Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — ц 4. — С. LXXI—LXXIII.

16. Там же. — ц 8. — С. XVII—XXXVI.

17. Там же. — ц 4. — С. XVII.

18. Статьи, на которые, по циркулярному предложению Г. Управляющего Министерством, Гг. Попечители и Помощники Попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении Учебных Округов. 1833. Мая 27 // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — ц 1. — С. LXV.

19. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 8. — С. 286; Т. 9. — С. 467, 476—477, 509, 514.

20. См.: Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Собр. соч.: В 9 т. — Т. 1. — С. 184.

21. О периодических изданиях во Франции. (Из письма к Г. Управляющему Министерством Народного Просвещения). Париж. 19/31 Октября 1833 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1834. — ц 1. — С. 119.

22. См.: Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. — М., 1984. — С. 332; и коммент. в изд.: Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 7. — С. 608—609.

А.В.Пигин*

Древнерусская патериковая повесть о Зерефере (вопросы текстологии)

Патерики, или «отечники», — сборники повестей и изречений аскетического содержания, получившие широкое распространение в древнерусской книжности, а в XIX—XX вв. послужившие источниками произведений Ф.М.Достоевского, Н.С.Лескова, А.М.Ремизова и др.

Древнерусским переводным и оригинальным патерикам посвящена обширная научная литература [1]. При этом предметом изучения являлась, как правило, история того или иного патерика как единого целого. Гораздо меньше внимания уделялось судьбе отдельных патериковых повестей.

Большой интерес для изучения представляет литературная история древнерусской патериковой повести о Зерефере (далее: ПЗер.) [2]. ПЗер. — переводное византийское сказание, в основе которого лежит древний «бродячий» сюжет о попытке дьявола покаяться и вернуться на небо. Бес Зерефер, явившийся к некоему старцу в облике человека, пытается обманом узнать у него, может ли Бог простить дьявола и вернуть ему прежнее ангельское достоинство. Зереферу вполне удается его замысел, он получает от Бога ответ на свой вопрос. Милосердие Божие настолько велико, что и дьявол может быть прощен, если смирится и покается. Бес должен три года простоять на одном месте лицом к востоку и непрестанно называть себя «древней злобой», «помраченной прелестью» и «мерзостью запустения». Однако Зерефер отвергает такой путь спасения, потому что не может отказаться от своей славы и власти над грешниками. «Древнее зло новым добром быти не может» — таков нравственный итог этого произведения.

Возникновение ПЗер. следует отнести ко времени не позднее IV—V вв. В греческой рукописной традиции она входила в состав дополнительной части, присоединенной к производному виду алфавитно-анонимного собрания «Изречений святых старцев» (славянский перевод этого собрания принято именовать Азбучно-Иерусалимским патериком) [3]. На определенном этапе своей литературной истории ПЗер. была использована в качестве «примера» при составлении гомилии о покаянии (латинский перевод заглавия: «*De Poenitentia, quodque, de sua ipsius salute non sit desperandum*»). Долгое время автором этой гомилии считался св. Амфилохий Иконийский (IV в.). В составе его сочинений она и была издана на греческом и латинском языках Фр.Комбефизом (1644 г.) [4] и П.Посси-нусом (1683 г.) [5]. Однако позднейшая критика исключила эту гомилию из числа подлинных сочинений св. Амфилохия [6].

Судьба ПЗер. в древнерусской книжности не изучена. Нам известна лишь одна специально посвященная повести статья, в которой рассматрива-

* Пигин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета, руководитель проекта «Древнерусские патериковые повести в рукописной традиции» (97-04-06081a).

ются причины и обстоятельства ее издания в 1626 г. в Киево-Печерской лавре [7]. Изредка беглые упоминания ПЗер. можно встретить в исследованиях по древнерусской демонологии [8]. Между тем, повесть занимает достаточно заметное место в русской литературе. Она сохранилась в большом количестве списков XIV—XIX вв., проникла в лубочную литературу. В XIX в., по мнению Л.М.Лотман и И.П.Смирнова, ПЗер. послужила одним из источников для Ф.М.Достоевского при написании им романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» [9]. В XX в. ПЗер. неоднократно пересказывал А.М.Ремизов.

Изучение рукописной традиции ПЗер. (более 100 списков XIV—XIX вв.) показало, что ее текст сохранился по меньшей мере в 12 редакциях, которые для удобства их рассмотрения условно можно разделить на 3 группы: 1) патериковые редакции (2), 2) «киевские» редакции (3); 3) «особые» редакции (7).

Патериковые редакции ПЗер.

В славянской рукописной традиции ПЗер. входила в состав двух патериков — Азбучно-Иерусалимского (далее: АИП) и Сводного (далее: СП). Причем АИП и СП содержат разные редакции этой повести: редакцию АИП (далее: АИПР) и редакцию СП (далее: СПР). Именно эти две патериковые редакции ПЗер. и являются древнейшими.

АИП представляет собой древнеславянский перевод (X в., Болгария) алфавитно-анонимного собрания «Изречений святых старцев», основу которого составили патериковые рассказы и изречения, возникшие в среде египетского монашества в IV—V вв. [10]. Старшие списки АИП, болгарского, сербского и русского изводов, датируются XIV в. [11]. Согласно наблюдениям М.Капальдо, АИП включает 1062 статьи, разделенные на 3 части: 1) алфавитная часть (*dossier alphabetique*); 2) анонимная часть (*dossier apopute*); 3) дополнительная часть (*dossier supplementaire*) [12], в состав которой и входит АИПР. Дополнительная часть АИП имеет распространенную форму (*forme longue*), включающую 122 рассказа и изречения, и 3 кратких формы (*formes breves*), состоящих из 27, 23 и 19 рассказов и изречений. Причем большинство рассказов из кратких форм находится и в распространенной форме [13]. АИПР входит в состав всех разновидностей дополнительной части АИП. С XVI в. в рукописной традиции получает распространение Иерусалимский патерик (так называется собрание, состоящее из анонимной и дополнительной в краткой форме частей АИП), который также содержит АИПР.

Изучение рукописной истории АИПР производилось нами на основе текстологического анализа 25 ее списков XIV—XVIII вв. Из них 11 списков входят в состав патерика с различными вариантами дополнительной части: распространенная форма — РНБ, собр. Гильфердинга, ц 50 (XIV в.); краткие формы — БАН, 21.5.9 (XV в.), Архангельское собр., Д. ц 191 (XVI в.) и др.; списки в составе Иерусалимского патерика: РНБ, Софийское собр., ц 1449 (XVI в.), Соловецкое собр., ц 641/699 (XVI в.). Текстологический анализ этих списков позволил сделать три основных взаимосвязанных вывода: 1) во всех списках АИП содержится текст только

одной редакции ПЗер. — АИПР; 2) текст АИПР отличается большой стабильностью: никаких признаков сознательного редактирования текста в списках не зафиксировано, разночтения между списками заключаются лишь в единичных лексических заменах и мелких механических ошибках; 3) следовательно, изменение состава АИП не влекло за собой преобразований текста АИПР, как, по-видимому, и других составляющих его рассказов. В списках, входящих в состав патерика, АИПР имеет заглавие: «Повесть чудна о некоем старце» (нач.: «Некто от святых старецъ, великъ и прозорливъ...») и находится в окружении статей: «Поведаше некий старецъ, яко бяше некий въ вьнутрьней пустыни...» и «В лета Ираклия царя и Никиты патрикия в Картагени Африкийстем...». По крайней мере с XV в. АИПР встречается в русской рукописной традиции также и вне АИП (14 списков), в сборниках литературного содержания, хотя тоже очень часто в окружении различных патериковых статей. Текст АИПР и в этих списках не дает редакционных различий, некоторой вариативностью отличается лишь заглавие: «О некоем старце» (Научная библиотека МГУ, ц 1368 (кон. XV — нач. XVI в.)), «Слово от патерика о некоем старце, иже прииде к нему бесъ, пыгаа покаяния себе и хотя искусити старца» (РНБ, Софийское собр., ц 1420 (XVI в.), ц 1490 (XVI в.)) и др.

Другая патериковая редакция ПЗер., СПР, пришла в русскую книжность (не позднее кон. XIV — нач. XV в.) в составе СП — наиболее популярного в славянских литературах патерика, созданного, по мнению И.П.Еремина [14], в Болгарии в XIII — XIV вв. на основе АИП, Синайского, Скитского и Римского патериков.

Вопрос о соотношении АИПР и СПР является одним из наиболее сложных в изучении литературной истории ПЗер. Не имея никаких различий в содержании, две редакции отличаются в то же время самим изложением событий: «но бяше зря явленне» (АИПР) — «но бе зря чювствене» (СПР), «что яко о бесе молишия власъти моею» (АИПР) — «что яко молиши мою държаву о бесе» (СПР), «ты бо еси злых начяльникъ» (АИПР) — «ты бо еси древняя злоба» (СПР) и др. В отдельных случаях в каждой из редакций встречаются также мелкие детали, незначительные подробности, отсутствующие в другой редакции. Сравнение АИПР и СПР с греческими текстами ПЗер., опубликованными Фр.Комбефизом (далее: Comb.) и П.Поссинусом (далее: Poss.) в составе приписываемой Амфилохию Иконийскому гомилии о покаянии, показало, что некоторые чтения СПР, отличающие эту редакцию от АИПР, находят явные аналогии в греческом тексте:

АИПР

...и да нареку самъ себе мръзость и помраченную прелесть? Ни, старче, ни!

Сия же, любимици мои, не просто понудихомся на среду привести...

СПР

...и аз сам себе нареку мерзости запустения и помраченную прелесть? Никако, какогере (вар.: калугере), ни!

Сия же, братие, не просто понудихомся на среду привести...

Греческий текст ПЗер. (Comb. и Poss.)

...ουχι, какоуηρε, ουχι...
(...non faciam, prave senex, non faciam...) Poss. 264. (ср.: ...ouci, gerwn, ouci... (...haudquaquam, senex, haudquaquam...) Comb. 112).

...adeljoi... (...fraters...) Poss. 264.
(ср.: ...agaphtoi mou... (...dilecti...) Comb. 112).

Возникновение СПР невозможно, таким образом, объяснить простой стилистической переработкой текста АИПР. Неоспоримым аргументом в пользу того, что составитель СП обращался при создании СПР к греческому тексту ПЗер., служит еще один факт. В подавляющем большинстве списков СП непосредственно перед СПР находится повесть о «кающемся блуднике» («Брат некий побежден бысть от беса блуднаго...»), которая предшествовала ПЗер. и в греческом тексте гомилии о покаянии, приписываемой св. Амфилохию (см.: Comb. 100—106, Ross. 255—260). Причем на тематическую и генетическую связь СПР с этой повестью указывает заглавие и инципит СПР: «Ина повесть чюднейши первыхъ. Прочее же к сему слыши. Некий от святыхъ отецъ...». Расположение в СП этих двух повестей рядом, в той же последовательности, что и в гомилии, можно объяснить только тем, что составитель СП обращался к греческому тексту этой гомилии. В АИП, как уже говорилось, ПЗер. находится совсем в ином окружении. Вопрос о том, является ли СПР новым переводом греческого оригинала или же она возникла в результате правки АИПР по греческому тексту, нуждается в дополнительном изучении.

Текстологический анализ 39 списков СПР в составе СП XIV—XVIII вв. заставляет по сути повторить тот же вывод, который был сделан ранее в результате изучения списков АИПР: 1) все списки СП содержат текст только одной редакции — СПР, 2) текст СПР стабилен, различия между списками очень незначительны (наиболее существенное из них — утрата в некоторых списках фрагмента «...ни, даже доньше обладавахъ грешными и ныне ли паки сотворю себе раба непотребна...»: РНБ, собр. Погодина, ц 881, ц 884 и др.), 3) изменение состава статей и их последовательности в СП не сопровождалось редакционным поновлением самих текстов (во всяком случае, ПЗер.). В большинстве из этих 39 списков СПР имеет заглавие «Ина повесть чюднейши первыхъ», начинается словами «Прочее же к сему слыши. Некий от святыхъ отецъ, великъ и прозорливъ...» и находится в цикле статей о покаянии (обычно между статьями: «Брат некий побежден от беса блуднаго...» и «О разбойнице, спасшемся покаянием...» или «О муже Сергии, старейшине над блудницами»). Целый ряд списков СПР (22 списка XVI—XIX вв.) зафиксирован в рукописях вне СП, в сборниках смешанного содержания. Эти списки также не имеют существенных отличий друг от друга, в некоторых из них появляется лишь новое заглавие: «Слово о некоем старце прозорливе» (Архив ФИРИ РАН, колл. 238, оп. 1, ц 689 (XVI в.)), «Повесть чюдна о старце прозорливом, како хотя его бесъ покаянием искусити» (ГИМ, собр. Вострякова, ц 960 (XVII в.)) и др.

«Киевские» редакции ПЗер. XVII в.

Дальнейший этап литературной истории ПЗер. связан с деятельностью киевских книжников XVII в. Ими были созданы три редакции ПЗер., получившие распространение и в собственно русской рукописной традиции: Компилятивная редакция (далее: КР), редакция с Антонием Великим (далее: АВР), редакция Книги житий святых Димитрия Ростовского (далее: ДРР).

КР была создана, по-видимому, в перв. четв. XVII в. (до 1626 г.) и представляет собой последовательное объединение текстов СПР и АИПР

(РГАДА, ф. 187, оп. 1, ц 151, 1642 г.; ГИМ, Музейское собр., ц 290, перв. четв. XVIII в.). В основу своей редакции неизвестный книжник положил текст СПР, в который внес целый ряд чтений из АИПР (приведем лишь один пример):

СПР

Ты бо еси древняя злоба,
и древняя злоба нова
добродетель быти
не может.

АИПР

Ты бо еси *злых началникъ*,
и *злых началникъ новых*
благъ не бываетъ.

КР

Ты бо еси древняя злоба (яже)
нова добродетель быти не может,
злых началникъ, и *злых*
началникъ новыхъ благъ
не бываетъ.

На основе КР в 1620-е гг. была создана АВР, опубликованная Памвой Берындой в Киеве в 1626 г. отдельным изданием. Это издание представляет собой небольшую брошюру на 8 страницах, которая уже была предметом специального рассмотрения в статье С.Ф.Шевченко [15]. Исследователь отнес киевское издание ПЗер. к числу печатных листов назидательного содержания, изданных специально для раздачи или продажи богомольцам, посещавшим Киево-Печерскую лавру. При этом он ошибочно предположил западное происхождение ПЗер. и решил, что она была напечатана в Киеве с «назидательно-полемической целью» — для обличения еретиков, отрицавших необходимость исповеди и покаяния [16].

Наиболее существенной особенностью АВР является замена безымянного «некоего старца» исходного текста образом Антония Великого: «От отечника Скитскаго. Повесть удивительна о диаволе, како прииде къ великому Антонию въ образе человечесте, хотя каются. Великий въ съвършенных отцех преподобный Антоние, старецъ прозорлив сый, превшедъ бесовскаа искушения...». Каких-либо исторических оснований включать имя Антония Великого в ПЗер. у редактора не могло быть. Среди греческих и латинских сочинений, связанных с именем Антония, эта повесть неизвестна. М.Извеков, автор одного из наиболее обстоятельных исследований об Антонии Великом, относил ПЗер. с именем Антония (она была известна ему по ДРР) к «позднейшим рассказам», не встречающимся «в древних сказаниях» [17]. По-видимому, имя Антония было включено в АВР по причине того особого благоговейного почитания, которым пользовалось оно (и без того самое прославленное в истории монашества) в Киево-Печерской лавре: именно этому великому подвижнику древности подражал одноименный с ним святой основатель Печерской обители (Антоний Печерский).

Характер произведенной составителем АВР правки текста — стилистическое «окнижение», распространение «этикетных» частей, некоторое усиление за счет этого нравоучительности — позволяет предположить, что АВР была написана специально для популярного душеполезного издания, каким является брошюра 1626 г. Вполне вероятно поэтому, что автором этой редакции является сам Памво Берында — не только известный книгопечатник, но и поэт, литератор, редактор, текстолог и переводчик.

АВР проникла и в рукописную традицию, хотя, по-видимому, не получила в ней широкого распространения. Нам известно всего 3 списка АВР: ГИМ, Музейское собр., ц 92, 1680-е гг.; БАН, 4.7.7, посл. четв. XVII в.; собр.

Колобова, ц 211, втор. пол. XVIII в. Вероятно, эти списки непосредственно или через ряд звеньев восходят к изданию 1626 г.

Наконец, еще одна «киевская» редакция ПЗер. — ДРР — была издана Димитрием Ростовским во второй книге его Четых Миней (декабрь, январь, февраль) в 1695 г. [18]. Повесть помещена здесь под 17 января как своеобразное приложение к Житию Антония Великого. Протоиерей Александр Державин, посвятивший специальное исследование истории создания Четых Миней Димитрия Ростовского и особенно проблеме их литературных источников, не смог установить происхождение ПЗер. в этом издании. Отец Александр предположил, что упоминаемый Димитрием Ростовским «Отечник» (на поле он glossирован как «Скитский патерик»), из которого заимствована ПЗер., «есть извлечение из так называемого «Великого Лимонаря», в котором собраны были рассказы о св. отцах, современных Антонию Великому» [19]. Просмотрев русский перевод этого патерика (Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1846) и не обнаружив в нем ПЗер., исследователь пришел к выводу, что Отечник, «которым пользовался Святитель, был богаче содержанием "Достопамятных сказаний"» [20].

Изучение литературной истории ПЗер. не оставляет, однако, сомнения в том, что непосредственным и единственным источником этой статьи в Четых Минях Димитрия Ростовского является киевское издание 1626 г. Связанный на протяжении почти всей своей жизни с Киево-Печерской лаврой, создавая и публикуя здесь свои Четьи Минеи, Димитрий Ростовский, разумеется, прекрасно знал все издания монастырской типографии. Над второй книгой своих Четых Миней св. Димитрий работал в кон. 1680 — нач. 1690-х гг. (работа была завершена весной 1693 г.) [21] — вероятно, именно в эти годы на основе опубликованной Памвой Берындой АВР Димитрий Ростовский и создал собственную редакцию ПЗер. (ДРР). Эта редакция совершенно не затрагивает содержания ПЗер. и носит исключительно стилистический характер. Она была написана Димитрием Ростовским, по-видимому, с единственной целью — сделать текст повести более удобным при чтении и понятным для читателя кон. XVII в. Из всех 3 «киевских» редакций именно ДРР наиболее активно переписывалась в рукописях, несмотря на свое позднее происхождение (известно около 20 ее списков). Причиной тому была, конечно, высокая авторитетность Четых Миней Димитрия Ростовского, которые к тому же неоднократно переиздавались в Киеве и в Москве на протяжении всего XVIII в.

«Особые» редакции ПЗер. XVII—XIX вв.

Кроме рассмотренных основных 5 редакций ПЗер., в рукописных сборниках XVII—XIX вв. встречаются и отдельные ее переработки, которые условно можно объединить в одну группу «особых» редакций. Их «особое» положение в литературной истории ПЗер. заключается в том, что все они представляют собой незначительные ответвления от основного текстологического «ствола» повести, не породившие никакой традиции. Редакции эти не получили распространения в рукописях, каждая из них известна нам в настоящее время лишь в одном списке. Всего следует выделить 7 таких редакций: 4 краткие редакции (ГИМ, собр. Вострякова, ц 157 (XVII в.);

РНБ, Софийское собр., ц 1459 (XVII в.); БАН, собр. Колобова, ц 5 (перв. четв. XVIII в.); ИРЛИ, Латгальское собр., ц 156 (сер. XIX в.); распротраненная редакция (РГБ, собр. Ундольского, ц 614 (XVII в.)); редакция «из Зерцала Малого» (РГИА, ф. 834, оп. 2, ц 1334 (нач. XVIII в.)); Усть-Цилемская редакция.

Среди всех «особых» редакций ПЗер. наибольший интерес представляет самая поздняя из них — Усть-Цилемская редакция (далее: УЦР). Эта редакция сохранилась в единственном списке в составе богатого литературными текстами рукописного сборника третьей четв. XIX в. (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., ц 67), написанного усть-цилемским книжником И.С.Мяндиным (1823—1894 гг.) [22]. Перу этого известного книжника принадлежат переработки многих древнерусских произведений: Троянской истории, повестей о царице Персике, о Басарге, о царице Динаре, о царе Аггее, о царице и львице, об Акире Премудром, «Сказания Афродитиана» и др. Хорошо известен в науке и сам сборник, в котором находится мяндинский автограф ПЗер. Из этого сборника уже были опубликованы некоторые произведения в редакции И.С.Мяндина [23].

Мяндинская переработка ПЗер. восходит к тексту весьма редкой в рукописной традиции редакции — АВР. Трудно сказать, пользовался ли Мяндин непосредственно киевским изданием АВР 1626 г. или, что все-таки более вероятно, каким-то ее списком.

Переработка исходного текста в УЦР вполне соответствует основным творческим приемам И.С.Мяндина, установленным исследователями на материале других его пересказов. Редактор значительно сократил текст, освободил его от «длинот» и повторов, более кратко пересказал отдельные фрагменты. Наблюдаются в УЦР и попытки переосмысления текста. И.С.Мяндин полностью переделал заключительный монолог Зерефера, в котором бес отказывается принести покаяние. Зерефер предстает в УЦР более могущественным, нежели в АВР. «Сила» и «величие» Зерефера в мяндинской версии заключаются не просто в любви к нему грешников и в их покорности, а в его твердой уверенности в своей полной будущей победе над христианским миром: «Азь бо ныне силою моихъ коварствъ могу привлеци безчисленно подобныхъ тебе калугеровъ и с собою во адъ ко отцу нашему сатане вечно томиться в нестерпимыхъ мукахъ, паче же в последняя веки. Азь иноческим и священническим чиномъ напольшу геену. А христиане не избежат моихъ сетей, коихъ азь с помощники моими простру во весь миръ толико, яко никтоже можетъ гонзути их».

В этом монологе Зерефера в УЦР особое внимание обращает на себя угроза беса наполнить геенну «иноческим и священническим чином». Образ мучающихся на том свете нечестивых иереев является почти обязательным элементом описаний ада в древнерусских эсхатологических сказаниях. Однако в решении этой темы в УЦР нельзя не увидеть и влияния старообрядческой идеологии. Как известно, сама возможность проведения в XVII в. церковной реформы объяснялась старообрядцами, в частности, ослаблением благочестия в среде духовенства, что рассматривалось в свою очередь как результат происков сатаны. Угроза Зерефера в УЦР «привлеци» и свести в ад «иноческий и священнический чин», «паче же в последняя веки», несомненно, напоминает «вражий умысел» дьявола-антихриста, каким его

представляли себе старообрядцы, погубить на Руси православную церковь и все духовенство. Убеждение в том, что после реформы церкви священство погубило, привело к появлению старообрядческой беспоповщины, к которой и принадлежал И.С.Мяндин. Согласно разысканиям В.И.Мальшева, И.С.Мяндин не был ригористом в религиозных вопросах, не принимал участия в спорах о вере и даже «не лишен был в душе вольнодумства» [24], однако религиозно-исторические воззрения своих единоверцев он, разумеется, не мог не разделять. Показав в УЦР страшную силу зла, которая угрожает христианскому миру, усть-цилемский книжник выразил в то же время надежду на конечную победу добра. Заключительные слова Антония в АВР — «древняя злоба нова добродетель быти не может» — в которых по сути заключена мысль о совечности зла добру, И.С.Мяндин заменил молитвой старца к Богу о преодолении зла: «яко да бы не збыгися таковому демону коварству над иноческим и священническим чином, но да сохранить их своею благостынею». Общий оптимистический характер УЦР поддерживается и рассуждениями о безграничности Божьего милосердия и о всеильности покаяния, которыми завершается мяндинский пересказ. В контексте поставленных в УЦР проблем они воспринимаются как указание конкретного пути спасения в переживаемый христианским миром трагический период его истории. Покаяние, надежда на Бога, вера в «благоутробие» Божие — и есть то «оружие» против дьявола, которое помешает Зереферу, сатане-антихристу, осуществить свои планы, окончательно пленить и погубить христианский мир. Приуроченная к эпохе древних «скитских отцов», Антония Великого, но наполненная актуальными для старообрядчества размышлениями о судьбе церкви, всего христианского мира «в последния веки», УЦР обнаруживает в себе черты иносказания, приобретает характер повести-предупреждения, грозного пророчества.

От переводных патериковых редакций до оригинальных авторских переработок XIX в. — таков длительный путь эволюции текста ПЗер. в русской книжности.

Примечания

1. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1987. — Вып. 1. — С. 299—325.
2. Текст ПЗер. см. в: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г.Кушелевым-Безбородко. — СПб., 1860. — Вып. 1. — С. 203—204.
3. См.: Capaldo M. L'Azbuino-Ierusalimskij Paterik: (Collection alphabetic-anonyme slave des Arophthegmata patrum) // Полата књигописна. — 1981. — ц 4. — С. 34—49 (славянский перевод ПЗер. отмечен под ц 13 (С. 35)).
4. Combefis F. SS. Patrum Amphilochii Iconiensis, Methodii Patarensis, et Andreae Cretensis Opera omnia. — Parisiis, 1644. — P. 91—115.
5. Possinus P. Thesaurus asceticus. — Tolosae, 1683. — P. 255—265.
6. См.: Holl K. Amphilochius von Ikonium in seinem Verhdlniss zu den grossen Kappadoziern. — Tьbingen—Leipzig, 1904. — S. 58—59.
7. Шевченко С. Повесть о бесе Зерефере, изданная в 1626 году Киево-Печерской Лаврой // Русский филологический вестник. — 1915. — ц 2. — С. 325—333.

8. См., например: Рязановский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. — М., 1915. — С. 58.
9. Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие.) — Л., 1974. — С. 312—315; Смирнов И.П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. — Л., 1979. — С. 217—220.
10. См.: Николаев Н.И. Патерик Азбучно-Иерусалимский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 1. — С. 299—302.
11. См.: Capaldo M. L'Azbučno-Ierusalimskij Paterik... — С. 41—44.
12. Там же. — С. 27—37.
13. Там же. — С. 34.
14. Еремин И. «Сводный» патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах (Окрема відбитка з Записок исторично-філологічного відділу, кн. XII, XV). — Киев, 1927.
15. Шевченко С. Повесть о бесе Зерефере...
16. Там же. — С. 325—327, 330—331.
17. Извеков М. Преподобный Антоний Великий // Христианское чтение. — 1879. — Ч. 2. — С. 127—128.
18. Дмитрий Ростовский. Книга житий святых: декабрь, январь, февраль. — Киев, 1695. — л. 463—464 об.
19. Державин А. Четии-Минеи Святителя Дмитрия митрополита Ростовского как церковноисторический и литературный памятник // РГБ, собр. Отдела рукописей (ф. 218). — ц 1402.2. — л. 36.
20. Там же. — л. 37.
21. См.: Круминг А.А. Четвы Минеи святого Дмитрия Ростовского: очерк истории создания // Святой Дмитрий, митрополит Ростовский: Исследование и материалы. (Филевские чтения. Вып. 9). — М., 1994. — С. 22—23.
22. Об И.С.Мяндине см.: Мальшев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И.С.Мяндин // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома. — Л., 1985. — С. 323—337.
23. См.: Мальшев В.И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. — М., 1961. — С. 326—337; Пиотровская Е.К. Усть-Цилемская обработка Повести об Акире Премудром // ТОДРЛ. — Л., 1976. — Т. 31. — С. 378—383; Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. — Новосибирск, 1985. — С. 350—354.
24. Мальшев В.И. Усть-Цилемский книгописец... — С. 337.

Л.А.Капанадзе, Е.Н.Ширяев*

Текст и его реализация

В последние десятилетия в русистике изучение современного русского языка шло по функциональному направлению. Функциональная лингвистика ставит своей целью определить, как языковая система реализует себя в конкретных условиях общения, каковы характер и тип коммуникации в каждом отдельном случае. Она исследует механизмы, управляющие речевым поведением человека в различных условиях коммуникации.

Закономерным продолжением исследований такого рода является линия объединения описаний функционирования слова на разных ярусах языка и изучения коммуникативно-прагматических характеристик различных текстов. Сегодня представляется важной научной задачей сопоставить письменные и устные тексты современного русского языка, описать их структуру и представить основные тенденции развития этих структур.

Естественно, что структура текста зависит от тех целей и задач, которые ставит себе автор того или иного речевого произведения. Письменные тексты и устные манифестации, независимо от их понятийной коммуникативной значимости, настолько разнятся, что требуют особого исследовательского инструментария. «Графический язык» представляет собой полный набор коммуникативных единиц; разговорная речь требует, чтобы в общую семантику сообщения было включено описание суперсегментных, невербальных единиц (мимики, жеста, ситуативных параметров коммуникации и т.д.). См. об этом ниже. Разнообразии контекстов и конситуаций и следующие отсюда контекстно-ситуационные вариации обмена информацией вызывают к жизни новые типы текстов, новые жанровые объединения, которые часто изменяют фундаментальные характеристики текста.

Основной нашей задачей было исследование построения текста в условиях реализации разных дискурсивных стратегий. Семантико-прагматические механизмы в дискурсах кодифицированного (письменного) языка и разговорной речи можно представить на двух фрагментах коммуникативного поля русского языка: одним из этих фрагментов является разговорный диалог как речевое произведение, полностью зависимое от ситуации общения; другим же — письменный диалог (не имеющий аналогов в сфере общения), опирающийся на коммуникативные возможности компьютера.

Особый интерес для понимания роли дискурса в построении текста имеет разговорная речь. В определении разговорной речи будем последовательно

* Капанадзе Ламара Андреевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка РАН, исполнитель проекта «Письменные и устные тексты современного русского языка: структура и тенденции развития» (97-04-06208а).

Ширяев Евгений Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом Института русского языка РАН, руководитель проекта «Письменные и устные тексты современного русского языка: структура и тенденции развития» (97-04-06208а).

исходить из тех принципов, которые лежат в основе работ группы по изучению разговорной речи Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Разговорной считается такая речь, которая является спонтанной и реализуется в неофициальной обстановке при непосредственном участии партнеров коммуникации [3, 5—77]. Разговорный дискурс имеет по сравнению с дискурсом текстов иной функциональной направленности, прежде всего письменных текстов, следующие особенности: этот дискурс предельно конкретен и предельно насыщен. Дело в том, что разговорный текст ориентирован на вполне определенного партнера коммуникации (адресата), создается адресантом, имеющим с адресатом широкую частно-апперцепционную базу, которую в западной лингвистике чаще называют фоновыми знаниями. Частно-апперцепционная база включает в себя все, что объединяет адресата и адресанта, их общие знания, опыт, совместную актуальную для данного момента деятельность и пр. Разговорный текст не просто опирается на свой дискурс — он не может быть изолирован от него, составляя с дискурсом одно неделимое целое. Далее будет представлен именно в плане дискурса анализ такого разговорного жанра, как интенциональный диалог.

Интенциональным диалогом будем называть диалогические тексты с необходимой реакцией на первую реплику. Это определение нуждается в следующем уточнении. Существуют такие текстовые образования, которые инициируются вопросами и побуждениями типа *Что вы думаете по этому поводу? Расскажите о конференции* и т.п. Реакция адресата на такие запросы также необходима. И обычно она дается в форме достаточно развернутого монологического повествования. Очевидно, что называть такие тексты интенциональными диалогами не стоит. Их отличия от интенциональных диалогов можно обнаружить в следующем. В интенциональных диалогах первая реплика как бы задает программу реакции на нец. Если это вопрос, то программа выглядит так: «да, нет, может быть, не знаю, там-то, тогда-то, потому-то, для того-то» и т.д. Если это побуждение, то программа включает согласие / несогласие выполнить то, к чему побуждается адресат и, разумеется, такой неязыковой компонент, как исполнение просьбы, приказа и т.п. В текстах с инициальным общим запросом такой определенной запрограммированности нет.

Особенности интенциональных диалогов, которые непосредственно связаны с их дискурсом, следующие.

Насыщенная частно-апперцепционная база адресата и адресанта позволяет понимать друг друга, если воспользоваться не вполне научным выражением, с полуслова. В обыденных, часто повторяющихся ситуациях достаточно вербализации немногих ключевых компонентов ситуации, чтобы осуществить коммуникацию, ср.:

(А. к уходящей Б) *Посмотри я спущусь!// Б. Нет ничего!// А. Ладно/ вс // Речь идет о корреспонденции в почтовом ящике на первом этаже: если она есть, то Б. сообщает об этом на второй этаж, где живут А. и Б., и тогда А. спускается, чтобы забрать почту.*

Другая характерная дискурсная особенность интенциональных диалогов заключается в том, что в них широко распространено явление, которое в современной лингвистике известно под названием косвенного речевого акта. Это хорошо проработанное в теоретическом плане понятие [2] обычно демонст-

рируется на примере высказываний с установкой на вежливость: *Не могли бы вы передать мне вилку* (ср. *Передайте мне вилку*), *Я бы не отказался от чашки кофе* (ср. *Налейте мне чашку кофе*). В разговорном интенциональном диалоге неявным образом представленная информация может опираться на самые разнообразие, специально не предназначенные для выражения данной интенции структуры, которые в условиях разговорного дискурса легко получают нужное осмысление. Достаточно широко представлены такие диалоги, в которых повествовательная инициальная реплика содержит информацию, явным образом побуждающую к определенному действию:

А. *Кран течет*// Б. *Ладно/ я поменяю*// (прокладку в кране). Первая реплика явно содержит призыв исправить кран.

Повествовательное предложение в побудительном значении может опираться на весьма глубокую частно-апперцепционную базу. Вот характерный пример. В семье А. и Б. существует привычка: если кто-то уходит из квартиры, то входную дверь запирает оставшийся, поскольку уходящему еще нужно открыть и закрыть дверь в так называемый тамбур. А. *Так я пошла*// Б. воспринимает эту информацию как просьбу закрыть дверь и, соответственно, говорит *Закрою*. Еще несколько примеров:

А. (видит, как легко оделась Б. перед уходом из дома) *Нин/ ноль ведь*// (температура на улице) Б. *Нет/ я там тепло*// (под курткой теплая одежда); А. *Ко мне завтра Петя придет*// (следовательно, его, как это принято у А. и Б., надо покормить) Б. *Ну обед?* А. *Хорошо*// (покормим обедом); А. *Чай готов*// (иди пить чай) Б. *А/ сейчас*// *Налей мне*//; А. *Дождь лупит*// Б. *Ну плащ я/ зонт-то сломала*//

Особого рода информация содержится в оценочных повествовательных высказываниях. С опорой на частно-апперцепционную базу высокая оценка чего-либо может выступать как косвенное побуждение к обладанию высокооцениваемой реальей:

(А. в хозяйственном магазине к Б.) *Какое ведро красивое*// (Б., зная склонность А. покупать красивые хозяйственные вещи, справедливо воспринимает эту реплику как предложение купить ведро) Б. *Ну зачем нам еще одно/ только ванну захламлять*// (захламлять ванную комнату); А. *Какая ручка китайская/ с золотым пером/ хорошая продается*// Б. *Господи/ их же у тебя десяток*// А. *Десяток/ а такой нет*// Б. *Ну как хочешь*// (покупай, если хочешь).

Возможны диалоги, когда и побудительная реплика, и реакция на нее представлены косвенным образом повествовательными высказываниями:

(Б. известно, что А. нужно рано попасть на вокзал, чтобы встретить родственника) Б. *А ведь трамваи раньше метро начинают*// (предложение ехать на вокзал на трамвае, а не на метро) А. *Трамвай от нас теперь вообще к Белорусскому не ходит*//; А. *Очень дует от окна*// (просьба сделать так, чтобы не дуло) Б. *Конечно*// *Не заклеены*// (надо заклеить окно специальной лентой).

Наряду с косвенным побуждением в форме повествовательного высказывания широко распространены косвенные побуждения, построенные на основе вопросительных высказываний. Такие высказывания могут иметь значение категорического запрета на какие-то действия. Особенно характерны такие запреты по отношению к детям:

Куда ты полез? (не лезь); *Зачем тебе эта грязь?* (брось грязную коробку); *Что ты носом пишешь?* (пиши, подняв выше голову); *Зачем так орать?* (не ори).

Если партнеры коммуникации имеют равный ролевой статус, то побуждение в форме вопроса менее категорично, иногда это просто сомнения в целесообразности какого-то действия:

(на улице солнечная погода, А. к Б.) *Зачем ты зонт-то берешь?* Б. *Да так/ привык я как-то таскать его//* (в портфеле); А. *Как же ты целый день голодный-то будешь?* (предложение позавтракать) Б. *Не хочу я по утрам/ давай с собой//* А. *Куда ты в такой мороз гулять собрался?* Б. *Я люблю мороз/ я человек северный//*

Возможно в форме вопроса побуждение, основанное на явном неодобрении чего-то, такое побуждение требует либо оправдания, либо согласия с «критикой»:

А. *Куда же ты идешь в такой рвани?* (не ходи в рвани) Б. *Ну я же там раздеваться не собираюсь//; Неужели нельзя завернуть как следует?* (заверни как следует) Б. *Да/ да// Сейчас//*

Часто побуждение в форме вопроса направлено не на какое-то разовое действие, а на то, чтобы адресат изменил свое поведение, привычки и т.п.:

(А. к ребенку) *Почему надо все разбросать по всей квартире?* (научись не разбрасывать игрушки по всей квартире); А. *Когда тебе надоест эта музыка?* Б. *Никогда//; Опять где машины ездил?* (не едь на велосипеде там, где машины); А. *Когда ты свет за собой гасить будешь?* Б. *Ну ладно/ ладно/ буду//; Почему опять свет в ванне горит?* (в ванной комнате).

Косвенное побуждение в вопросительной форме может касаться не только действия, но и необходимости его качественной или количественной коррекции:

Зачем ты в такой горячей ванне лежишь? (принимать надо менее горячую ванну); *Ну зачем мне столько пакетов?* (пакетов надо гораздо меньше); (к ребенку) *Господи, ну сколько же можно покупать этих солдатиков?* (покупать надо меньше).

Особо должно быть отмечено косвенное побуждение-предложение в вопросительной форме:

А. (о рыбе) *А почему мы не берем эту мелочь (давай покупать)* Б. *Можно// Уха из не хорошая/ возни только много//* (много возни с чисткой); А. *А почему мы в подвальчик (магазин) не ходим?* Б. *Ну стоит наверно иногда (ходить)/ там мед/ клюква// Больше нигде//;* А. *А почему мы по Сушевке (шоссе) в этом году совсем не ездим (на машине за грибами)?* Б. *Да/ надо бы/ на разведку/ только там ведь очень далеко надо//*

Строгая адресованность интенционального высказывания конкретному адресату побуждает адресанта прогнозировать его реакцию. Если эта реакция нежелательна для адресанта, то в интенциональных диалогах появляются такие фрагменты текста, которые прямо направлены на нейтрализацию такой нежелательной реакции, ср.:

А. к Б. *Ты молоко купишь/ я поздно сегодня//* Молоко обычно покупает именно А. Передача этой обязанности без объяснений Б. может вызвать его

недовольство, которое А. и стремиться нейтрализовать, сообщая, что пойдет с работы поздно и поэтому купить молока, как это обычно делает А., не сможет. В диалоге А. *Ты мне ксерокс сделал этой справки моей? Обещал*// Б. *Да/ да/ обещал/ заболела она*// (не обижайся, не сделал по уважительной причине, поскольку заболел человек, который ведаёт ксероксом).

В связи с такими нейтрализующими нежелательную реакцию адресата высказываниями стоит обратить внимание на широко известные «Принципы Кооперации» Г.П.Грайса, которые состоят из четырех категорий постулатов:

I. Количество: 1) твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога); 2) такое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется.

II. Качество: 1) не говори того, что бы считалось ложным; 2) не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.

III. Отношения: не отклоняйся от темы.

IV. Способ: 1) избегай непонятных выражений; 2) избегай неоднозначности; 3) будь краток (избегай ненужного многословия); 4) будь организован [1, 222—223].

Данные постулаты можно рассматривать как обязательные для достижения коммуникативного успеха. Их соблюдение в тексте никак специально не отражается — в языковом плане они проявляют себя только тогда, когда Принципы Кооперации нарушаются. Для интенционального диалога могут быть названы и другие постулаты, реализация которых если и необязательна, то весьма желательна. По отношению к уже приведенным примерам могли бы быть сформулированы такие постулаты: «если ты просишь о непривычном, обоснуй свою просьбу», «если ты даешь отрицательный ответ на просьбу, оправдайся». Разумеется, при ответе на вопрос *Ты мне ксерокс сделал?* можно ответить просто *Нет*. Но скорее всего это приведет к конфликтной ситуации (обещал и не сделал) и потребует продолжения диалога, чтобы этот конфликт разрешить. Поэтому предвидение этой конфликтной ситуации делает желательным реализацию постулата «если ты даешь отрицательный ответ на просьбу, оправдайся». Вообще всякая не слишком банальная просьба делает весьма желательной реализацию такого постулата, как «обоснование просьбы», чтобы адресат знал, что просьба адресанта — не его прихоть и выполнить просьбу нетрудно:

А. *Ты к Наташе поедешь/ захвати вот*// (захвати что-то для Наташи, поскольку ты все равно к ней едешь и тебе это нетрудно) Б. *Да/ заверни только*//; *Купи картошки/ тут у нас*// (купи картошки, тебе это нетрудно, потому что ей торгуют около нашего дома); А. *Зайди в эти «Канцтовары»/ ты там будешь/ купи мне стержней (для ручки)*// (нетрудно купить стержней, потому что ты будешь там, где они продаются) Б. *Куплю/ ладно*//; *Письмо не забудь/ прямо там на почте/дорогу тебе только*// (не забудь опустить письмо прямо на почте, потому что ты там будешь рядом, только дорогу тебе перейти).

Реализация постулатов такого рода ни в коем случае не должна рассматриваться как нарушение постулата Г.П.Грайса «не говори больше, чем требуется». Более того, если в подобного рода случаях адресанта упрекнули за якобы излишнюю информацию, то это может привести к развитию такой, например, конфликтной ситуации:

А. Ты мне ксерокс сделал? Б. Нет/ заболела она// А. Ладно/ не оправдывайся// Б. Я и не оправдываюсь/ я просто не мог// Ты что/ мне не веришь? и т.д.

Итак, интенциональные диалоги имеют, по крайней мере, три дискурсных особенности: они строятся с опорой на частно-апперцепционную базу партнеров коммуникации, широко используют не прямые способы формирования смысла и реализуют характерные только для них постулаты общения.

Обратимся к письменным текстам. Средства электронной коммуникации значительно меняют наши представления о структуре письменного текста и о традиционном разграничении письменной и устной речи. Компьютерные коммуникации за очень короткий срок (середина — конец 90-х гг.) создали огромное число речевых объектов, возникновение которых обусловлено потребностями коммуникации в условиях сверхбыстрой передачи больших объемов разнообразной информации. Эти объекты — тексты на русском, английском и других языках — смонтированы с рисунками, таблицами, графиками, анимационными фрагментами, аудио- и видеовставками. Неотъемлемую часть текстов такого рода составляют так называемые гиперссылки, обеспечивающие мгновенную связь между ассоциативно зависящими друг от друга различными документами (текстами, их группами или частями), находящимися в самых разных местах (сайтах) Сети. Таким образом, в конечном счете формируется некий гигантский гипертекст, объединяющий миллионы документов, находящихся в электронных сетях.

В каждом случае объединяющим фактором для этих объектов является язык: здесь мы рассматриваем исключительно русскоязычные тексты. Сразу же сталкиваемся с такой особенностью этих текстов, как частое использование транслитерации (транслита), то есть с передачей русских слов средствами не латинского даже, а английского алфавита, имеющегося (в отличие от кириллицы) на клавиатуре любого компьютера и «поддерживаемого» любым текстовым редактором и всякой программой просмотра электронных документов. Поскольку до сих пор подавляющее большинство текстов оформляется американцами и практически все компьютерные термины — это английские слова или американизмы (*Ошибки лечатся рефрешем фрейма, который глюкнул*: вот типичная фраза сетевого администратора, понятная каждому пользователю), пользование кириллицей, как правило, сопряжено с рядом трудностей (в компьютерной практике существует как минимум пять различных кодировок русских текстов: Windows-1251, KOI-8, ISO, Alternative и Macintosh), и далеко не всегда возможен легкий переход от латинского (точнее, английского) алфавита к кириллице. Именно этим объясняется постоянное стремление пользователей компьютерных сетей представлять тексты в транслитерации (или просто в переводе на английский). Понятно, что русскоязычный пользователь всегда предпочтет составлять и читать тексты на своем родном языке, а не на английском, навязываемом ему программным обеспечением. Появляются многочисленные русифицированные версии программ, игр; наряду с этим постоянно растет и число русскоязычных сайтов в Интернете.

Перечислим наиболее распространенные сейчас «электронные жанры»: собственно веб-сайт (который может включать в себя все нижеперечисленные объекты); домашняя страница (имеет меньший масштаб, нежели сайт); элек-

тронная библиотека; электронный журнал; электронное письмо; чат (разговоры «в прямом эфире»); гостевая книга; доска объявлений; коллекция программ; каталог (например, виртуального магазина); коммерческие объявления; рекламные баннеры.

Эти жанры можно объединить в две большие группы: жанры, тяготеющие к письменным текстам, и жанры, являющиеся своеобразным гибридом письменного и устного текста (самым характерным примером такого гибрида является, безусловно, чат).

Чат (от английского *chat* — треп, болтовня) — это разговоры в режиме реального времени, «здесь и сейчас». Этот жанр был бы невозможен без современных компьютерных средств коммуникации. Он необычайно демократичен: не требует ни дорогостоящего оборудования, ни специальной подготовки или образования (в отличие, скажем, от радиолобительства). Никто и никогда не мог до нашего времени говорить одновременно из разных концов света целой «компанией»: как правило, в одном чате в один и тот же момент времени общаются несколько десятков человек. Беседа, ее тематика не сдерживается и не ограничивается практически ничем: администратор, время от времени контролирующий разговор, следит в основном лишь за тем, чтобы его участники не употребляли нецензурных выражений, не произносили нацистских лозунгов и т.п. Каждый участник этого полилога — индивидуальность; он имеет свой электронный псевдоним (ник), который может по желанию менять даже на протяжении одного разговора: таким образом, одна и та же «виртуальная личность» может пользоваться несколькими псевдонимами (число их доходит иногда до тридцати и более). Названия самих чатов также весьма симптоматичны: *Беседка* (бывшая *Болталка-на-куличках*), *Диван*, *Кроватка* (последнее название недвусмысленно указывает на преобладающую тематику бесед на этом чате).

Чаты переполнены молодежным жаргоном. Заметим, что среди употребляемых жаргонизмов очень много специфических компьютерных терминов, либо английских, либо гибридных (корень — английский, суффикс — русский). Так, из термина-аббревиатуры ICQ («ай-си-кью», название чатоподобной программы, позволяющей общаться между собой: название происходит, как не сразу можно догадаться, от созвучной ему английской фразы «I seek you» — «Я ищу тебя») образовался аргоизм *аська* (она же — *ася*).

Диалоги в чатах наполнены ироническими восклицаниями, шутивными репликами. Здесь много реплик, имитирующих разговорную речь и просторечие: *Лето — это классно!*; *Док, ты круто ошибаешься*; *Приветик, корешок!*; *Тады ой*; *Ну енто штоб Вита напугать*; *Чмок*; *Ребята, есть кто живой?* *Это приколы такой?*; *Всем хаушки*; *Я тебя проздравляю*; *Могет тогда бухнем слегка?*; *Как жись?* На фоне иронических реплик выделяется пласт ласкательных слов, фамильярно-дружеских обращений. Макаронизмы, английские термины, имена (полулатиница, полукирилица смешиваются здесь весьма причудливым образом). Одно из интереснейших явлений в чатах — самоназвания (ники): имена, псевдонимы, клички, прозвища. Здесь используются имена героев книг, кинофильмов, мультфильмов, цитаты из песен. Разброс велик: от «высоких», псевдоромантических имен до нарочито сниженных, фамильярных.

Для собеседников в чатах характерно активное использование графических возможностей компьютера: разнообразных шрифтов, значков и знаков (своеобразных иероглифов), разных цветов. Установились символические обозначения улыбки, усмешки, громкого смеха (:), (:)), (:o)), ;-))) (так называемые «смайлики»). Понятно, что это именно иероглифы, так как, если развернуть этот значок на девяносто градусов, получим графическое изображение улыбки. Всякое выделение текста на дисплее — цветом, буквой, их величиной, гарнитурой (компьютер позволяет дать увеличение во весь экран!) воспринимается участниками беседы как стремление выделить свое сообщение как особый сигнал, и реакция следует немедленно. Как кажется, в дальнейшем еще много будет создано новых обозначений символов, особых знаков, иероглифов, сокращающих и упрощающих текст. Это бесконечное поле экспериментов и поисков.

Одна из важных характеристических черт всех текстов подобного рода — интерактивность. Интерактивность в наши дни стала знаменем времени: это и бесконечные опросы общественного мнения, и «горячие линии» на телевидении, и звонки в студию на радио, попадающие непосредственно в прямой эфир. Всякому ведущему (и вообще всякому говорящему и пишущему) необходим отклик, отзыв, по возможности — мгновенный. Такой отклик идеально обеспечивают средства компьютерной коммуникации. В чате интерактивность понятна: ведь чат — это по определению беседа. Но и электронное письмо — не совсем письмо старого рода: оно тоже предполагает быструю реакцию. Типичное замечание корреспондента: *Ты почему не отвечаешь?*, хотя письмо (E-mail) может быть отправлено всего за несколько часов (или даже минут) до этого.

Интерактивность электронных жанров проявляется и в отзывах в так называемых гостевых книгах (подобие «Книги жалоб и предложений» или книги отзывов на выставке, только здесь в заполнении книги может принять участие любой желающий из любой точки планеты), записи в *Заметках* (своеобразная «доска объявлений», существующая в качестве приложения ко многим чатам: в отличие от реплик собеседников, подаваемых в режиме реального времени, написанное в «Заметках» сохраняется в течение нескольких дней) и в установке на многие веб-страницы счетчиков посещений, фиксирующих, сколько человек побывало на данном сайте.

Очень демократичен совершенно новый текстовый жанр — электронная (виртуальная) конференция. Специфической особенностью этих конференций является то, что они используют вопросно-ответную форму из жанров интервью, но вопрос может быть задан не только, так сказать, «интервьюируемому», но и любому участнику конференции (в частности, самим интервьюируемым). Этот текст не может быть впоследствии (после окончания конференции) изменен, продолжен: он существует в определенной точке пространства (виртуального) / времени. Подчеркнем, что по форме это не диалог, а живой полилог, но включающий в себя многие черты письменного текста. Ничего подобного в каталоге жанров русского языка раньше не существовало.

Обратим внимание на полилоговый характер текста:

<DAPrigov Parker: извините, объясните, что такое лес?
<maramouka лес — это где грибы растут.

<Parker DAPrigoв: лес — это деревья.
 <Snezhka лес — это биоценоз
 ***Luzhin (Luzhin@desert.ixep.su) has joined #zhurnal
 <kompot лес — это баба-яга
 <Носук На самом деле, конечно, лес — это кладбище, потому что там тихо, но все не спят.
 <Snezhka лес — это все, что не народ :))
 <DAPrigoв Лена Сцилард!!! Ау!!! Где ты затерялась?
 *** Vedishij sets mode: +v Kuznet
 <lena Да, Димуля, я пробилась в ваш лес!
 <DAPrigoв Всем, кто про лес: вот-вот, вы сначала между собой договоритесь, а потом уж меня волнуйте ;))
 <DAPrigoв Lena: пробиться мало, скажи что-нибудь умное ;))
 <Parker Cyber-people... Забыли, что такое лес...
 <DAPrigoв Parker: уели ;)
 <Носук это сублимация. Мы все только что оттуда.

Заметим, что здесь все участники беседы равноправны. Каждый участник беседы независим. Каждый вносит свое представление, свое понятие о заявленной теме. Каждый может себе позволить иронизировать, шутить.

В то же время в этих текстах присутствуют четкие, синтаксически выверенные (как правило, достаточно усложненные) фразы, целостные предложения, логически последовательные ходы изложения, книжная лексика, а также полное отсутствие пауз колебания.

Еще одной сугубо письменной чертой виртуальных конференций является присутствие создаваемых собеседниками ремарок (высказываний от третьего лица) самого разного рода.

Синтаксически и грамматически естественно включаются в текст сообщения иностранное слово или выражение, иноязычная аббревиатура (в частности, такие типичные для виртуальных разговоров письменные сокращения, как *btw* — *by the way* (кстати), *imho* — *in my humble opinion* (по моему скромному мнению)). Немало в таких текстах макаронизмов разного рода (можно выделить новое явление — графический макаронизм: *лехический слой, техты; ни4его* (4 = ч)).

Мы приходим к выводу, что письменный полилог — это текст, который формирует структуры, не существовавшие прежде ни в одном другом жанре. Рассмотренные здесь подробно два электронных жанра (чат и виртуальная конференция) являются во многом показательными для определенной группы электронных текстов; каждый соединяет в себе наиболее типические черты тех жанров, которые объединены общностью коммуникативных установок. В обоих случаях мы имеем дело с полилогом, но полилоги эти различны. Отличия между ними создаются близостью чата к разговорной речи, несомненным сближением электронной конференции с книжной речью.

В чатах — хаотичные высказывания, короткие фразы, слова-приветствия, слова-обращения, слова-восклицания, слова-оценки, слова-пароли, слова, «обозначающие присутствие», — в общем, «перепасовка» словами, условность, герметичность (здесь возможно даже использование шифров).

В виртуальных конференциях — протяженные высказывания, вопросно-ответные конструкции, книжные слова, термины, определения понятий. Речевое сотрудничество при создании текста позволяет здесь реализовать определенную коммуникативную модель, которая, в свою очередь, формирует гипертему полилога.

В обоих случаях мы наблюдаем нарушение логической иерархии на синтаксическом уровне, повышенную эллиптичность сообщения, насыщение высказывания имплицитными формами речи.

Открытое сообщество в Интернете ставит перед лингвистом вопрос о различиях между «своим» и «чужим» словом в ситуациях корпоративного создания единого текста. Принято считать, что введенный в ситуацию обмена знак становится потенциальной принадлежностью любого участника обмена, то есть здесь мы имеем дело всё с той же постмодернистской ценностью. Всю эту типологическую группу текстов можно назвать гипержанром, возникшим в рамках особого типа языкового существования — электронного. Этот специфический модус бытования текста, связанный с электронными носителями, ставит вопрос об эфемерности границ письменного и устного текста в условиях развития новых средств коммуникации.

Примечания

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985.
2. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986.
3. Русская разговорная речь. — М.: Наука, 1973.

В.П.Калыгин *

Лингвистические аспекты реконструкции кельтской космологии

Космологические представления составляют основу *картины мира*, принятой в данной культуре. Космология объясняет, как устроено окружающее человека пространство и каким образом надлежит к нему относиться. Как отмечал французский этнолог А.Леруа-Гуран, «человеческая деятельность — это, наверное, не столько создание орудий, сколько освоение пространства и времени, т.е. создание очеловеченного пространства и времени» [3]. Действительно, как показали исследования мифологов, антропологов и лингвистов, представления о пространственно-временном континууме являются тем краеугольным камнем, на котором строится все

* Калыгин Виктор Павлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, руководитель проекта «Друиды и кельтская мифопоэтическая традиция» (97-04-06206а).

здание культуры. Значительная часть мифов и, соответственно, ритуалов воспроизводят или являются ответвлениями основного, космогонического мифа, описывающего возникновение вселенной. Космогонический миф в его классической форме не засвидетельствован у кельтов. Тем самым, мы можем оперировать лишь космологическими представлениями, сохранившимися в поздних мифологических сюжетах (мотивах) и в языке.

Основной целью исследования было выявить и осмыслить языковые явления, относящиеся к сформулированной в заглавии теме. Доступный нам материал сохранился преимущественно в текстах на ирландском и валлийском языках. Мы располагаем также данными континентальных языков, преимущественно галльского, но их сохранность и объем — в основном это эпиграфика и ономастика — не идут ни в какое сравнение с тем, что нам дают островные языки. Конечно, для таких целей годится не всякий текст. Так, краткие древнеирландские глоссы на полях латинской рукописи, содержащей Послание апостола Павла, мало что могут нам дать ценного. Наиболее информативны в этом отношении древнеирландские нарративные (саги) и «ученые» тексты. Хотя самые древние ирландские тексты датируются довольно поздним временем (VII—VIII вв.) и претерпели серьезную «редакцию» в монастырских скрипториях, они имеют первостепенное значение. Заметим, что время создания текста и время его письменной фиксации часто не совпадают: текст мог долгое время существовать в устной форме. Следовательно, необходим предварительный филологический анализ источников. Ирландская традиция, оказавшись на периферии индоевропейского мира и европейской цивилизации, сохранила многочисленные архаизмы как в культуре, так и в ее языке. Эта особенность позволяет, несмотря на огромный временной разрыв, сравнивать ее с гораздо более древними индоевропейскими традициями — древнеиндийской, хеттской, греческой, латинской и др.

Исследование мифологических представлений древних кельтов, как, впрочем, и других народов, предполагает обращение к текстам и к ключевым словам, отражающим принципиально важные понятия культуры (мифологии, в нашем случае). Особую роль здесь играет этимология, хотя значение этимологических данных иногда подвергается сомнению. В частности, Ж.Дюмезиль неоднократно скептически высказывался о целесообразности привлечения языкового материала для изучения истории религий: «...совпадение или родство имен богов менее важны, нежели соответствия между теологическими дефинициями или мифологическими темами, или нетривиальные соответствия в сложных правилах; ...доказательны лишь концептуальные соответствия...» [1].

Справедливость этих слов в целом едва ли следует подвергать сомнению, особенно принцип системности, но стоит заметить, что в ряде случаев этимология — это единственный доступный нам источник информации. К тому же это эффективное эвристическое средство. Конечно, этимология далеко не всегда в состоянии показать все перипетии истории имени того или иного божества или мифологического концепта. Принципиально важна интерпретация реконструкта, его первоначальной мотивировки, которая может указывать на концептуальную сферу, в которой появилось это слово. Однако, интерпретация реконструкта часто затрудняется тем обстоятельством, что мифологические представления весьма подвижны. Реконструируя, мы часто

склонны искать строго упорядоченную и совершенно непротиворечивую систему, забывая, что реально засвидетельствованные мифологии не столь уж «непротиворечивы», хотя бы потому, что представления о стройности системы в разные времена и у разных народов весьма отличались от наших.

Речь пойдет о тех возможностях в исследовании кельтской мифологии, которые дает этимологический анализ в сочетании с интерпретацией текста, особенно в той части мифологии, которая не представлена в текстах эксплицитно. Каких-то общих методологических рецептов здесь нет, поэтому полезно помнить высказывание Ж.Дюмезиля: «Мой метод — это длинная череда раскаяний» [2].

В древнеирландском языке для обозначения «мира» есть два слова *bith* и *domn*. Оба они функционируют как синонимы без видимых концептуальных различий и относятся к одному денотату — (тварному) миру людей. Примерно так же обстоит дело в современном русском языке со словами *свет* и *мир*. Сходная ситуация наблюдается в (средне)валлийском, где фигурируют *byd*, этимологически родственное др.-ирл. *bith* и происходящему из индоевропейского *g^witu- (от индоевроп. корня g^wei- ‘жить’), и *elfydd* из *albijo- (от и-е *albh- ‘белый’), архаическое слово, встречающееся в поэзии. И в том, и в другом языке «мир людей» противостоит «иному миру»: др.-ирл. *sīd* и ср.-валл. *annwf(y)n*.

Обращение к этимологии этих слов и анализ семантических мотивировок показывает, что в предшествующие эпохи состав и взаимоотношения слов, обозначавших «мир», были другими.

Др.-ирл. *domn* ‘мир’ является закономерным продолжением пракельтской формы **dubno-* и связан в ирландском с *domain* ‘глубокий; дно, глубина’ (из **dubni-*) и *dobur* ‘темный; вода’ (из **dubro-*, откуда валл. *dwfr* ‘вода’). Эта основа широко представлена в ономастике: др.-ирл. *Domnall* < **dubno-walo-* ‘властелин мира’ (откуда англоязырованное имя *Donald*), *Dumnor(e)ix* < *dubno-rīg-s (второй компонент соответствует др.-инд. *gāja-*, лат. *rex* ‘царь’) и др. Этот корень встречается среди названий племен, напр., племя *Dumponioi*, отмечаемое античным географом Птолемеем в совр. Корнуоле, а также *Damponii*, жившие к югу от Каледонии; этнос *Domnainn* известен на востоке Ирландии. За этнопонимом *Domna(i)nn* стоит имя божества (теоним) *Dubnū (м.р.) или *Dubnopā (ж.р.). О том, что в основе номинации лежит значение *глубокий, нижний, донный, связанный с водной стихией*, говорилось многократно [4]. Реконструируемое первоначальное значение свидетельствует об изменениях, имевших место в семантике этих слов и соответственно в представлениях об устройстве мира. Указание на некий *нижний мир* отсутствует в др.-ирл. *domn*, которое всюду означает ‘мир, населенный людьми’. В валлийском среди производных от **dubno-* и **dubro-* представлены *dwfn* ‘мир, глубина’ и *anoddyn* бездна (из **an-wo-dubno-*), а также название потустороннего мира *Annwfn*.

Обратимся теперь к источникам, содержащим информацию о локализации и/или о стратификации «миров» в кельтских традициях. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в ирландской традиции небо не фигурирует как самостоятельный, населенный богами уровень мифопоэтического универсума, во всяком случае терминологически. События, о которых повествуют сказания, разворачиваются на земле или на воде, либо

под землей или под водой. Возможно, этим в какой-то мере объясняется поздний характер астрономической терминологии в ирландском и валлийском языках.

В валлийских источниках есть вполне ясные указания о локализации сферы, обозначаемой *elfydd* [elʲɨd̪]. Так, в поэме из «Книги Талиесина» говорится: *yn Annwfn is eluyd, yn awyr uch eluyd* “в Ином мире [что] ниже *elfydd*, в воздухе [что] выше *elfydd*”. Таким образом, можно заключить, что *elfydd* “мир” помещается между «воздухом» (*awyr* из лат. *aer*) и неким потусторонним миром *Annwfn* и является миром людей. В гойдельских языках (ирландском и шотландском) засвидетельствован лишь топоним *Albu*, восходящий к **albijū* и первоначально относившийся ко всей Британии, а затем ставший названием Шотландии, а также личное имя одного из полумифических предков лейнстерских королей *Alb*. В античных источниках жители Британии называются *Albiones*. Ни в валлийском, ни в корнском **albijū* не засвидетельствовано в качестве топонима. вполне правдоподобно выглядит мнение, высказанное Дж.Куком [5]: *Albiones* — самоназвание жителей Британии, вытесненное позднее другими этнонимами — *Pridain*, *Brython* в отношении всего острова и *Сутгу* в отношении его части — Уэльса. В галльском зафиксированы имя вождя *Albiogix*, названия местностей, племен и теонимы. Тем самым, можно сделать вывод, что лексемы **albi(j)o-* и **albijū* существовали в континентальных кельтских языках и обозначали “мир, обитаемая поверхность суши”, а его пракельтский прототип **albio(n)-* имел значение, которое по-русски хорошо передается как “свет”. От последнего, в конечном счете, был образован этноним *Albiones* и название территории — *Albion*. Основа на *-(i)on-* женского рода указывает на то, что исходным могло быть имя богини, персонифицирующей страну / соответствующую часть космоса. Аналогичный способ наименования засвидетельствован и в ирландском: название Ирландии идентично именам богинь *Ēriu*, *Banba*, *Fōtla*.

В приведенном выше поэтическом фрагменте из «Книги Талиесина» *elfydd* противопоставляется потустороннему миру — *Annwfn*. По поводу этимологии последнего единодушие отсутствует. Разногласия возникают, в основном, из-за того, что начало слова допускает несколько фонетических толкований. Наиболее вероятной с типологической точки зрения является праформа **ande-dubno-*, где первый элемент оказывается в родстве с др.-инд. *bḍhara* ‘нижний, низ’. Таким образом, семантика первого компонента как бы усиливает семантику второго, основного компонента композита **dubno-* “темный/нижний”, т.е. либо “очень низкий/темный”, либо “нижне-нижний/темный”. Такого рода семантическая регенерация, т.е. усиление старого, «ослабленного» значения путем прибавления нового элемента с тем же значением, отмечается в валлийском (народно-этимологическом) названии волшебной страны *Plant Rhys Ddwfn* “(страна) детей Рис Дун” < **Plant* *yr Is-ddwfn* “дети нижнего мира” или **Plant Rhi Is-Ddwfn* “дети царя нижнего мира” [6], где *is* “нижний”, а *dwfn* < **dubno-*. **Is-ddwfn*, таким образом, является синонимом *Annwfn* “иной мир”, который противопоставлен архаическому *dwfn* у поэта Давида ап Гвилима : *I Annwfn o ddwfn yd af* “в Иной мир из мира (?) иду я”.

Приведенные валлийские контексты как будто свидетельствуют о том, что исходной бриттской оппозицией была **albio-* : **dubno-*. Позднее **albio-*

превратилось в топоним, обозначающий Британию, а *dubno- стало обозначать мир, населенный людьми, постепенно уступая место слову byd. На основе сохранившегося галльского материала можно предполагать, что некогда были противопоставлены dubno- и albio-. Строго говоря, мы можем им приписать значение “мир” на основании этимологического анализа и некоторых косвенных сведений, как, скажем, божеству Albios поклонялись в горах (в Альпах или их отрогах).

*Albio- и *dubno-, очевидно, относятся ко времени существования пракеельтского языка и, хотя на пракеельтском уровне оба слова семантически прозрачны, их «концептуальное обоснование» лежит глубже.

Значение “светлый” в обозначениях «мира» представлено и в других индоевропейских языках. Разумеется, это слав. svěť. Подобная мотивировка отмечена у др.-инд. lokb- ‘мир’ < и-е *leuk- ‘светить’ (ср. др.-инд. gucate ‘светит, сверкает’, гока- ‘свет’, ср. эпитет галльского Марса Loucetius). Эти «схождения» можно объяснить как синонимические замены в пределах одной «концептуализированной области» [7], т.е. культура сохраняла прежние представления о пространстве, тогда как язык стал использовать иные, но синонимичные, средства для выражения этих идей (ср. русск. белый свет).

«Космологическим» терминам albio- и dubno- соответствуют имена богов (теонимы), соотносимых с соответствующей частью мироздания. Это галльское божество Albiorix (Albios) и богиня-эпоним Британии-Альбиона Albion-, с одной стороны, и *Dubno(no)-s и соответствующий женский персонаж *Dubnonā, с другой стороны. Отметим формант -on-, характерный для теонимов и этнонимов: ср. в германских языках Odhr < Wodu-z и Odhinn / Wodan < Wodana-z, в латинском Belona (от bellum ‘война’), в галльской теонимике Matrona (лат. Matrona), Rigantonā ‘царица’ (вал. Rhiannon), Epona (*ek^wos ‘конь’). Далее, имена богов дают названия территориям, т.е. образуют топонимы. Эти соотношения можно представить в таблице:

«космоним»	*albio- “светлый мир”	*dubno- “темный мир”
теоним	*albio-(rix)/*albion-	*dubno-(rix)/*dubnona
этноним	Albiones	Dumnonii, Fir Domnann
топоним	Albion	Dumnonia, Domna(i)nn

Кельтские космогонические мифы о возникновении двучастной вселенной до нас не дошли. Дуальные космологические системы широко распространены, и не только в индоевропейском мире, о них существует обширная литература [8]. Эти системы по своей типологии архаичны; они имеют тенденцию регенерироваться и сосуществовать с иными космологическими системами. Ограничимся ссылкой на древнеиндийскую космологию.

Ведийский термин godasi обозначает ‘небо’ и ‘землю’ как две части мироздания; этому понятию соответствует дуальное божество Dyāvartṛhivī “Небо-Земля”. Однако трехчастная система, включающая gōjas- ‘воздушное пространство’, противостоящее gosaṅb- как «темное пространство» «светлому», в гимнах Ригведы встречается чаще. Одновременно существуют двучленная и трехчленная модели, а последняя могла еще включать в каждом

уровне три подуровня, и, кроме того, особого царства Ямы, находящегося на верхнем небе [9]. Концепция трехчленного пространства существовала и в Уэльсе, о чем можно судить по приведенной выше цитате из Книги Талиесина.

Рассматривая кельто-германские схождения в области религии, Э.Поломе [10] отмечает, что в обеих ветвях верховный индоевропейский бог *Dīūs уступил место своим атмосферным иерофаниям, будучи вытесненным богом-громовиком — герм. *Thunar(az), кельт. Taranis/Tanaros или лит. Perkūnas, слав. Perunъ. Этот процесс Поломе относит к индоевропейскому периоду. Из рассуждений Поломе следует, что трансформации небесного божества связаны в той или иной мере с возникновением и распространением идеологии трех функций, описанных Ж.Дюмизелем [11]. И-е Dīūs образовано от *dei(H)- ‘светить, светлый’, давшего как теоним др.-инд. Dyāuh ‘(обожествленное) небо’, греч. Zeus, лат. Iu(p)iter, так и слово со значением ‘бог’ (на другой ступени огласовки корня) — др.-инд. devbh, лат. deus, др.-ирл. dīa ‘бог’ и др. Исходным, по-видимому, следует считать значение ‘светлый’, лежащее в основе имени этого бога как *повелителя светлого мира* — *Dīūs ‘Бог-Небо’, так и светлой части суток *d(e)in- (в частн., русск. *день*). Материал ирландских саг позволяет считать, что трансформированным продолжением индоевропейского Дьеуса частично является один из предводителей Племен богини Дану Дагда (Dagdae ‘хороший бог’ < *dago-deiṵos), олицетворявший изобилие. Все эти языковые и мифологические трансформации, имевшие место между условной точкой, именуемой «индоевропейский праязык», и письменно засвидетельствованными дочерними традициями, происходили в рамках концепции противостояния двух начал — светлого, небесного и космоизирующего, с одной стороны, и темного, хтонического и хаотического, с другой. Иными словами, так наз. основной миф, содержание которого сводится к поединку бога-громовика с змеевидным противником, может рассматриваться как (стадиально) более поздняя трансформация. Кельтская оппозиция *albios : *dubnos находится в рамках более древнего мифа.

Вторая часть оппозиции — «темное начало», «темный мир» — по понятным причинам более подвержена разного рода заменам, прежде всего, табу. Табуирование может проявляться по-разному. Существующая литература по этому вопросу дает основания заключить, что замена теонима или иного сакрального термина происходит не произвольно, но в рамках определенных ассоциативно-семантических рядов и при этом слово-заменитель выражает определенную характеристику табуируемого имени. Так, в русской традиции известны многочисленные имена-субституты *черта*: черный, темный, кудлатый, косматый, рогатик, корнахвостик, корноухий, рябой, неумытый, нечистый, беспятый и др. По сути дела, приведенный ряд слов является набором эпитетов, описывающих функциональные и качественные характеристики объекта, и может служить базой для дальнейших изменений в названии нечистой силы, т.е. теоретически возможно превращение каждого из названных эпитетов в имя самостоятельного бога.

Неоднократно высказывалось мнение, что в основе сюжета главной ирландской саги «Похищение быка из Куальнге» лежит битва двух архаических божественных персонажей Финда (Find ‘белый’) и Донна (Donn ‘темный’),

воспроизводящая первоначальный конфликт «светлого» и «темного» начал. Этот сюжет «регенерируется» в истории Финна мак Кумала и его противника Голла мак Морна (Goll “одноглазый”). Сюда же следует добавить, пожалуй, самый известный поединок в ирландской мифологии — битву Луга и Балора. Архетипическая схема — «светлый» бог поражает «темного» бога — сохраняется в ирландской традиции и на языковом уровне.

«Темное» начало кодируется производными от и-е **dhew-* “темный, черный”, корня, давшего значительное количество космологических терминов в родственных языках. Имя быка из «Похищения» и архаического божества Donn восходит к нулевой ступени **dhwosno-* (ср. валл. *dwyn* “subfuscus”, др.-инд. *dhusaga-* “цвета пыли, серый”, лат. *fuscus* “темный”). К юго-западу от Ирландии есть остров, который имеет два названия: *Tech Duinn* “Дом Донна” и *An Tarbh* “Бык”. Согласно версии К.Мюллер-Лисовски, *Tech Duinn* и *An Tarbh* являются результатом распада первоначально единого топонима *Tech Duinn Tairb [12]. В народных представлениях этот остров фигурирует как место сбора душ умерших перед их отправкой на далекие острова, т.е. *Tech Duinn* — кельтский Аид на пути к Островам блаженства (др.-ирл. *Mag Mell*, *Tír na n-Og*). Появление в составе топонима *быка* объясняется тем, что бык ассоциируется с *Донном* как атрибут последнего.

С корнем **dhew-* связано обозначение “человека” в древнеирландском: *donn* ‘люди’ < *dhewenoi ‘смертные’; парадигма единственного числа восходит к другой лексеме — *gdonios “земной” др.-ирл. *duine*, валл. *dyn* и имеет точное соответствие в греч. *χθόνιος*: “подземный (о богах)”. В ирландском, скорее всего, по фонетическим причинам произошло смешение не только двух парадигм, но и индоевропейских оппозиций: «смертные» : «бессмертные» и «земные» : «небесные». Последняя засвидетельствована в надписи из Верцелли (Цизальпинская Галлия) *TEVOXTONI* = /*devogdoni*/ ‘богам и людям’. Если др.-ирл. *dā* обозначало всех существ иного мира, то в галльском, по всей видимости, *devo-* противопоставлялось *anderōs ‘нижние (боги)’. В табличке из Шамальер, при некоторой неясности в деталях, *andednon* противостоит *diniuon*.

Божества «нижнего мира» у кельтов получали наименования не только по признаку-концепту «темный/нижний». Нельзя обойти молчанием галльский теоним *Vellaunos*. Р.О.Якобсон сопоставил *Vellaunos* < **wel-s-au-n-o-* с слав. *Волось/Велесъ*, ст.-лит. *Veles*, дух смерти, и др. производными от и-е **wel-*, связанного с обозначением различных аспектов потустороннего мира (богатство, плодородие) и его повелителя-противника Громовержца [13]. Возможно, *Веллаун* изображен на так наз. Юпитеровых колоннах из Белгики и Верхней Германии, на которых всадник (Юпитер), держащий молот и колесо, повергает змееподобное существо.

Завершая обзор материала, содержащего реликты дуальной космологии у кельтов, попытаемся сделать некоторые замечания общего порядка.

Космология, основанная на противопоставлении светлого и темного миров, в островных кельтских традициях носит явно пережиточный характер. В островных языках ко времени их письменной фиксации она практически исчезла, оставаясь еще продолжительное время в мифологических (и производных от них) сюжетах и мотивах как в силу традиции, так, вероятно, и потому, что такого рода оппозиции относятся к числу базовых

и обладают способностью регенерироваться. К общекельтскому периоду можно было бы отнести формирование «хтонизирующих» тенденций, приведших к устранению «вертикали» в картине мироздания; они просматриваются, в частности, у италиков и у германцев. Так, напр., *mundus* 'мир' как образ мира в форме ямы можно было бы в первом приближении сопоставить с кельтскими культовыми шахтами, встречающимися в разных частях кельтского мира. Одна из таких шахт была обнаружена в Вандее; она имеет глубину двенадцать метров и содержит керамические сосуды, человеческие кости и вертикально поставленное дерево, у корней которого лежит выдолбленный чурбан [14].

Таковы некоторые лингвистические аспекты реконструкции кельтской космологии. Но последнее слово в анализе этой проблематики еще далеко не сказано.

Примечания

1. Dumézil G. *Dièsses latines et mythes vïdiques*. — Bruxelles, 1956. — P. 117.
2. Dumézil G. *Mythes et dieux des Indo-Européens. Textes réunis et présentés par Hervé Coutau-Beatie*. — Paris, 1992. — P. 229.
3. Leroi-Gourhan A. *Le geste et la parole*. — Paris, 1965. — P. 139.
4. См., напр.: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под ред. О.Н.Трубачева. — М., 1978. — Т. 5; Vendryes J. *La famille du latin mundus «monde»* // *Mémoires de la société de linguistique de Paris*. — 1913. — Т. 18. — P. 305—310; Топоров В.Н. *Πυθων*, Ahi Budhnya, Бадняк и др. // *Этимология* 1974. — М., 1976. — С. 3—15.
5. Koch J.T. *Ériu, Alba and Letha: when was a language ancestral to Gaelic first spoken in Ireland?* // *Emania. Bulletin of the Navan research group*. — 1991. — т. 9. — P. 4—6.
6. Rees A., Rees B. *Celtic heritage*. — London, 1961. — P. 179.
7. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. *Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия*. — М., 1993.
8. См., например: Gonda J. *The dual deities in the religion of the Veda*. — Amsterdam—London, 1974.
9. Елизаренкова Т.Я. *Язык и стиль ведийских риши*. — М., 1993. — С. 16; Zimmer H. *Altindische Leben*. — Berlin, 1879. — S. 457 ff.
10. Polom, E.C. *A few notes about religious correspondences between Celtic and Germanic // Indogermanica et Caucasia. Festschrift für Karl Horst Schmidt*. — Berlin—New-York, 1994. — P. 143.
11. Дюмезиль Ж. *Верховные боги индоевропейцев*. — М., 1986.
12. Muller-Lisowski K. *Donn Firine, Tech Duin, An Tarbh* // *Etudes celtiques*. — 1952. — Vol. 6.
13. Jakobson R. *The Slavic god Veles and his Indo-European cognates* // *Studi linguistici in onore di V.Pisani*. — Brescia, 1969. — Vol. 2. — P. 593; Топоров В.Н. *Предыстория литературы у славян*. — М., 1998. — С. 97 сл.
14. Cunliffe B. *The Celtic world*. — London, 1992. — P. 92—93.

Комплексное изучение человека. Психология. Педагогика

А.М.Иваницкий *

Три урока науки о мозге

Три главные проблемы стояли перед наукой XX века: строение материи, наследственность и сознание человека. В решении первой проблемы решающий шаг был сделан теорией относительности и квантовой механикой; в середине века был расшифрован генетический код. Тайна сознания осталась неразгаданной. Однако мы во многом приблизились к ее решению. Этому способствовали создание технологий изображения работающего мозга человека, разгадка ритмического кода передачи нервных сообщений (это заслуга, в основном, российских ученых), описание физико-химической природы нервного возбуждения. В результате был достигнут значительный прогресс в диагностике и лечении нервных и психических болезней. Доказана принципиальная возможность, на основе объективных показателей работы мозга, контролировать работу операторов сложных систем с целью предупреждения ошибочных решений.

Однако хотелось бы сказать о некоторых уроках, которые дает нам наука о мозге и которые нужно знать и использовать в жизни каждого человека и общества в целом с тем, чтобы кодекс поведения соответствовал законам мозга. Скажем о трех таких уроках, базирующихся на наиболее фундаментальных закономерностях работы мозга.

1) **Учиться думать и чувствовать.** Мозг — всего лишь аппарат мыслей и чувств. Мозг новорожденного напоминает компьютер, лишенный программ. Однако этот компьютер — живой, он обладает уникальным свойством самостоятельно создавать программы на основе жизненных уроков. Все высшие психические функции возникают в процессе обучения. Экспериментально установлено, что даже для простого ощущения (например, чтобы увидеть цветок) необходимо участие памяти. Ключевой момент в развитии мозга — установление связей между его отделами в ответ на получение новой информации. Показано, что нахождение молодых животных в информационно обедненной среде замедляет созревание мозга и образование синапсов, то есть структур, передающих сигнал от одной клетки к другой (это данные проф. В.В.Раевского из Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН). Известен феномен Маугли — ребенка,

* **Иваницкий Алексей Михайлович** — член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, координатор секции социальных проблем медицины и экологии человека Экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогике Российского гуманитарного научного фонда, руководитель проекта «Вербальное мышление и вербальная память: корковые механизмы» (99-06-00059а).

выросшего среди животных. Такие дети в дальнейшем лишь с трудом могут адаптироваться к жизни среди людей.

Ребенок с раннего возраста должен учиться думать, принимать осмысленные решения, чтобы не быть в жизни заложником стереотипов поведения, подобных тем, которые навязывает нам реклама. Важно, что обучение не только создает новые связи, оно тренирует мозг, который в результате научается работать более эффективно. Слова Н.Заболоцкого «душа обязана трудиться» выражают суть дела очень точно. Труд души не вреден для здоровья. Наоборот, неработающий мозг стареет быстрее, как любой другой неиспользуемый орган.

Хорошо сказал о том, что такое думать, молодой И.П.Павлов: «Думать — это упорно исследовать предмет, иметь его в виду и ныне, и завтра, писать, говорить, спорить о нем, подходить к нему с одной и другой стороны, собрать все доводы в пользу одного и другого мнения о нем, устранить все возражения, признать пробелы, где они есть, короче — испытать и радость, и горе серьезного умственного напряжения, умственного труда».

При принятии решений мозг действует подобно тому, как это происходит в государстве (возможно, правильнее сказать наоборот: государство устроено так же, как мозг). Необходимую для принятия решения информацию мозг собирает в едином центре. Для этого он использует принцип, сходный с принципом резонанса. Чем чувствительнее мозговой камертон, чем больше накоплено знаний, тем более взвешенным и точным будет решение. Так, например, во время выборов привычка думать помогла бы каждому гражданину сделать правильный выбор перед опусканием бюллетеня, что существенно повысило бы компетентность и эффективность властных структур.

Но одного умения мыслить недостаточно. Важно воспитать в себе и в своем ребенке тонкость чувств, причем радоваться и огорчаться надо не только за себя, но и за других. Высокие чувства — верный подсказчик там, где бессилён разум, без них жизнь лишена радости и красок. Важную роль играет и воспитание потребностей, их разумное ограничение и замена потребительства стремлением к новому, красоте и творчеству. Высокий разум — это и высокие чувства. «Гений и злодейство — две вещи несовместные» — эти слова Пушкин вложил в уста Моцарта. Музыка — одно из могучих средств эстетического воспитания. Не потому ли, что мозг кодирует информацию в ритмах электрических сигналов и представляет собой, по существу, удивительный и совершенный музыкальный инструмент.

2) Решимость действовать. Мозг, выросший в процессе эволюции из простого рефлекса, разделен на воспринимающие и исполняющие отделы, которые должны работать в гармонии. Поэтому умение принимать осмысленные решения составляет только половину дела. Принятые решения нужно реализовывать в действиях. Решения без действия так же вредны, как действия без мысли. В шутовском выражении «лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть» есть доля истины. Чтобы не жалеть слишком долго, нужно отслеживать возможные ошибки, исправляя их путем повторного включения цикла «мысль — действие». Многие наши беды проистекают из того, что те, кто думает, не действуют, а те, кто действует, не думают.

3) Сознание, свобода и мораль. Проблема сознания стоит на стыке естественно-научного и гуманитарного знания. Ее решение — важнейшая

задача науки XXI века. В центре нашего сознания лежит ощущение своего «я» как хозяина и распорядителя наших мыслей и действий. Следовательно, чувство свободы — базисное свойство сознания, и человек ощущает полноту жизни, раскрывает свои возможности, только если он может воплощать в жизнь то, о чем говорилось раньше: принимать решения и действовать в соответствии со своими убеждениями и чувствами. Свобода тесно связана с двумя другими фундаментальными понятиями — ответственностью и моралью, которые, по мысли академика П.В.Симонова, образуют сферу сверхсознания. Несвобода деформирует сознание, искажает мораль и освобождает от ответственности. Следствие несвободы — двойные стандарты мышления, внутренняя готовность оправдать неблагоприятный поступок обстоятельствами и необходимостью выполнять чужую волю. Органическое единство сознания и совести отражено в языке как высшем продукте деятельности мозга: слова «сознание» и «совесть» близки по смыслу. Интересно, что слово «сознание» возникло из латыни, а слово «совесть» пришло из греческого языка через эмоционально-насыщенный церковнославянский и образовалось от глагола «ведать», т.е. «знать». Однако эти понятия объединены не только по смыслу, но и анатомически. Еще в середине прошлого века было замечено, что массивное повреждение лобной коры, которая играет ключевую роль в сознании, часто приводит к тому, что человек меняется, становится лживым и безжалостным к окружающим. Дети страдают при этом особенно сильно, им значительно труднее усваивать нормы морали.

Совесть и мораль накладывают внутренние ограничения на пользование свободой, которая не должна нарушать право на свободу у других. Все остальные ограничения свободы должны иметь разумные основания. Таковы семейные, служебные, гражданские и другие обязанности. Разумен должен быть и закон, ограждающий общество от противоправных действий индивидуума. Принцип «не поступай с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступали с тобой» заложен в основных религиях, но можно сказать, что он опирается и на твердое научное знание. Нужно, чтобы он органически был усвоен каждым, это важная составляющая воспитания.

Наука ищет подходы и к пониманию мозговой основы более высоких душевных движений. Так, исследованиями П.В.Симонова было показано, что альтруизм и эгоизм имеют биологические корни. Большинство крыс в его опытах сильнее реагировало на свои болевые ощущения, но одна треть была более чувствительна к сигналам боли, исходящим от других особей. Самое интересное и важное для нас то, что особи-альтруисты оказываются более устойчивыми к стрессу (стало быть, природа охраняет этих избранных). Они же, как правило, занимают лидирующее положение в группе. Не значит ли это, что гуманные принципы существования сообществ заложены самой природой и отклонения от них, в виде тираний или коррупции власть имущих, нужно рассматривать как аберрации, противоестественные эпизоды в развитии человечества?

В заголовке стоят слова — оптимальная модель поведения. Встает вопрос: почему же мы живем хуже, чем это вытекает из сказанного и чем позволяют возможности нашего мозга. Одна из причин заключается в том, с чего я начал: мозг должен учиться, а это требует усилий. Недаром И.П.Павлов писал не только о радостях, но и о горе умственного труда.

Другая причина в том, что сам мозг представляет собой результат длительной эволюции. Он строился не по единому плану, а путем надстройки верхних этажей над нижними. Следовательно, известная доля несовершенства есть и в самом мозге. Тем не менее, контроль высших отделов над нижележащими — один из принципов устройства мозга. Не случайно еще Платон сравнивал разум с возницей, управляющим повозкой, в которую запряжены два коня: непокорная душа страстей и благородная душа мужественности. Управление повозкой своей судьбы — непростое искусство.

Научиться жить хорошо — трудная задача для каждого человека и общества в целом. Тем не менее, это необходимо. Опыт человечества показывает, что достоинство граждан и моральный облик власти оказываются, в конечном счете, самым важным для благополучия и процветания нации, определения ее места в мировой цивилизации.

Д.С.Лихачев говорил, что, в отличие от признанной нормы, не бытие определяет сознание, но сознание определяет бытие. Наша жизнь будет такой, каково наше сознание — надо войти с этим в XXI век. Выполнять эти уроки: думать и действовать, сочетая свободу и мораль, — значит жить в гармонии со своим мозгом и, следовательно, с самим собой.

М.М.Кашапов *

Теоретические основы исследования и формирования педагогического мышления

В быстро меняющихся условиях жизни то, что было актуально вчера, оказывается устаревшим сегодня. Демократизация общества изменила мироощущение человека, вызвала рост его самосознания. В связи с этим возникает новый уровень взаимоотношений в школьном коллективе, основу которых все в большей степени составляют сотрудничество и равноправное партнерство. Социоцентрический подход в воспитании меняется на гомоцентрический, где центральное место занимает ученик. На первый план выдвигается идея гуманизации педагогической деятельности.

Сложная по своему содержанию и динамичная по протеканию педагогическая деятельность требует от учителя ее осмысления с целью усовершенствования. В связи с этим вопрос формирования профессионально значимых особенностей педагогического мышления (ПМ) является одним из актуальных в системе подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. По мнению Ю.Н.Кулюткина, Г.С.Сухобской, Л.М.Митиной, А.А.Реана, В.А.Якунина, Д.В.Вилкева, С.Г.Вершловского, А.К.Марковой и других психологов, многие педагоги неспособны успешно разрешать возникающие в

* Кашапов Мергалис Мергалимович — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, руководитель проекта «Психология педагогического мышления: теоретические основы и формирующий эксперимент» (00-06-00245а).

учебно-воспитательном процессе педагогические проблемные ситуации. Оказывается, что преподаватели, имеющие хорошую предметную подготовку, испытывают серьезные затруднения в коммуникативной, в том числе и воспитательной, сфере педагогической деятельности. Следовательно, именно эта область профессионально-педагогической деятельности преподавателей нуждается в соответствующем психологическом сопровождении и поддержке.

Актуальность психологического исследования ПМ обусловлена также и тем, что конкретные интересные работы Е.К.Осиповой, А.А.Орлова, С.Т.Каргина и других психологов так и остаются отдельными исследованиями, поскольку нет целостной теории. В то же время общеизвестно, что надежность методик исследования и формирования ПМ определяется степенью разработанности теории.

В отечественной психологии ПМ рассматривается, во-первых, как видение педагогической сущности в познаваемых явлениях; во-вторых, как системное качество субъекта, выполняющего педагогическую деятельность. Основным недостатком в этих случаях является предельно обобщенный подход. На наш взгляд, понимание ПМ нуждается в психологической конкретизации.

Можно выделить следующие направления психологического анализа ПМ: 1) **деятельностный подход** — исследование тех особенностей педагогической деятельности, которые становятся предметом мыслительной деятельности учителя (В.Д.Шадриков, Б.Ф.Ломов, Ю.К.Корнилов, А.В.Карпов, В.Н.Дружинин, Ю.П.Поваренков); 2) **личностный подход** — изучение психологических механизмов организации и регуляции учителем процесса познания себя и тех педагогических явлений, в контексте которых он осуществляет свои профессиональные функции (Л.М.Митина, М.К.Тутушкина, E.Jones, C.Kelly, K.Davis, H.Kelley); 3) **ситуационный подход** — исходя из развиваемого им понимания природы социальных, в том числе и педагогических ситуаций и их влияния на поведение, предлагает иную возможность — изменение ситуации за счет модификации тех или иных ее базисных черт, что влечет за собой изменения в поведении и взаимодействии участвующих в данной ситуации людей (Н.В.Гришина, Л.Росс, Р.Нисбетт, М.Аргайл, D.Magnusson, N.Endler, M.May, H.Hartshorne, W.Mischel).

Наиболее последовательный **деятельностный подход** к пониманию структуры субъекта профессионализации представлен в концепции системогенеза деятельности, разработанной В.Д.Шадриковым и его последователями. Опираясь на данный подход, можно провести анализ структуры профессиональной активности (селективности) ПМ. В качестве единицы психологического анализа структуры ПМ можно выделить **проблемность**, которая определяет избирательное отношение и нормативный уровень профессиональной продуктивности и зрелости педагогического решения. Рассматривая вслед за С.Л.Рубинштейном проблемность как изначальную неданность и неполную заданность конечного результата, или конечной стадии, мышления как процесса, становится очевидным, что проблемность — неотъемлемая черта познания, она выражает субъективное состояние познающего; она закономерно вытекает из отношения познания к бытию, объекту или явлению.

Проблемность ситуация приобретает при обнаружении в ней противоречий и порождает процесс мышления, направленный на «снятие» противоре-

чий. «Снятие» установленных противоречий есть не что иное, как процесс решения учителем определенной педагогической задачи. Задача, возникающая в той или иной ситуации, и есть цель, данная в определенных условиях. В зависимости от конкретной задачи профессиональной деятельности можно говорить об относительной целесообразности определенного уровня обнаружения проблемности в решаемой и преобразуемой педагогической ситуации. В связи с этим, бесспорную ценность для нашей работы представляет идея В.Д.Шадрикова о том, что развитие профессиональной деятельности представляет собой системогенез, а также мысль о связи развития познавательных способностей с появлением в их структуре операционных механизмов.

В контексте **личностного подхода** Е.М.Григорьевой проведена экспериментальная и эмпирическая проверка некоторых составляющих введенного нами в психологический оборот конструкта «абнотивность» и дано следующее определение этому понятию: «**Абнотивность** — это комплексная педагогическая способность учителя к адекватному и своевременному принятию и сопровождению креативного ученика». Эта способность проявляется в умении заметить одаренного ученика и оказать необходимую помощь в развитии его творческого потенциала. Абнотивность включает в себя креативность самого педагога, мотивационно-когнитивный компонент и социальный интеллект. Включенность последнего в состав конструкта была проверена и доказана экспериментально.

Ситуационный подход как интегрирующий позволяет, на наш взгляд, выявить следующие особенности познания и преобразования процесса педагогического взаимодействия: 1) в случае доминирования деятельностного подхода актуализируется ситуативный уровень обнаружения учителем проблемности в решаемой педагогической ситуации; 2) в случае преобладания личностного подхода осуществляется надситуативный уровень обнаружения проблемности. Учет многоуровневой природы мыслительной активности позволяет выделить следующие типы ПМ: ситуативный и надситуативный.

В исследованиях, проводимых под нашим руководством Т.Г.Киселевой, О.В.Мельниковой и М.Н.Войтович, установлено, что в соответствии с содержанием ведущих форм профессионализации учителей можно выделить и основные критерии сформированности ПМ: *профессиональная зрелость, профессиональная продуктивность, профессиональная результативность, профессиональная эффективность.*

Профессиональная зрелость свидетельствует о возможностях учителя адекватно познавать и оптимально разрешать педагогические проблемные ситуации. Оптимальность педагогического решения включает в себя: а) правильность, б) экономичность, в) оперативность, г) креативность.

Правильность педагогического решения зависит от способности личности принимать и реализовывать его со знанием дела, что, в свою очередь, обусловлено личным нравственным и профессиональным опытом учителя. В процедуре педагогического решения участвуют наряду с рациональными компонентами и такие механизмы, как интуиция.

Экономичность мышления является одним из показателей умственного развития, а в педагогической деятельности — профессионализма учителя. Внешне экономичный процесс решения педагогических задач характеризуется лаконичностью, краткостью, выражением лишь ключевых моментов. Ма-

лоэкономичный путь педагогического решения перегружен ложными суждениями и профессиональными стереотипами.

Оперативность — это способность быстро реагировать на изменение обстановки, ситуации. Оперативность порождается многообразием как внешних факторов (текущей ситуацией, новизной ситуаций и ситуационных задач), так и внутренних (мотивационных, интеллектуальных). Оперативность устанавливалась по своевременности применения средств педагогического воздействия: «...воспользоваться этим поступком учащегося, чтобы извлечь урок для всех»; «...анализируя поведение данной учащейся, считаю необходимым дать оценку всем».

Креативность — творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и/или её отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания. Креативность определяется восприимчивостью к новым педагогическим идеям учителя.

Профессиональная продуктивность свидетельствует о количественных и качественных особенностях позитивных результатов профессионализации педагога, об их соответствии профессиональным и социальным требованиям. Профессиональная продуктивность характеризуется следующими показателями: а) *новизна продукта*; б) *самостоятельность*; в) *широта переноса*.

Новизна продукта. Говоря о продуктивности мышления учителя, необходимо отметить, что любое мышление (а особенно мышление педагога) — это искание и открытие нового. В зависимости от степени новизны продукта мышления выделяют продуктивное и репродуктивное мышление. Продуктивное мышление характеризуется высокой новизной продукта, своеобразием процесса его получения и существенным влиянием на умственное развитие. Главным признаком продуктивных умственных действий является возможность получения новых знаний в самом процессе, спонтанно, а не заимствование извне. В этом его основная ценность и специфика в педагогической деятельности.

Самостоятельность мышления формируется в процессе аргументации своей точки зрения. Умственная самостоятельность проявляется в способности человека ставить перед собой цели деятельности, определять для себя её задачи (в том числе познавательные, учебные), отыскивать средства и способы их решения. Самостоятельность педагога проявляется также и в способности человека планировать, организовывать и регулировать свою профессиональную деятельность. Своеобразная «чувствительность к противоречиям», по всей вероятности, является одним из основных критериев развития самостоятельности мышления. Решения, как показали исследования, принимаемые учителями, отличаются по уровням самостоятельности. Самый низкий уровень образуют так называемые тентативные решения (случайные, не опирающиеся ни на знания, ни на опыт).

Широта переноса в относительно новые условия обеспечивает самостоятельное решение проблем, глубокое усвоение знаний, быстрый темп овладения ими.

Таким образом, продуктивность мышления — это владение приемами построения новых способов решения задач, легкость возникновения новых ходов мысли. Продуктивность связывается с количеством идей, выдвинутых

при ответе на конкретный вопрос. Развитое практическое мышление учителя отличает высокая продуктивность. Для него типично изобретение новых идей, планов, методов и приемов, решение новых творческих задач. Многообразие решаемых задач приводит к созданию разнообразных продуктов мыслительной деятельности. А репродуктивное мышление — это клишированное мышление учителя, которое связано с воспроизводством одного и того же в разных ситуациях.

Профессиональная результативность — нахождение учителем наиболее конструктивного решения, которое характеризуется экономичностью (наименьшими потерями, издержками для себя и ученика). Такой учитель нацелен на получение решения, которое обеспечивает достижение непосредственного результата, характеризующегося а) *конструктивностью*, б) *позитивностью*, в) *рефлексивностью*.

Конструктивность — это способность видеть в познаваемой ситуации, а также и в самом учащемся то, на что можно опереться в процессе достижения поставленной педагогической цели. Конструктивность педагогического решения оценивается на основании анализа отношения учителя к поиску причин, способствовавших возникновению конкретной ситуации. В качестве типичных проявлений данного показателя можно привести некоторые высказывания педагогов: «...буду выяснять и устранять условия, вследствие которых стало возможным такое поведение учащихся»; «Во многом виноват сам преподаватель. Он поступает непрофессионально. У него не было контакта с группой». О конструктивности свидетельствовало умение видеть позитивные изменения в конфликтной ситуации.

Конструктивность обусловлена незаданностью и подвижностью всех компонентов, связей и условий труда. Направленность практических решений учителя на их выполнимость тесно связана с конструктивностью этих решений. Учитель, как и любой профессионал-практик, занимает в своей деятельности особую, преобразующую позицию.

При решении сложной педагогической проблемы необходимо работать вместе, чтобы не работать друг против друга. Этому может помочь реализация следующих конструктивных действий: конструирование для обучаемого и воспитываемого межличностной среды, близкой к естественным жизненным ситуациям; «вращивание» новых сторон — участников педагогического процесса. Конструирование развивающих конфликтов облегчается знанием психологии ребят и видением перспективных позитивных линий их развития. Конструктивные действия необходимы, т.к. без них невозможно реализовать полноценную цель, поскольку такие действия позволяют учителю выявить, раскрыть собственную позицию в конкретной ситуации и в деятельности в целом.

Позитивность — ориентация учителя на позитивное в ученике как центральной фигуре педагогического процесса, на поиск средств стимулирования нравственного, эмоционального, интеллектуального развития каждого учащегося. Такой педагог не боится самостоятельного поиска решения задач, как профессиональных, так и жизненных, поскольку позитивный образ мысли активизирует творческий саморазвивающийся потенциал ребенка. Воздействие силой логики, поиск выхода из сложившейся ситуации, снижение её значимости способствуют проявлению более высокого уровня когнитивного

функционирования. В основе такого мышления лежит забота о том, чтобы собственные мысли были удобны для человека. В свою очередь это приводит к повышению результативности совместной деятельности в педагогической ситуации.

Общие принципы, правила и закономерности воспитания и обучения в деятельности отдельного учителя приобретают особые оттенки в силу его сильных и слабых сторон. Лучше всего он справляется с педагогическими задачами, в решении которых опирается на самые сильные стороны как своей личности, так и личности учащегося.

Позитивное мышление — умение мыслить светлыми категориями, категориями успеха. Это замена негативной цели на позитивную: как человек мыслит, таков и результат. Задача позитивного мышления — знать правду, выработать правильные оценки, суждения, взгляды. Иначе возможны негативная оценка или переоценка трудностей, недооценка самого себя. Позитивное педагогическое мышление зависит не от ситуации, а от учителя. Если он достиг своей цели (а она, в свою очередь, совпадает с общественно-полезной, приводит к совпадению «хочу» и «надо»), значит, для него этот стиль позитивен.

Рефлексивность — опосредованность мышления к постоянно изменяющемуся, развивающемуся объекту (он же субъект) педагогического труда. Благодаря рефлексивному мышлению учитель способен всесторонне рассматривать основания своих собственных педагогических действий. В частности, учитель должен рассматривать себя как одну из причин конфликтного педагогического взаимодействия и быть психологически готовым менять себя в позитивном плане. Механизмом успешного самовоспитания педагога служит самопостроение им хорошо отрефлексированного опыта. Для этого необходимо умение конструктивно работать со своим опытом; позитивная направленность на самого себя, изучение уровня своего педагогического мастерства через анализ процессуальной и результативной сторон деятельности. Умение чувствовать и понимать свой пульс способствует осознанию конфликта как функции ситуации, т.е. того, что конфликт напрямую зависит от самого учителя, от его прежнего опыта педагогического взаимодействия.

Нахождение результативного решения происходит в процессе реализации надситуативного уровня обнаружения проблемности, что помогает учителю проанализировать не только ситуацию, но и себя не столько в роли исполнителя, сколько в роли педагога-сценариста, программирующего деятельность учащихся. Этот уровень направлен на нахождение способов снятия противоречий в данной проблемной ситуации. Однако снятие противоречий еще не говорит о нахождении оптимального педагогического решения и о сформированности ПМ в целом.

Профессиональная эффективность решения должна быть нацелена на получение образовательного эффекта, т.е. позитивного воздействия на личность ученика. Эффективность сформированности ПМ определялась нами по совокупности проявления *спонтанности, децентричности и динамичности*. Установлена связь эффективности с обнаружением ситуативного уровня проблемности в решаемой педагогической ситуации.

Спонтанность — нахождение учителем сиюминутных, мгновенных решений педагогической проблемной ситуации.

Децентричность — способность к смене точек зрения в момент выявления разногласия или непонимания. Такое решение характеризуется психическим состоянием, при котором субъект может изменить и варьировать точку зрения при восприятии и анализе ситуации, а также выделять в этой ситуации некоторое множество существенных и несущественных признаков и отношений.

Динамичность решения связана с практической ориентированностью педагогического мышления, поскольку решение конкретной ситуации довольно часто происходит в очень жестких временных рамках и учителю практически не остается времени на обдумывание происходящего. Динамика социальной ситуации приводит к изменению педагогической эффективности, которая выступает как ступень к творческому решению ситуации, как возможность самовыразиться в найденном решении.

Следовательно, об эффективности ПМ можно говорить только лишь в контексте быстротечности педагогической ситуации. Возможно как «соскальзывание» с одного более высоко расположенного критерия на нижерасположенный, так и «подъём» с «нижнего» на «верхний» критерий сформированности ПМ (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровневая характеристика критериев профессионализации ПМ

Ситуативный уровень	Критерии профессионализации ПМ	Надситуативный уровень
<i>Правильность</i> <i>Экономичность</i> <i>Оперативность</i> <i>Креативность</i>	Профессиональная зрелость	<i>Правильность</i> <i>Экономичность</i> <i>Оперативность</i> <i>Креативность</i>
<i>Новизна продукта</i> <i>Самостоятельность</i> <i>Широта переноса</i>	Профессиональная продуктивность	<i>Новизна продукта</i> <i>Самостоятельность</i> <i>Широта переноса</i>
<i>Конструктивность</i> <i>Позитивность</i> <i>Рефлексивность</i>	Профессиональная результативность	<i>Конструктивность</i> <i>Позитивность</i> <i>Рефлексивность</i>
<i>Спонтанность</i> <i>Децентричность</i> <i>Динамичность</i>	Профессиональная эффективность	<i>Спонтанность</i> <i>Децентричность</i> <i>Динамичность</i>

В наших исследованиях показано, что формирование ПМ осуществляется в три этапа: во-первых, актуализируется поиск, отбор и накопление профессионально значимых качеств ПМ на основе выработанных критериев; во-вторых, происходит стабилизация состава ПМ на основе формирования целостной структуры, в которой выделяются более значимые и менее значимые компоненты и связи; в-третьих, завершается свертывание структуры ПМ, переход ец из состояния развития в состояние функционирования в процессе решения педагогической проблемной ситуации.

Для более глубокого понимания психологической сущности ПМ целесообразно, по мнению Ю.Н.Кулюткина, применять диахронический анализ. Нам представляется перспективной такая точка зрения, поскольку профессиональное развитие ПМ — это диахронический процесс, который начинается, на наш взгляд, с обнаружения проблемности в познаваемой педагогической ситуации и разворачивается далее как процесс решения педагогической проблемной ситуации, в результате которого учителем формулируется педагогическая задача и определяются средства её решения.

Профессиональное становление ПМ характеризуется гетерохронностью. В ходе экспериментальных исследований нами установлена зависимость эффективности уровней функционирования ПМ от возраста, пола, квалификации педагога и преподаваемой им дисциплины. Выявлены особенности кризисов профессионального становления ПМ. В исследовании, проведенном Т.Г.Киселевой и И.В.Рябикиной, выявлены 30% учителей (I категории), обладающих среднеразвитыми показателями, и 70% учителей, обладающих высокоразвитыми показателями по методике, диагностирующей способности решения педагогических ситуаций. Из опрошенных учителей высшей категории были выявлены соответственно 85% и 15% учителей. Различия между результатами обеих групп имеют статистическую значимость. Следовательно, присвоение учителю высшей категории очень часто характеризуется снижением продуктивности его мыслительной деятельности в процессе решения педагогической ситуации. В других наших исследованиях (О.В.Сумарокова, Л.Н.Болотова, Н.В.Стаценко, Л.М.Аферова) показано, что кризисы ПМ сопровождаются увеличением количества ошибок в решении педагогической проблемной ситуации и являются отражением дисфункционального обострения противоречий профессионализации.

На основе полученных эмпирических данных (выборка — 350 педагогов, 108 студентов педагогического колледжа) О.В.Сумароковой был разработан психодиагностический инструментарий, включающий опросник на определение доминирующего уровня проблемности (ФШО), состоящий из 19 вопросов, и опросник-определитель уровня ПМ в ситуации оценивания (УПМ), содержащий 7 ситуаций. Проведена их психометрическая проверка и апробация (анализ пунктов опросников, проверка их надежности, валидности, стандартизация). В результате установлена внутренняя согласованность утверждений опросников, говорящая о достаточной надежности результатов. Проведена проверка критериальной валидности теста методом контрастных групп. Внешним критерием служил уровень обученности студентов. Получены статистически значимые различия между двумя группами студентов, что подтверждает критериальную валидность созданных опросников.

На основе разработанных опросников были выявлены следующие взаимосвязи между профессиональными установками учителя по отношению к ученику, уровнем обнаружения проблемности и уровнем ПМ в ситуации оценивания:

- чем менее выражена у учителя установка на ученика как объект деятельности, тем более ярко выражен надситуативный уровень обнаружения проблемности и надситуативный уровень мышления в ситуации оценивания;
- чем более ярко выражен надситуативный уровень обнаружения проблемности в реализации функций оценки, тем больше педагог склонен решать проблемные ситуации, связанные с оценкой, на надситуативном уровне;

— учителя, работающие по развивающим системам Л.В.Занкова и особенно Д.Б.Эльконина — В.В.Давыдова, имеют более высокий уровень понимания социально-психологических функций оценки. У них более ярко выражены надситуативный уровень мышления в ситуации оценивания и установки на ученика как на субъект деятельности по сравнению с учителями, работающими по традиционной системе обучения. Данная тенденция имеет место при глубоком, осознанном понимании педагогами основных принципов развивающей системы обучения.

Проведенный Т.Г.Киселевой анализ психолого-педагогической и социально-психологической литературы по проблеме оценивания как компонента ПМ, а также результаты экспериментального проведенного ею исследования позволили нам сделать следующие выводы: 1. Профессиональное ПМ учителей осуществляется на двух уровнях: ситуативном и надситуативном. 2. Ситуативность — надситуативность мышления учителя отражается на целемотивационном компоненте педагогической деятельности, на выделении информационной основы, на составлении программы деятельности и принятии решения. 3. Профессиональное ПМ является стержневым компонентом педагогической деятельности, одним из профессионально-важных качеств учителя. 4. Процесс оценивания является компонентом профессионального ПМ. 5. Ситуативный — надситуативный уровень мышления учителя отражается на характере исследования объекта оценивания, на импликации и экспликации, на аргументации оценочного суждения, на принятии решения и изменениях, вносимых в объект оценивания. 6. Повышение уровня профессионального мышления возможно путем обучения учителей умению оценивать учебную и педагогическую деятельность.

И.В.Серафимович установлено, что средства достижения намеченной цели, т.е. разрешения педагогической ситуации, искались не в реальной ситуации (в ходе ее возникновения и протекания), а вне ее (позднее, через определенный промежуток времени), что позволяет заключить об использовании профилактических средств для разрешения противоречий, которые эффективны с точки зрения педагога, но не способствуют активизации мыслительного процесса в рамках протекания самой педагогической ситуации.

Гетехронность становления ПМ отражается в несовпадении пиков развития различных уровней обнаружения проблемности. В ходе наших экспериментов показано, что наиболее высокой активностью и результативностью отличается ситуативный уровень у группы педагогов, характеризующихся эмпирическим мышлением. А надситуативный уровень наиболее успешно сопровождает эффективную мыслительную деятельность тех педагогов, которые чаще используют объемные (трансцендентные) обобщения как из области преподаваемого предмета, так и из области психологии.

Результаты исследований позволяют говорить, что сформированное ПМ характеризуется такими «ядерными» качествами, как креативность, дивергентность, рефлексивность, саногенность, конструктивность. Психологический анализ этих и других качеств позволяет отметить доминирование либо функциональных (деятельностных), либо личностных компонентов. На наш взгляд, интегративным качеством ПМ может выступить умение учителя обнаруживать проблемность в решаемой ситуации. Нами установлено, что ситуативный уровень обнаружения проблемности характеризуется совершен-

ствованием предметно-методических составляющих образовательного процесса, а надситуативный — ориентирован на актуализацию нравственного пласта этого процесса (см. табл. 2).

Таблица 2

Структурно-уровневые характеристики ПМ

Тип ПМ	Структура ПМ	Уровень ПМ	Детерминация ПМ	Функции ПМ
Надситуативный	Макроструктура ПМ	Обнаружение надситуативной проблемности	Педагог работает по «Идее»	Преобразование педагогом себя
Ситуативный	Микроструктура ПМ	Ситуативный уровень обнаружения проблемности	Педагог работает по «Ситуации»	Познание и изменение ситуации

Именно эти качества (ситуативность/надситуативность) в целом являются родовыми характеристиками ПМ. Проявление видовых признаков обусловлено, в существенной мере, особенностями ситуационного контекста педагогической деятельности. Такое понимание структурных образований ПМ позволяет выделить и условия его развития и формирования.

Одно из важнейших условий, определяющих развитие ПМ учителя, — взаимосвязь его теоретических знаний и практического опыта. Ни теоретическое знание, взятое отдельно от практического опыта, ни сам по себе индивидуальный опыт учителя не могут внести сколь-нибудь существенного вклада в его профессиональное и личностное становление, а также и в психическое развитие учащихся. Лишь их единство является необходимым условием нравственного развития учителя и ученика как субъектов образовательного процесса. Психологическим механизмом обеспечения единства основных составляющих ПМ является рефлексия учителя.

Особая роль принадлежит интеллектуальной рефлексивности как способности осознать, т.е. адекватно переводить на язык слов не только результат, но и сам ход решения педагогической задачи. Благодаря этому становится возможным исследовать и формировать алгоритмы, разнообразные приемы и способы решения учителем профессиональных задач. Рефлексирующий ум — это хорошо самоорганизующийся ум, способный к самопознанию и саморазвитию.

С рефлексивным уровнем самосознания связана возможность обнаружения учителем тех своих установок, устаревших стереотипов, предубеждений, которые негативно отражаются на конечных результатах его творческой педагогической деятельности. Благодаря процессам осознания педагог принимает на себя ответственность за происходящее в конкретной ситуации. Иначе возможна актуализация тентативного, случайного решения, которое не опирается ни на знания, ни на опыт.

Систематическое формирование ПМ способствует подготовке учителя, способного осознанно участвовать в творческом преобразовании себя и учащихся. Однако, наиболее трудным, поэтому практически неисследованным,

остается вопрос об учете в обучении решению педагогических ситуаций принципов, механизмов и закономерностей становления профессиональных и личностных, прежде всего, нравственных особенностей ПМ.

Следовательно, рассмотрение **ПМ как познавательного процесса поиска проблемности, разрешение которой характеризуется личностной включенностью учителя на преобразования в ходе самой профессиональной деятельности** позволяет выделить следующие его компоненты: 1) деятельностный, ситуативный — отражает самодетерминацию творческой интеллектуальной активности педагога; специфику решения педагогической проблемной ситуации; 2) личностный, надситуативный — отражает способы контроля, оценки и осознания педагогом своей деятельности; своевременное выявление и оптимальное разрешение нравственных проблем, возникающих в процессе личностного развития как учащихся, так и своего собственного, видение педагогических перспектив.

Таким образом, профессиональное становление (развитие и формирование) ПМ — это противоречивый спиралевидный процесс, состоящий из определенных стадий, которые подвержены своеобразному влиянию разнообразных факторов и характеризуются специфической формой интеллектуальной активности и конкретными новообразованиями. Для каждого этапа соответствующим образом необходимы свои уровни и типы (ситуативный и надситуативный) мыслительной деятельности педагога. Следовательно, и формирование ПМ должно характеризоваться вариативностью.

А.В.Федоров *

Насилие на экране и российская молодежь

Негативное воздействие экранных искусств, содержащих сцены насилия, на российскую молодежь в условиях практического отсутствия официального контроля и педагогических рекомендаций отмечается практически повсеместно. Общий контекст здесь таков: после отмены цензуры в средствах массовой информации, случившейся в России, как известно, на рубеже 90-х гг. двадцатого века, на кино-, теле- и видеоэкранах страны стали демонстрироваться (практически без всяких возрастных ограничений) тысячи произведений отечественного и зарубежного киноискусства, содержащих сцены насилия. Только «за пять лет (1993—1998) было снято 350 фильмов, в которых набралось более 4000 сцен насилия и убийств» [1].

Низкий уровень жизни основной массы российского населения, не способного покупать лицензионную продукцию, существенно облегчает жизнь

* **Федоров Александр Викторович** — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социокультурного развития личности Таганрогского государственного педагогического института, руководитель проекта «Социальное воздействие насилия на экране на российскую молодежь 90-х годов XX века» (99-06-00008а).

процветающему аудиовизуальному пиратству, в том числе в области несанкционированного закупкой авторских прав показа фильмов по частным кабельным и дециметровым телеканалам, продажи и проката видеокассет, компьютерных дисков и т.д. Однако в отличие от развитых западных стран (прежде всего — скандинавских), где существуют государственные программы контроля за экранным насилием и ограждением детей, несовершеннолетней молодежи от негативного воздействия сцен насилия на экране, в России до сих пор все оставлено на самотек.

Задача проведения анализа ориентаций и предпочтений российской молодежи (в возрасте до 18 лет) по отношению к экранным искусствам (кинематографу, телевидению, видео, компьютерным играм), типологии отношений тинейджеров к насилию на экране, причин и последствий их контакта с экранным насилием на фоне современной российской социокультурной ситуации 90-х годов двадцатого века составит важное направление исследований в рамках указанной проблемы. Представляется необходимым выяснить степень популярности у российской несовершеннолетней молодежи произведений экранных искусств, содержащих сцены насилия; выявить основные типы и черты характеров экранных персонажей, предпочитаемых тинейджерами; обнаружить факторы, привлекающие юных зрителей в сценах насилия на экране (развлекательная, рекреативная, компенсаторная, информационная функции, динамика, темп действия, актерская игра и т.д.); обнаружить основные факторы неприятия тинейджерами сцен насилия на экране, выяснить тип компании, в которой тинейджеры предпочитают смотреть сцены насилия на экране, причины и следствия (психологическое состояние, размышления и т.д.) такого рода просмотров; определить мнения тинейджеров относительно причин проявления насилия и агрессии в обществе, влияния показа сцен насилия в произведениях экранных искусств на увеличение преступности, запрета показа насилия на экране и пр. Анализ полученных результатов может помочь в составлении и обосновании типологии отношений тинейджеров к насилию на экране, размышлению о причинах и следствиях их контакта с произведениями экранных искусств, содержащих сцены насилия; разработке структуры прогностической модели государственной социокультурной, экологической /экология человека/ политики в области регулирования отношений российской молодежи с экранными искусствами, содержащими сцены насилия.

В настоящее время многие ученые Запада (США, Франции, Скандинавии и др.) обеспокоены негативным влиянием сцен насилия, содержащихся в произведениях экранных искусств, на молодежную, детскую аудиторию. Речь идет и о том, что нередко средства массовой информации практически нарушают Права ребенка, определенные документами ООН, не соблюдают возрастные ограничения при демонстрации (прежде всего по телевидению) насилия на экране. Этой проблеме посвящены многие зарубежные исследования, в той или иной степени касающиеся воздействия насилия в произведениях экранных искусств на молодежную аудиторию. К примеру, усилиями четырех американских университетов (Калифорнийский университет, Университет Северной Каролины, Техасский университет, Висконсинский университет) в 1994—1997 гг. было осуществлено широкомасштабное исследование, посвященное изучению воздействия телевидения на детскую и молодежную аудиторию («National

Television Violence Study»). Ученые-исследователи Барбара Вилсон, Дэйл Кэнкэл, Френк Бьюкка [2] и другие осуществили анализ содержания телепередач и фильмов основных каналов США, определили время, когда программы со сценами насилия наиболее часто выходят в эфир, проанализировали типы отношений детей и подростков к сценам насилия на телевидении, разработали практические рекомендации для руководителей телеиндустрии и родителей. Естественно, многие из методов, предложенных этими и иными западными учеными (контент-анализ, сравнительный анализ, анкетирование, тестирование молодежной аудитории и др.), абсолютно правомерны и эффективно могут быть использованы и на российском материале. Анализ научной литературы и участие автора этих строк в научной конференции ЮНЕСКО (Париж, апрель 1997 г.), посвященной проблемам средств массовой коммуникации и молодежной аудитории, «Медиа и молодежь: проблемы и перспективы» показали, что несмотря на различие в деталях, у зарубежных ученых, работающих в области исследования влияния экранного насилия на молодежную и детскую аудиторию, практически нет разногласий по поводу негативного влияния неконтролируемого потока сцен насилия на молодежь и необходимости создания продуманной государственной политики в области культуры по отношению к экранному насилию.

К сожалению, отечественная наука почти не исследовала данную проблему по отношению к аудитории российской молодежи. На то были определенные причины. Во-первых, в советское время существовала строгая цензура и официально считалось, что негативное воздействие экранных искусств в плане пропаганды насилия возможно только в капиталистическом обществе, следовательно, не было и научных исследований на российском материале. Во-вторых, резкое изменение социокультурной ситуации на рубеже 90-х гг. обнаружило столько «белых пятен», что российские ученые так пока и не добрались до анализа проблемы нашего исследования, быть может, считая ее второстепенной (что, по нашему мнению, неверно). Одно из немногих исключений — работы К.А.Тарасова [3].

Мы провели анкетирования юных зрителей (было опрошено 430 человек в возрасте от 16 до 17 лет) по теме «Экранное насилие и молодежь». Анализ полученных результатов показал следующее. В десятку наиболее предпочитаемых фильмов (таб. 1) вошло лишь четыре картины, в той или иной мере содержащие сцены насилия, тогда как первая тройка лидеров составлена из мелодрамы («Красотка») и двух комедий («Бриллиантовая рука», «Джентльмены удачи»). При этом количество поклонников фильмов со сценами насилия не превысило 17%, тогда как «Красотке» отдали предпочтение 26% тинейджеров. Таким образом, можно сделать вывод: популярность экранного насилия у данной возрастной группы несомненна, однако она уступает популярности мелодраматических и комедийных суперхитов.

Аналогичная картина складывается и в отношении тинейджеров к компьютерным играм (таб. 2): на первом месте игра-мозаика «Тетрис» (она нравится 44,65% опрошенных), не содержащая сцен насилия, в то время, как основанная на сценах насилия игра «Doom» насчитывает почти в два раза меньше поклонников (25,11%). Впрочем, тут надо отметить, что в России персональные компьютеры есть далеко не в каждой семье, поэтому доступ тинейджеров к компьютерным играм пока еще ограничен.

Оказалось, что тинейджеры хорошо ориентируются в жанрово-тематическом спектре экранного насилия (таб. 4 и таб. 5): боевики (action), триллеры (thrillers), фильмы ужасов (horrors), криминальная, военная, космическая, психопатологическая темы справедливо указываются в качестве базовых для проявления насилия.

Оказалось также, что тинейджерам (таб. 6) нравятся не только положительные персонажи, но и главные герои таких содержащих сцены насилия фильмов, как «Крестный отец» (31,86%), «От заката до рассвета» (26,27%), «Терминатор» (24,41%), «Прирожденные убийцы» (11,39%), то есть так называемые отрицательные персонажи — бандиты, убийцы, жестокие садисты и т.п. При этом в качестве понравившихся черт характеров экранных героев (таб. 7) были названы не только «решительность» (41,62%), «ум» (40,23%), «сила» (36,27%), но и «жестокость» (19,53%), значительно уступающая «доброте» (10,46%). На мой взгляд, это одно из проявлений негативного воздействия насилия на экране на молодежную аудиторию.

На вышеупомянутых героев тинейджеры хотели бы походить (таб. 8) во взглядах на жизнь (19,76%), в поведении (12,32%), в манере одеваться (9,69%), в профессии (8,60%) и в отношении к людям (7,44%). Низкий процент ответивших на данный вопрос объясняется тем, что многие тинейджеры посчитали его неуместным, пригодным только «для детей». На полях анкеты встречались надписи типа: «Я уже достаточно взрослый, чтобы никому не подражать».

Число тинейджеров, которых привлекают сцены насилия на экране (таб. 9), равно почти половине опрошенных (48,14%). Отрицательно относятся к экранному насилию 28,84%. Не имеют однозначного мнения по этому поводу 23,02%. Сравнительный анализ таблицы 9 с данными таблиц 1, 2 и 6 доказывает, что самооценка тинейджеров вполне соотносится с их реальными экранными предпочтениями: ни один фильм, компьютерная игра, содержащие сцены насилия и понравившиеся данной аудитории, не смогли преодолеть планку сорока процентов, то есть эти произведения выбрали именно тинейджеры, вошедшие, по данным таблицы 9, в число 48,14% сторонников экранного насилия.

На основании результатов тестирования составлена таблица 10, наглядно проявляющая факторы, которые влияют на восприятие и оценку тинейджерами экранных произведений, содержащих сцены насилия. Среди факторов, привлекающих тинейджеров, на первом месте оказалась развлекательная функция (33,02%), затем в порядке убывания следуют актерская игра, профессионализм режиссера, рекреация, информативная функция, спецэффекты, динамика, темп действия. При этом, конечно, следует отметить, что относительно высокий рейтинг актерского и режиссерского мастерства, на мой взгляд, вовсе не свидетельствует о том, что все тинейджеры, сделавшие данный выбор, на самом деле близки к истинному пониманию художественных качеств произведения. Тут вступает в силу ходовой стереотип: раз фильм или телепередача понравились (в основном своими развлекательными компонентами), значит, и поставлено и сыграно все превосходно.

Таблица 10 показывает также, что большинство тинейджеров (28,84%), ответивших, согласно таблице 9, что их не привлекают сцены насилия на экране, на практике, по-видимому, делает несколько иной выбор: ведь лишь 5,34% опрошенных подтвердили в таблице 10, что их ничего не привлекает

в сценах насилия на экране, остальные, надо думать, указали какие-то конкретные факторы (к примеру, актерскую игру или спецэффекты), в той или иной степени способные удержать их у экрана.

Причины неприятия тинейджерами сцен насилия на экране отражены в таблице 11: на первом месте — влияние насилия на рост преступности в обществе, затем — отторжение кровавых подробностей насилия, ненависть к насилию, страх перед ним, нежелание испытывать неприятные эмоции. При этом процентные данные таблицы 11 в целом соотносятся с соответствующими цифрами таблицы 9, что подтверждает корректность полученных результатов.

Таблицы 12 и 17 наглядно подтверждает давнюю истину: тинейджеры предпочитают общаться с экраном и обсуждать (по данным таблицы 16 регулярные обсуждения происходят у 22,79% аудитории) увиденное в компании друзей. Это распространяется и на сцены экранного насилия. Родителей и в том и в другом случае выбирают в качестве компании лишь 17% опрошенных. Среди причин просмотра экранного насилия (таблица 13) тинейджеры указывают отсутствие дел, нормальное (62,32%), хорошее (26,27%) и плохое настроение (11,39%).

В таблице 14 отражены основные типы психологических состояний, в которых находятся тинейджеры после просмотра сцен насилия на экране. В данном случае большинство из них (согласно стремлению к самоутверждению и взрослости, свойственному молодежи во все времена) уверяет, что их психологическое состояние не изменяется, и лишь малая часть опрошенных (4—5%) признается, что после просмотра у них проявляется агрессивность и ожесточенность. Значительная часть аудитории (около 65%), утверждающая, что их психологическое состояние после контакта с экраным насилием не меняется, не склонна запоминать сцены насилия надолго (таблица 15), и лишь 6,27% тинейджеров отмечают, что экранное насилие остается в их памяти длительное время.

Данные таблицы 18 показывают, что при всей любви к сценам насилия на экране далеко не все из 48,14% тинейджеров готовы отправиться на необитаемый остров с видеокассетой с «Основным инстинктом» или «Молчанием ягнят». Как и в таблице 1, на первом месте экранных предпочтений снова оказались американская мелодрама «Красотка» (ее выбрали в основном девушки) и российские комедии «Джентльмены удачи» и «Бриллиантовая рука». Из произведений, содержащих сцены насилия, максимальное число предпочтений получил фильм «От заката до рассвета» — 3,95%, что примерно в четыре раза меньше рейтинга «Красотки».

Если в таблице 19 приведены данные шуточной ситуации, предложенной тинейджерам в качестве своеобразной разрядки во время тестирования, то результаты таблицы 20 имеют для теста принципиальный характер. Практически с помощью анализа ответов на данную гипотетическую ситуацию (реакция на сцену насилия на телевизионном экране) косвенно проверялись данные, сведенные в таблицы 9 и 11. Понятно, что число тинейджеров, спокойно продолжающих телепросмотр (включая еду у экрана) во время показа сцен насилия, должно соотноситься с количеством положительно ответивших на вопрос о привлекательности экранного насилия в таблице 9 (что и произошло при сравнительном анализе таблиц 9 и 20). И наоборот, число тинейджеров, отводящих взгляды в сторону от экрана, выключающих

телевизор или переключающих его на другую программу, должно примерно соотноситься с количеством отрицательно ответивших на аналогичный вопрос (сравнение данных таблиц 9 и 20 показывает, что так и случилось). Как в таблицах 9, 11, так и в таблице 20 число тинейджеров, с неприятием относящихся к насилию на экране, составляет около 30%.

В таблице 21 приводятся данные, отражающие отношение тинейджеров к гипотетическому предложению сняться в сценах экранного насилия. Анализ показывает, что в данном случае больше половины опрошенных (59,53%) отбросят в сторону свое истинное отношение к сценам насилия на экране, если им пообещают хорошо заплатить. Лишь 7,67% (из 28,84%, согласно таблице 9) тинейджеров остаются верными своему отрицательному отношению к экранному насилию и не желают сниматься в сценах насилия даже за большие деньги. Что ж, такие результаты вполне объяснимы на фоне тяжелого экономического кризиса и безработицы в современной России, в силу которых многие русские семьи испытывают острый недостаток средств к существованию.

В качестве причин проявления насилия и агрессии в обществе тинейджеры назвали (таблица 22) прежде всего то, что «насилие изначально заложено в природе человека», а также психические нарушения. Показ сцен насилия на экране был признан в качестве причины проявления насилия в обществе лишь 3,25% опрошенных. Данные таблицы 23 подтверждают эту ориентацию аудитории. 35,58% опрошенных утверждают, что влияние экранного насилия распространяется только на психически больных людей, 33,02% считают это влияние незначительным, хотя в данном случае уже 14,18% тинейджеров утверждает, что показ экранного насилия приводит к увеличению преступности. Полученный разброс данных я могу объяснить только тем, что отношение тинейджеров к экранному насилию еще не сформировалось окончательно, поэтому многие из них иногда отвечают по-разному на похожие по смыслу, но разные по формулировкам вопросы и ситуации.

Тинейджеры, которых, по данным таблицы 9, привлекают сцены насилия на экране, бесспорно, хотят, чтобы никаких ограничений по отношению к экранному насилию не было («Пусть все остается как есть»): 48,14% (таб. 9), 56,97% (таб. 20) и 48,60% (таб. 24). Запретить показ сцен насилия на экране хотят 12,79% и еще 20,23% опрошенных считают, что надо запретить самые жестокие фильмы и телепередачи. То есть по данным таб. 24 33,02% тинейджеров в той или иной степени за запрет экранного насилия, что соответствует данным таб. 9 (28,84%), таб. 11 (30,46%) и таб. 20 (28,83%). Лишь 3,02% опрошенных считают, что на российском экране насилия может быть и больше — «ничего страшного не случится»...

Сравнение таблиц 24 и 25 показывает, что в ответах о возрастных барьерах для просмотра экранного насилия существует большая разница в случае, если тинейджеры рассуждают о возрастных рейтингах вообще (таблица 24) или по отношению к своему будущему ребенку (таблица 25). Выступая в роли «государственного цензора», тинейджеры считают возможным полностью запретить всем детям смотреть насилие на экране (11,16%), запретить его просмотр детям до 10 (5,11%) и 15 (3,95%) лет. Выступая в роли «родителей», они становятся гораздо строже: 38,37% опрошенных не хотят, чтобы их гипотетические дети смотрели сцены насилия на экране до 10 лет, а 25,34% — до 15 лет. Правда, 35,58% тинейджеров готовы

(во всяком случае, на словах), чтобы их дети смотрели экранное насилие с самого рождения. Последние цифры, кстати, полностью соотносятся с результатами таб. 9, 10, 20 и 23. В самом деле, трудно предположить, что сторонник экранного насилия пожелает уберечь от него других.

Подводя общий итог анализу результатов анкетирования, можно сделать вывод, что влияние экранного насилия на российских тинейджеров весьма ощутимо. Около половины опрошенных положительно относятся к его демонстрации, им нравятся фильмы, телепередачи, компьютерные игры, содержащие сцены насилия, их герои (в том числе отрицательные, с такими, например, качествами, как жестокость). Около трети опрошенных хотя и указали, что их не привлекает экранное насилие, на деле не имеют устойчивых убеждений по данному вопросу, во многих случаях примыкая к той части аудитории, которая не имеет однозначного мнения. Лишь 18% опрошенных обсуждают и делятся своими впечатлениями о просмотренном с родителями. Учителя практически вообще исключаются тинейджерами из круга своих собеседников по отношению к экранным впечатлениям, следовательно, влияние российской школы на взаимоотношения тинейджеров с экранным насилием, к сожалению, почти нулевое. Все это не может не вызывать тревогу, так как начиная со второй половины 80-х — начала 90-х гг. экранное насилие все сильнее проникает в российское общество. На практике в России не существует эффективной системы возрастных рейтингов для просмотра и продажи экранной продукции, системы контроля по отношению к демонстрации сцен насилия на экране. Несмотря на все усилия отдельных педагогов-энтузиастов, остается слабо развитым движение медиаобразования в школах, колледжах и университетах.

Приложение. Блок таблиц «Насилие на экране и российская молодежь»

Часть 1. Ориентации и предпочтения аудитории по отношению к экранному насилию

Таблица 1. Кинопредпочтения тинейджеров

	Названия фильмов, нравящихся тинейджерам	Число тинейджеров (в %)
1.	Красотка	26,04
2.	Бриллиантовая рука	23,02
3.	Джентльмены удачи	22,09
4.	Назад в будущее	18,13
5.	От заката до рассвета	16,97
6.	Скорость	16,27
7.	Ирония судьбы	14,88
8.	Основной инстинкт	13,25
9.	Твин Пикс	12,32
10.	Белое солнце пустыни	11,86

Таблица 2. Компьютерные игры, которые нравятся тинейджерам

	Название или тематика компьютерных игр	Число тинейджеров (в %)
1.	Тетрис	44,65
2.	Doom	25,11
3.	Спортивные игры	15,81
4.	Аладдин	7,20
5.	Mortal combat	3,02

Число тинейджеров (в %), не имеющих доступа к компьютерным играм, — 25,11.

Таблица 3. Страны-производители экранной продукции, в фильмах, телепередачах, компьютерных играх которых, по мнению тинейджеров, содержится наибольшее число сцен насилия

	Страны-производители экранной продукции	Число тинейджеров (в %)
1.	США	90,93
2.	Китай (Гонконг)	52,79
3.	Япония	30,69
4.	Россия	28,83
5.	Италия	11,39

Таблица 4. Жанры фильмов, телепередач, компьютерных игр, которые, по мнению тинейджеров, наиболее часто сочетаются со сценами насилия

	Жанры экранной продукции	Число тинейджеров (в %)
1.	Экшн	90,23
2.	Триллер	76,27
3.	Хоррор	43,72
4.	Фантастика	23,72
5.	Детектив	22,09

Таблица 5. Темы фильмов, телепередач, компьютерных игр, которые, по мнению тинейджеров, наиболее часто сочетаются со сценами насилия

	Тематика экранной продукции	Число тинейджеров (в %)
1.	Криминальная	54,88
2.	Военная	49,53
3.	Космическая	29,76
4.	Психопатологическая	25,34
5.	Эротическая	22,79

Таблица 6. Содержащие сцены насилия фильмы, главные герои которых нравятся тинейджерам

	Названия фильмов	Число тинейджеров (в %)
1.	Твин Пикс	37,67
2.	Молчание ягнят	32,79
3.	Крестный отец	31,86
4.	От заката до рассвета	26,27
5.	Терминатор	24,41
6.	Основной инстинкт	19,53
7.	Никита	18,83
8.	Дракула Брема Стокера	17,90
9.	Рембо	17,44
10.	Кошмар на улице Вязов	12,09
11.	Прирожденные убийцы	11,39
12.	Леон (Профессионал)	10,23
13.	Криминальное чтиво	9,06
14.	Однажды в Америке	6,04
15.	Пятница, 13	4,41

Таблица 7. Черты характера, которые нравятся тинейджерам в героях фильмов (указанных в таблице 6), содержащих сцены насилия

	Черты характера экранных героев	Число тинейджеров (в %)
1.	Решительность	41,62
2.	Ум	40,23
3.	Сила	36,27
4.	Красота	36,51
5.	Смелость	27,44
6.	Обаяние	22,55
7.	Жестокость	19,53
8.	Находчивость	16,51
9.	Целеустремленность	15,34
10.	Хитрость	13,48
11.	Оптимизм	12,09
12.	Доброта	10,46

Таблица 8. Параметры, в которых тинейджеры хотели бы походить на героев фильмов (указанных в таблице 6), содержащих сцены насилия

	Описание параметров	Число тинейджеров (в %)
1.	Взгляды на жизнь	19,76
2.	Поведение	12,32
3.	Манера одеваться	9,69
4.	Профессия	8,60
5.	В отношении к людям	7,44

Часть 2. Отношение аудитории к насилию на экране, причины и следствия их контакта с экранным насилием

Таблица 9. Отношение тинейджеров к показу насилия на экране

	Отношение тинейджеров к показу насилия на экране	Число тинейджеров (в %)
	Сцены насилия на экране привлекают	48,14
	Сцены насилия на экране не привлекают	28,84
	Не имеют однозначного мнения	23, 02

Таблица 10. Факторы, привлекающие тинейджеров в сценах насилия на экране

	Факторы, привлекающие тинейджеров в сценах насилия на экране	Число тинейджеров (в %)
1.	Развлекательная функция	33,02
2.	Актерская игра	28,37
3.	Профессионализм режиссера	22,09
4.	Рекреативная функция	15,81
5.	Информативная функция	11,86
6.	Спецэффекты	8,37
7.	Динамика, темп действия	7,90
8.	Идентификационная функция	6,74
9.	Ничего не привлекает	5,34
10.	Компенсаторная функция	3,95

Таблица 11. Причины неприятия тинейджерами сцен насилия на экране

	Причины неприятия тинейджерами сцен насилия на экране	Число тинейджеров (в %)
1.	Насилие на экране влияет на рост преступности в обществе	30,46
2.	Неприятен вид крови, изуродованных насилем людей	14,65
3.	Ненависть к любому насилию	8,60
4.	Боязнь насилия в любом виде	8,13
5.	Не хочу испытывать неприятные эмоции	3,95

Таблица 12. Тип компании, в которой тинейджеры предпочитают смотреть сцены насилия на экране

	Тип компании	Число тинейджеров (в %)
1.	Друзья	54,88
2.	Близкий друг, подруга	22,79
3.	Одиночество	21,16
4.	Родители	17,44
5.	Любые люди, в том числе незнакомые	14,88

Таблица 13. Причины просмотра тинейджерами сцен насилия на экране

	Причина просмотра	Число тинейджеров (в %)
1.	Отсутствие дел, нормальное настроение	62,32
2.	Хорошее настроение	26,27
3.	Плохое настроение	11,39
4.	Несогласие с мнением родителей	5,81

Таблица 14. Типы психологических состояний, в которых находятся тинейджеры после просмотра сцен насилия на экране

	Тип психологического состояния	Число тинейджеров (в %)
1.	Психологическое состояние не изменяется	65,81
2.	Оживление	29,76
3.	Расстроенность	13,72
4.	Подавленность	6,27
5.	Агрессивность	5,58
6.	Ожесточенность	4,88
7.	Замкнутость	2,32
8.	Взволнованность	2,09
9.	Веселость	1,62
10.	Безразличие	1,16

Таблица 15. Отношение тинейджеров к размышлению о сценах насилия, увиденных на экране

	Тип отношения	Число тинейджеров (в %)
1.	Сцены насилия запоминаются на непродолжительное время	65,58
2.	Сцены насилия забываются сразу после просмотра	33,95
3.	Сцены насилия запоминаются надолго	6,27

Таблица 16. Отношение тинейджеров к обсуждению сцен насилия на экране

	Тип отношения	Число тинейджеров (в %)
1.	Сцены насилия обсуждаются с кем-либо лишь иногда	63,48
2.	Сцены насилия обсуждаются регулярно	22,79
3.	Сцены насилия не обсуждаются никогда	13,73

Таблица 17. Тип компании, в которой тинейджеры предпочитают обсуждать сцены насилия на экране

	Тип компании	Число тинейджеров (в %)
1.	Друзья	64,18
2.	Родители	17,90
3.	Любой человек	12,09
4.	Близкий друг, подруга	5,81

Часть 3. Аудитория и насилие на экране: результаты ситуативных тестов

Таблица 18. Фильмы, которые тинейджеры хотели бы взять с собой на необитаемый остров

	Названия фильмов	Число тинейджеров (в %)
1.	Красотка	16,04
2.	Джентльмены удачи	10,23
3.	Бриллиантовая рука	9,06
4.	Ирония судьбы	4,18
5.	От заката до рассвета	3,95

Таблица 19. Предпочитаемые тинейджерами имена домашних животных, которые могут быть названы ими в честь экранных персонажей

	Имена домашних животных	Число тинейджеров (в %)
1.	Фантомас	19,59
2.	Бэтмен	12,79
3.	Дракула	9,53
4.	Анжелика	9,06
5.	Супермен	7,67

Таблица 20. Типы реакции тинейджеров при просмотре сцен насилия на телеэкране

	Тип реакции	Число тинейджеров (в %)
1.	Спокойное продолжение просмотра	36,51
2.	Еда у телеэкрана	20,46
3.	Отвод взгляда в сторону от телеэкрана	18,37
4.	Выключение телевизионного звука	16,51
5.	Выключение телевизора, переключение на другую программу	10,46

Таблица 21. Отношение тинейджеров к гипотетическому предложению сняться в сценах экранного насилия

	Причины предполагаемого участия или неучастия тинейджеров в съемках сцен насилия	Число тинейджеров (в %)
1.	Участие в случае хорошей зарплаты	59,53
2.	Участие по причине стремления появиться на экране	20,23
3.	Неучастие из-за отсутствия актерских способностей	14,41
4.	Неучастие из-за предпочтения эротических сцен	9,30
5.	Неучастие из-за неприятия насилия	7,67

Таблица 22. Причины, по которым, по мнению тинейджеров, насилие и агрессия проявляются в обществе

	Причины проявления насилия и агрессии в обществе	Число тинейджеров (в %)
1.	Насилие и агрессия изначально заложены в природе человека	45,11
2.	Нарушение психики человека	38,60
3.	Существование материального неравенства	18,37
4.	Показ сцен насилия на экране	3,25

Таблица 23. Мнения тинейджеров по поводу влияния показа сцен насилия на экране на увеличение преступности в обществе

	Тип мнения	Число тинейджеров (в %)
1.	Показ сцен насилия на экране приводит к увеличению преступности только среди психически больных людей	35,58
2.	Показ сцен насилия на экране приводит к увеличению преступности только в малой степени	33,02
3.	Показ сцен насилия на экране не приводит к увеличению преступности, так как преступность была и до изобретения кино и телевидения	16,04
4.	Показ сцен насилия на экране, бесспорно, приводит к увеличению преступности	14,18
5.	Показ сцен насилия на экране не приводит к увеличению преступности, так как вызывает у зрителей отвращение к насилию	4,18

Таблица 24. Отношение тинейджеров к запрету показа насилия на экране

	Тип отношения	Число тинейджеров (в %)
1.	Пусть все остается, как есть	48,60
2.	Надо запретить только самые жестокие фильмы и телепередачи	20,23
3.	Надо запретить, так как показ насилия на экране делает людей жестокими и агрессивными	12,79
4.	Надо запретить смотреть сцены насилия детям, но разрешить взрослым	11,16
5.	Надо запретить смотреть сцены насилия детям до 10 лет	5,11
6.	Надо запретить смотреть сцены насилия детям до 15 лет	3,95
7.	Насилия на экране может быть и больше, чем сейчас, — ничего страшного не случится	3,02

Таблица 25. Возраст, с которого тинейджеры разрешили бы смотреть сцены насилия на экране своему будущему ребенку

	Возраст ребенка	Число тинейджеров (в %)
1.	С 10 лет	38,37
2.	С самого рождения	35,58
3.	С 15 лет	25,34

Примечания

1. Сергеева Ж., Сидоров О. Свой среди чужих, чужой среди своих // Кинопарк. — 1998. — ц 7. — С. 18.
2. Federman, J. (Ed.) (1998) National Television Violence Study. — Santa Barbara: University of California, Center for Communication and Social Policy, 1997. — Vol. 2. — 53 p.
3. Тарасов К.А. Насилие в кино: притяжение и отталкивание // Испытание конкуренцией / Под ред. М.И.Жабского. — М.: Научно-исследовательский ин-т киноискусства, 1997. — С. 74—97.

И.П.Анохина *

Предрасположенность к алкоголизму и наркоманиям: маркеры и перспективы профилактики

Злоупотребление алкоголем и наркотиками во многих развитых странах становится все более острой проблемой не только медицинского, но и социального характера. На протяжении многих десятилетий типичными для Российской Федерации были злоупотребление алкоголем и алкоголизм. Этим вопросам уделялось большое внимание исследователей. Однако в течение последних лет в нашей стране произошли существенные изменения. Наряду с явным преобладанием больных алкоголизмом, совершенно очевидно, что по темпу заболеваемости наркомании занимают ведущее место. В России эта проблема усугубляется некоторой неподготовленностью общества к столь значительному росту потребления наркотиков, уже опередившему потребление алкоголя. Следует отметить, что смертность от хронической алкогольной и наркотической интоксикации и связанных с ними расстройств здоровья составляет значительную долю в общей смертности населения. Массовое злоупотребление психоактивными веществами (ПАВ) приводит к увеличению числа случаев отравления, травматизма, насильственных преступлений и т.д. Обращает на себя внимание то, что потребление наркотиков наиболее характерно для молодежи, в том числе подростков и детей. Злоупотребление алкоголем также часто выявляется в детско-подростковом возрасте. За последнее десятилетие все специалисты, связанные с проблемами молодежи и подростков, отмечают рост наркомании и токсикоманий в этой возрастной группе. Среди подростков России с 1991 г. по 1997 г. число впервые взятых на учет с диагнозом «наркомания» увеличилось

* **Анохина Ирина Петровна** — доктор медицинских наук, заведующая отделом Государственного научно-исследовательского института наркологии, руководитель проекта «Разработка комплекса специфических биологических маркеров наследственной предрасположенности к наркоманиям и алкоголизму с целью повышения эффективности профилактики этих заболеваний» (00-06-00062а).

в 12,6 раза, и если в 1991 г. показатель составлял 4,9 на 100 тысяч подросткового населения, то в 1997 г. — 67,5.

Число подростков, состоящих под диспансерным наблюдением на конец 1997 г. с диагнозом наркомания, составило 89,7 на 100 тысяч подросткового населения, что в 12,5 раз превысило уровень 1991 г. Во многих регионах страны за первую половину 1999 г. количество больных наркоманиями увеличилось вдвое по сравнению с концом 1998 г.

Несомненно, что эти факторы значительно влияют на формирование личности и ее интересов, на социальный статус и состояние нашего общества в целом.

Внутривенное употребление наркотиков способствует быстрому распространению вирусных инфекционных заболеваний — СПИДа, гепатитов и др. К середине 1999 г. число выявленных лиц, инфицированных вирусом иммунодефицита, составило 22 тыс. человек, и 95% из них являются больными наркоманиями. Большинство больных опийной наркоманией, как правило, умирает в молодом возрасте.

В этой ситуации необходимо разрабатывать принципиально новые профилактические меры, так как существующие воспитательно-образовательные подходы, к сожалению, не дают необходимых результатов.

Для разработки эффективных методов профилактики и лечения наркомании и алкоголизма необходимо знание биологических механизмов формирования этих заболеваний.

Влияние наркотиков и алкоголя на организм человека, его жизнедеятельность и функции, проявляется в 3-х различных направлениях.

Во-первых, наркотики и алкоголь специфически влияют на определенные системы и структуры мозга, вызывая таким образом развитие синдрома зависимости. Именно этот синдром является ведущим, стержневым в клинической картине наркологических заболеваний.

Во-вторых, наркотики и алкоголь обладают токсическим воздействием практически на все внутренние органы и системы организма. Следует подчеркнуть, что токсическое поражение различных органов не связано напрямую с проявлениями синдрома зависимости. В то же время временная нетрудоспособность, инвалидизация и смертность больных алкоголизмом и наркоманиями (в том числе — ранняя) чаще всего обусловлены именно последствиями и осложнениями токсических эффектов психоактивных препаратов.

Наконец, в-третьих, сегодня уже представляется несомненным влияние наркологической патологии родителей на потомство. Многочисленными медико-генетическими исследованиями доказано, что у детей, родившихся от больных алкоголизмом или наркоманиями, существенно повышен риск развития этих заболеваний. Кроме того, у большинства из них выступают те или иные характерологические и поведенческие расстройства: повышенная возбудимость, агрессивность, склонность к риску, к развитию депрессивных состояний и т.д. Потребление наркотиков матерью в период беременности может стать причиной рождения ребенка со сформировавшейся наркотической зависимостью.

Нейрофизиологические механизмы развития зависимости от наркотиков базируются в стволовых и лимбических структурах мозга, в тех его областях,

где располагается так называемая система подкрепления. Эта система участвует в обеспечении регуляции эмоционального состояния, настроения, мотивационной сферы, психофизического тонуса, поведения человека в целом, его адаптации к окружающей среде. В свое время было показано, что если при вживлении в данные «зоны» микроэлектродов животное получает возможность произвольно раздражать их электрическим током, то оно делает это безостановочно в течение длительного времени — вплоть до полного истощения. Несомненно, что психоактивные вещества, обладающие наркотическим потенциалом, т.е. способные привести к развитию зависимости, также воздействуют химическим путем на указанную систему подкрепления, активируя ее и влияя на метаболизм нейромедиаторов.

Результаты многочисленных исследований позволяют сделать заключение, что именно влияние алкоголя и наркотиков на нейрохимические процессы мозга является основой развития синдрома зависимости. При этом следует отметить, что массивное воздействие наркотических препаратов приводит к дисфункции почти всех нейрохимических систем мозга, однако далеко не все из этих нарушений имеют связь с развитием синдрома наркотической зависимости. Изучение механизмов действия психоактивных препаратов показало, что каждый из них имеет свой фармакологический спектр действия. Однако у всех веществ, способных вызвать синдром зависимости, имеется общее звено фармакологического действия — это характерное влияние на катехоламиную (КА) нейромедиацию в лимбических структурах мозга, в частности, в «системе подкрепления».

Воздействие психоактивных веществ приводит к интенсивному выбросу нейромедиаторов из группы катехоламинов (КА) из депо, а следовательно — к значительно более сильному возбуждению системы подкрепления. Такое возбуждение нередко сопровождается положительно окрашенными эмоциональными переживаниями. Свободные КА подвергаются действию ферментов метаболизма и быстро разрушаются. Повторные приемы наркотиков приводят к истощению запасов нейромедиаторов, что проявляется недостаточно выраженным возбуждением системы подкрепления при поступлении «нормального» импульса. Психофизически у человека это выражается падением настроения, ощущением вялости, слабости, переживаниями скуки, эмоционального дискомфорта, депрессивными симптомами. Прием психоактивных веществ на этом фоне вновь вызывает дополнительное высвобождение нейромедиаторов из депо, что временно компенсирует их дефицит в синаптической щели и нормализует деятельность лимбических структур мозга. Этот процесс сопровождается субъективным ощущением улучшения состояния, эмоциональным и психическим возбуждением и т.д. Однако свободные КА вновь быстро разрушаются, что приводит к дальнейшему падению их содержания, ухудшению психоэмоционального состояния и, соответственно, к стремлению вновь использовать наркотик. Этот «порочный круг» лежит в основе формирования психической зависимости от алкоголя и наркотических препаратов. Описанные механизмы являются ведущими, но они сопровождаются и многими другими расстройствами функций мозга и поведения.

При длительном употреблении алкоголя и наркотиков может развиваться дефицит нейромедиаторов, причем угрожающий жизнедеятельности организ-

ма. В качестве механизма компенсации этого явления выступает усиленный синтез катехоламинов и подавление активности ферментов их метаболизма, в первую очередь, моноаминоксидазов (МАО) и дофамин-бетагидроксилазов (ДБГ), контролирующей превращение дофамина в норадреналин. Таким образом, стимулируемый очередным приемом ПАВ выброс КА и их ускоренное, избыточное разрушение сочетаются с компенсаторно усиленным синтезом этих нейромедиаторов. Происходит формирование ускоренного кругооборота КА. Теперь при прекращении приема наркотика, т.е. абстиненции, усиленное высвобождение катехоламинов из депо не происходит, но остается ускоренный их синтез. Вследствие изменения активности ферментов в биологических жидкостях и тканях (главным образом, в мозге) накапливается один из КА — дофамин (ДА). Именно этот процесс обуславливает развитие основных клинических признаков абстинентного синдрома: высокой тревожности, напряженности, возбуждения, подъема артериального давления, ускорения пульса, появления других вегетативных расстройств, нарушения сна и т.п.

Описанные выше изменения нейрохимических функций мозга вызывают формирование физической зависимости от психоактивных препаратов [1, 2, 6].

Наблюдения, накопленные за многие годы, свидетельствуют, что среди общей популяции населения имеется категория лиц со склонностью к употреблению алкоголя и наркотиков и высоким риском развития синдрома зависимости от этих психоактивных веществ.

Примечательно, что подобные же признаки выявляются у различных лабораторных животных. Имеются чистые генетические линии животных, склонных к употреблению больших количеств алкоголя или, наоборот, отказывающихся от него, животных с высокой мотивацией потребления опиатов или избегающих эти наркотики и т.д.

Выделяются также животные с различной степенью подверженности к формированию синдрома зависимости.

Наряду с этим, серьезные исследования, проведенные в различных странах, показали, что у детей отца-алкоголика риск формирования алкоголизма повышен в 4—6 раз, независимо от социального окружения и условий воспитания.

Дети, рожденные от больных алкоголизмом (группа высокого риска), чаще других сталкиваются с трудностями общения и обучения в школе. Для них достаточно высок риск дезадаптации во взрослой жизни, и, как упоминалось выше, именно они часто пополняют ряды алкоголиков.

В последнее время появились данные [7], что больные опийной наркоманией также часто имеют наследственную отягощенность алкоголизмом (49% больных имеют отца, больного алкоголизмом), сами злоупотребляли алкоголем до начала наркотизации (59%) и у них выявляется широкий спектр преморбидной патологии — патология беременности матери и постнатального периода развития, энурез, признаки минимальной мозговой дисфункции, выраженный психический инфантилизм и др.

Все эти факты приводят к заключению, что имеются индивидуумы с биологической предрасположенностью к употреблению психоактивных веществ и развитию синдрома зависимости и что этот признак в большинстве случаев является генетически детерминированным.

Несмотря на то, что многие ученые склоняются к подобной точке зрения, конкретные биологические механизмы формирования и реализации указанных индивидуальных особенностей остаются недостаточно ясными.

Изложенное выше дает возможность предложить новую стратегию дифференцированной профилактики алкоголизма и наркомании, которая включает не только социально-психологические и воспитательно-образовательные программы для всего населения, но и специальные программы для лиц, особенно детей, с наследственной предрасположенностью к этим заболеваниям, в которых могут использоваться и медико-биологические методы коррекции.

Однако для реализации этих предложений необходимо иметь инструменты, маркеры, позволяющие выявлять лиц с наследственной биологической предрасположенностью к злоупотреблению ПАВ, так как наличие наследственной отягощенности не означает высокий риск алкоголизма и наркомании для всех членов семьи.

Литературные данные [10] и проведенные нами исследования показывают, что надежным объективным показателем целого ряда функций могут являться поздние волны вызванной электрической активности головного мозга человека. В первую очередь это относится к позднему положительному компоненту с латентным периодом около 300 мс (250—500 мс) — так называемой волне P300, параметры которой определенным образом изменяются в соответствии со значимостью раздражителя и состоянием функций головного мозга, обеспечивающих состояние мотивационной сферы, мыслительных процессов, способность человека выделять существенные признаки предметов, явлений, уровень критичности мышления.

В ряде работ показано, что алкоголь оказывает более выраженное влияние на правое полушарие по сравнению с левым [5]. Предполагается, что такое нарушение межполушарных отношений приводит к замедлению начального этапа зрительного восприятия вербальной информации, т.е. к замедлению зрительно-пространственного анализа вербальных стимулов, осуществляемого преимущественно правым полушарием.

О выраженном угнетении функций правого полушария у больных алкоголизмом отчетливо свидетельствуют электрофизиологические исследования. Показано, что при решении сложных зрительно-пространственных задач у больных наблюдается значительное увеличение скрытого периода регистрируемых в этих условиях поздних компонентов вызванного потенциала коры головного мозга и уменьшение его амплитуды по сравнению со здоровыми людьми. При этом установлено, что в правом полушарии эти явления выражены сильнее, чем в левом. Существует так называемая правополушарная гипотеза, согласно которой алкоголь сильнее действует на правое полушарие мозга по сравнению с левым. Это приводит к нарушению естественной функциональной межполушарной асимметрии, приводящему к изменениям в работе ЦНС [8]. Указанное нарушение межполушарной асимметрии и было использовано нами в поисках возможных маркеров развития зависимости от ПАВ.

Как уже упоминалось, в настоящее время значительная роль в патогенезе как алкоголизма, так и наркомании отводится различным нарушениям нейрохимических процессов.

Учитывая, что изменения ДА нейромедиации являются основным звеном формирования алкогольной и наркотической зависимости, есть основания

думать, что именно в этой системе следует вести поиск нейрохимических маркеров врожденной предрасположенности к злоупотреблению ПАВ.

Эксперименты, проведенные нами на лабораторных животных, привели к заключению, что одной из основных нейрофизиологических предпосылок высокой мотивации потребления ПАВ является врожденная недостаточность активности «системы награды» мозга, обусловленная, главным образом, дефицитом ДА нейромедиаторной системы [3, 4].

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что основным направлением поиска особенностей лиц с высоким риском зависимости от алкоголя и наркотиков должно быть изучение вызванной электрической активности мозга и функций ДА нейромедиаторной системы.

В рамках финансовой поддержки РГНФ было проведено исследование по поиску маркеров индивидуальной предрасположенности к зависимости от ПАВ путем изучения особенностей вызванной электрической активности мозга и метаболизма ДА у детей и подростков от отцов, больных алкоголизмом (120 чел.). Группами сравнения являлись дети от здоровых отцов, а также больные алкоголизмом и наркоманией в ремиссии. Для проведения нейрохимических исследований 60 подростков были разделены на 4 группы:

I) употребляющие спиртные напитки, отцы которых злоупотребляют алкоголем или больны алкоголизмом;

II) с высокой алкогольной семейной отягощенностью по линии отца, но практически не потребляющие алкогольных напитков;

III) употребляющие алкоголь, родители которых не имеют алкогольных проблем;

IV) с низкой семейной алкогольной отягощенностью, не потреблявшие алкогольных напитков.

У исследуемых проводилась регистрация вызванной электрической активности. Вызванные потенциалы мозга записывались на многофункциональном приборе «Viking IV» («Nikolet», США). Условия стимуляции — чередование двух звуковых раздражителей в случайном порядке, различающихся по тону (1000 Гц и 2000 Гц), подаваемых с частотой 0,61 Гц с одинаковой интенсивностью (над порогом 70 дБ), в соотношении 70% и 30% соответственно. Испытуемым давалась предварительная инструкция считать про себя редкие звуки (2000 Гц), которые предъявлялись в случайном порядке. После дачи инструкции обязательно проводилось пробное исследование. Только после правильного усвоения инструкции проводилась основная запись эксперимента. Вызванные потенциалы регистрировались в области С3 и С4, а также в заднеассоциативной подобласти (середина расстояния между С2 и верхним краем ушной раковины — предположительно поле 37 по Бродману). Референтные электроды помещали на левом и правом сосцевидных отростках. Латентный период (ЛП) и амплитуда компонента Р300 измерялись автоматически после определения экспериментатором на графическом дисплее пиков исследуемой волны и пика предшествующего колебания.

Полученные результаты подвергали дисперсионному анализу, достоверность различия показателей в группах определялась по методу Стьюдента.

Кроме того, было проведено одновременное определение в одной пробе плазмы крови и мочи содержания «свободных» и конъюгированных форм катехоламинов, их предшественника в цепи биосинтеза — 3,4-диоксифени-

лаланина (ДОФА) и продукта окислительного дезаминирования ДА — 3,4-диоксифенилуксусной кислоты (ДОФУК), уровня 5-ОТ в плазме крови и тромбоцитах, а также концентрации кислых метаболитов катехоламинов и серотонина (ВМК, ГВК и 5-ОИУК) в моче с помощью высокоэффективной жидкостной хроматографии с электрохимическим детектором. У подростков также проводилось психофизиологическое обследование при помощи различных тестов.

Электрофизиологические исследования выявили у детей и подростков из семей, отягощенных алкоголизмом, и у больных алкоголизмом и наркоманиями в ремиссии выраженную межполушарную асимметрию мозга с преобладанием активности левого полушария и значительную редукцию или полное отсутствие волны Р300 в звуковом вызванном потенциале (Ю.Л.Арзуманов с сотрудниками).

Нейрохимические исследования также выявили особенности функций КА нейромедиаторной системы у подростков от отца, злоупотребляющего алкоголем. Эти отклонения имели связь только с алкогольной наследственной отягощенностью, но не были связаны с употреблением алкоголя самим подростком (Б.М.Коган с сотрудниками). К ним относятся высокий уровень ДА в крови при низкой его концентрации в моче, замедленное превращение ДА в НА и снижение скорости метаболизма всех КА, что сопровождается низкой концентрацией продуктов их распада.

Выполненное исследование носит предварительный характер, но его результаты дают основание сделать некоторое заключение о возможных маркерах наследственной предрасположенности к злоупотреблению психоактивными веществами. Это следующий комплекс показателей:

- а) высокий уровень эмоциональной нестабильности и напряженности;
- б) выраженная межполушарная асимметрия мозга с подавлением активности правого полушария;
- в) снижение или полное отсутствие волны Р300 коркового вызванного электрического потенциала;
- г) характерные изменения кругооборота нейромедиаторов катехоламиновой природы.

В настоящее время имеются методические условия для проведения молекулярно-генетических исследований с целью выяснения связи структурных особенностей некоторых генов с врожденной предрасположенностью к потреблению психоактивных веществ. Однако для того, чтобы проводить непосредственные генетические исследования, необходим «адрес» поиска, так как у человека имеется более 100 тысяч генов, состоящих из различных структурных участков. Именно результаты нейрохимических и электрофизиологических исследований могут помочь определить, какие гены имеют отношение к наличию высокого биологического риска злоупотребления психоактивными веществами.

Успешное развитие методов геной инженерии, их совершенствование и упрощение позволяет предполагать, что при наличии информации о генах и их структурных особенностях, ответственных за врожденную предрасположенность к потреблению алкоголя и наркотиков, в XXI веке в необходимых случаях возможно использование генотерапии для профилактики и лечения алкоголизма и наркомании.

Литература

1. Анохина И.П. Нейрохимические аспекты патогенеза хронического алкоголизма // Сб.: Патогенез, клиника и лечение алкоголизма. — М., 1976. — С. 15—19.
2. Анохина И.П., Коган Б.М. Функциональные изменения нейромедиаторных систем при хроническом алкоголизме // Токсикология. — 1984. — Т. 13. — С. 151—178.
3. Анохина И.П., Векшина Н.Л., Веретинская А.Г. Центральные механизмы предрасположенности к зависимости от психоактивных веществ // Ж. невроп. и психиатрии им. С.С.Корсакова. — 1997. — Т. 97. — ц 12. — С. 83—88.
4. Анохина И.П., Веретинская А.Г., Векшина Н.Л., Небаракова Т.П., Овчинникова О.И., Дружина Е.В., Овчинников И.В. Наследственный алкоголизм: некоторые нейрохимические механизмы // Вестник РАМН. — 1999. — ц 6. — С. 43—47.
5. Арзуманов Ю.Л., Шостакович Г.С. // Ж. невроп. и психиатрии им. С.С.Корсакова. — 1981. — Т. 81. — ц 9. — С. 1367—1375.
6. Коган Б.М. Состояние катехоламиновой нейромедиации при алкоголизме: Дисс. докт. биол. наук. — М., 1988.
7. Козлов А.А. Клинические проявления изменений личности у больных наркоманиями: Дисс. канд. мед. наук. — М., 1999.
8. Костандов Э.А. Функциональная асимметрия полушарий и неосознаваемое восприятие. — М.: Наука, 1983. — 170 с.
9. Dackis C.A., Gold M.S. New concept in cocaine addiction: the dopamine depletion hypothesis // Neurosci and Biobehavioral Reviews. — 1985. — V. 9. — P. 469—477.
10. Porjers B., Begleiter H. Human brain electrophysiology and alcoholism // Alcohol and the brain. — Tarter, Plenum Press, 1985. — P. 156—172.
11. Tabakoff B. Neurochemical aspects of ethanol dependence // Alcohol and opiates — neurochemical and behavioral mechanisms. — N.-Y.—San-Francisco—London, 1977. — P. 21—39.